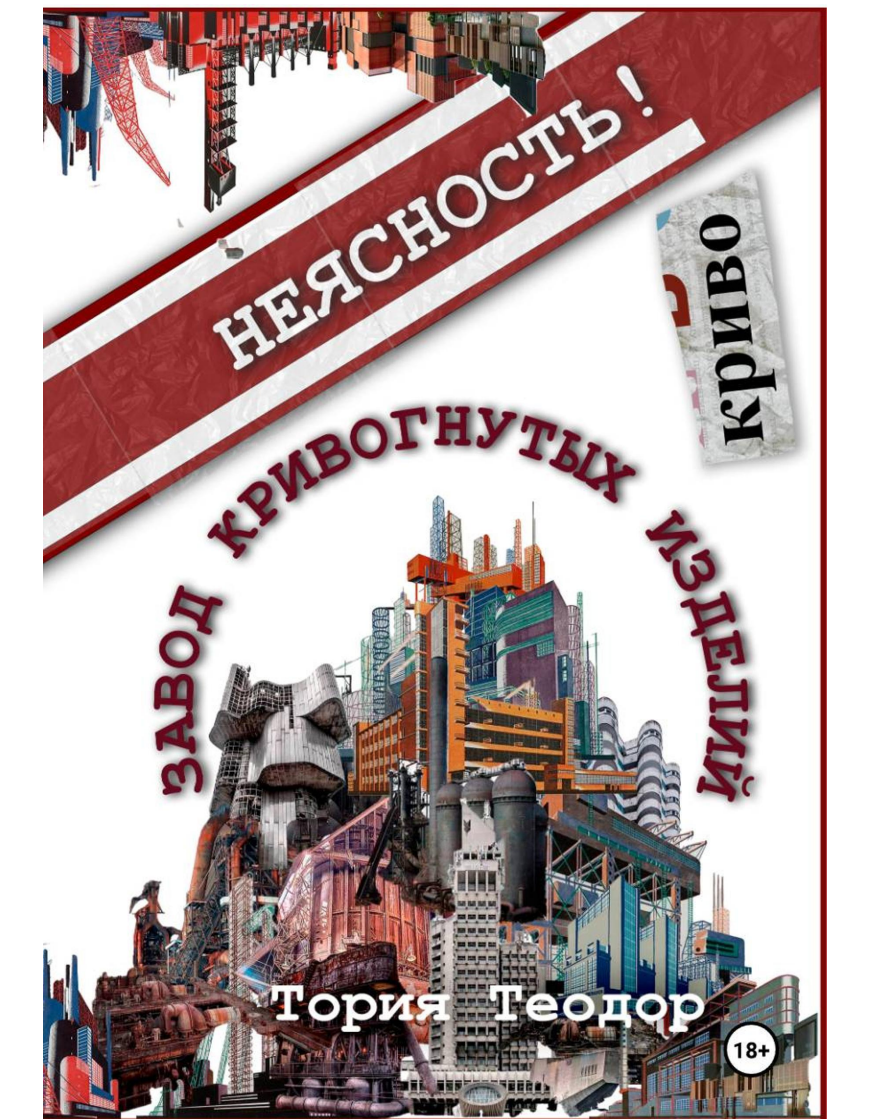

НЕЯСНОСТЬ!

криво

ЗАВОД КРИВОГНУТЫХ
ИЗДЕЛИЙ

Тория Теодор

18+

Теодор Тория
Завод Кривоогнутых Изделий
Серия «Вселенная Завода», книга 1

<https://litres.ru/72742006>

SelfPub; 2026

Аннотация

Завод кривоогнутых изделий возвышается над подчиненным своей воле Городом. Управлять его хитроумными и коварными механизмами, меняющими самую идею пространства и энергии, способен лишь его Директор, Гавриил Хрон. Его судьба связана с этим местом, как и с судьбами других людей, искореженными и испорченными тенью громадного предприятия, подпирающего небеса и расползающегося во все стороны так далеко, насколько хватает человеческого взгляда... Сможет ли Хрон воплотить свою мечту? Даже если она будет стоит целого мира?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

218

Теодор Тория Завод Кривогнутых Изделий

-0- МАДЛЕН КИТОВСКИ -0-

Завод кривогнутых изделий¹ не останавливает своей ра-

¹ Завод кривогнутых изделий – крупнейшее предприятие на юге Континента, обладающее монополией на технологию «гнутья кривых». Является единствен-

боты ни на час – такова участь гиганта производства. Тысячи входящих в его клоаку вагонов с сырьем. Тысячи покидающих его грузовиков с товарами и деталями².

Завод кривоогнутых изделий – колосс, собранный из частей самого себя. Смешанные воедино человеческие усилия, чугун и сталь. Многометровые своды, титанические опоры укреплений. Колосс, наблюдающий облачную панораму своим внимательным и строгим взглядом, отпугивающим храбрую птицу и притягивающим человека слабого.

Когда поднимается сильный ветер, все микрощели, недодваренные листы обшивок, проржавленные остовы старых цехов приходят в состояние инструментального гула, издавая заунывную симфонию. Музыка этих измученных производственных саксофонов и гобоев просачивается сквозь помещения, намекая на перемены, скорые и неотвратимые изменения, коих здесь не увидит никто. Никто.

Вокруг Завода кривоогнутых изделий живут все те, кто днем и ночью трудится за стенами его. День начинается с вахты, вахтой же и заканчивается. Сторожевые псы на Заводе даже не утруждаются лаять, видя проходящих, на лицах чьих написано лишь истощение, изнеможение, смертельная

ным зарегистрированным поставщиком кривоогнутых товаров из областей машиностроения и товаров народного потребления. (здесь и далее – примечания профессора Фей-Лей-Лу, доктора технических наук Кривоогнутого Университета).

² Общий объем товарооборота Завода кривоогнутых изделий составил порядка 11% от мирового товарооборота за прошлый год согласно аппроксимированным данным.

усталость. Улицы рабочего поселка, как сжатые в судороге пальцы, давят друг на друга, буквально выплевывая проходящего на обширный пустырь перед входом в место, где изгибаются и гнутся изделия. Смена вахт. Убывающие на отдых и прибывающие тянуть свою лямку рабочие понимают, что такая работа гнет не только металл.

Тем временем, до пробуждения Мадлен всего несколько минут. Будильник со встроенным в стену механизмом буквально сросся с конвейером. Тик-так. Дизель-генераторы продуцируют детонацию. Тик-так. Руда становится чугуном, чугун – сталью. Тик-так. Сталь превращается в новый цех, корпус автомобиля, его двигатель, жестяную кружку, десертную вилку, совок для мусора. Будильник издаст свой клич более чем через 10 минут, но инженер всегда просыпается раньше. Звон раздражающих слух колокольчиков застал ее уже бодрствующей. Каждый имеет право хоть пару минут в начале дня ощущать себя человеком, несчастным, но человеком. Мадлен исправно устанавливает время срабатывания отвратительных колокольчиков на 5.45 утра.

Она в темноте нащупывает рабочий комбинезон, лежащий на стуле. Вместе с ней просыпается и ее обоняние, мгновенно улавливающее влажный запах отработанного масла и свежего мазута – гнилые моллюски, иссохшая морская капуста на берегу. Запах распространяется по всей территории – и далеко за ней.

Мадлен надевает комбинезон, специальные рабочие нос-

ки (не стирает их на протяжении нескольких недель, производственная гарь перебивает все остальные запахи), достает из-под кровати «безопасные» сапоги. В одной из поставок «безопасных» сапог лишь в левом из них обнаружилась специальная пластина, предотвращающая при падении криво-гнутого изделия на ногу превращение рабочего в бессрочно-го инвалида – с таким же бессрочным пособием. Инженеры без устали об этом шутят, даже пробуют надевать два левых сапога, чтобы добиться от «левобезопасных» сапог полной безопасности ношения.

Сквозь квадратное окно сорок на сорок сантиметров, вырезанное в стене газовым резаком, виднеется фонарь ночного освещения. В его жиденьком свете рабочие перемещаются и перемежаются между цехами и частями металлического тела гиганта. Множество платформ, площадок и путей установлены вне Заводских стен, образуя хитрую систему трансфера, находящуюся порой на высоте свыше двух сотен метров. Небо непроглядно от дыма и копоти Завода, что рассеивается лишь через несколько десятков километров в стороне от него. А еще гул. Непрекращающийся гул и вибрация, которые все время отдаются то в голове, то в пятках. Со временем в тишине становится не заснуть.

Умывальник после сильного нажатия кнопки на смесителе выплевывает немного воды, четко и дозировано. Он встречает Мадлен будучи весь перепачканный сажой и разводами черной липкой грязи, вездесущей и ставшей неотъ-

емлемой. Все это свинство вызывает у девушки своим видом лишь раздражительную усталость. Она пыталась привыкнуть ко вкусу и запаху местной воды: техническая, будто прошедшая сквозь Чистилище, лишенная любых других молекул, кроме молекул самой воды, исключительный дистиллят, от которого редеют волосы и крошатся зубы. Она пытается привыкнуть к этому каждое утро, но так и не может, потому даже умывается с некоторым отвращением и отстраненностью. Кариес во всех четырех шестерках. Секущиеся концы. Целый клоч спутавшихся волос на ободке раковины.

Мадлен заправляет огненно-красные волосы под кепку. Время завтрака.

Она выходит из своей комнаты в общий жилой коридор и слышит звон сработавшего будильника. Странно было забыть его выключить, не правда ли?

Мадлен возвращается и видит неясную тень в комнате, почти сливающуюся с общим мраком помещения, срастающуюся с ним, лишь символически освещаемого захудалым уличным фонарем. Просто тень, ничего более. Препятствие. Предел. Критическая точка темноты.

Однако, тень эта меняет ее настроение, она скачет по стене, противоположной от окна. Ничего необычного, просто тень, но в череде одного за другим повторяющихся однообразных дней это –сродни потухшему посреди небосвода солнцу. Будильник выключен, но звон, надрывно просящий прекратить его, заполнивший весь этаж, не исчезает. Она по-

нимает, что сегодня к ней приблизится нечто, что до обиды жалко упустить и так бесконечно страшно встретить. Бесцветные волоски встают на руках. Вакуум под ложечкой. Легкая тревога, словно зуд под кожей. Кислинка рвоты. Комариные крылья, трепетавшие с пискom, замирают в потяжелевшем пространстве. К ней приблизится что-то, о чем только пытается намекнуть металлический шарик, скачущий от края до края окошка.

Мадлен подходит ближе, и теперь круглая громадная тень, становясь с каждым шагом девушки все меньше, уже скачет по ее лицу.

Шарик на мгновение замирает в воздухе и, словно ощутив на себе чье-то внимание, падает на пол.

Девушка чувствует, что *авария*, куда более сильная, нежели обычно, совсем к ней близка. Она чувствует движение в механизмах, скрывающихся в стенах. Она чувствует *неясность*. Пожалуй, потому ее так быстро и подняли из простых машинистов в инженеры.

Природа этих шариков ей неизвестна³, но всякий раз они знаменуют собой приближение неясности. Встретить их вне Завода невозможно. Точно древнее проклятие. Бусина, сорвавшаяся с браслета самой Вечности. Здесь к ним привыкли относиться как к мусору. Сгребают специальным криво-

³ Небольшие шарики из металла неизвестного происхождения, в некоторых исследованиях называемые «дефиницами», образуются в разных хаотичных, неподдающихся статистическому и системному анализу местах, находящихся поблизости от источника неясности.

гнутым пылесосом и утилизируют⁴.

«Лишь бы не мой цех. Только не он. Только не опять».

Мадлен покидает комнату и минует коридор, отпирает засовы на дверях, выпуская сдавленный воздух из коридора в широкий низенький общий зал, воздух, будто весь состоящий из горького пота, перегара и желчных отрыжек. Кончиками пальцев она чувствует сквозняк – задымленный, но прохладный и освежающий.

«В четвертом цеху новый инженер. Как там его? Не вспомнить. Пора бы и ему уже отрабатывать теоретические знания на практике».

Прогулка в одиночестве по открытому трапу сродни ритуалу: переход из жилого блока в столовую, из столовой – в производственный цех. Сегодня ритуал испорчен саднящим беспокойством, от которого не избавиться. Столовая. Сюда никто не спешит прийти, но вместе с тем никто и не торопится скорее ее покинуть. Громадная кастрюля со столиками, солонками и перечницами на них. Неограниченное количество хрена и горчицы – в конце стойки. Столовая – в каждом блоке своя.

«Хрен им, а не неясность в моем цехе. Нужно проверить исправность оборудования, которое устанавливалось последним. Срок приработки до полугода. Именно в этом

⁴ Утилизация дефиниц является сложным технологическим процессом, засекреченным и зафиксированным лишь в документах внутреннего пользования За- вода.

диапазоне и случаются аварии».

—Доброго утра, Мадлен.

—Привет, Таша.

—Что будешь?

—Ты научилась готовить что-то кроме овсянки и кислого супа без намека на мясо?

—Да иди ты.

—Да иди *ты*.

—Тебе овсянку приправить?

—Плюнуть я туда и сама могу.

Мадлен любит, как готовит Филипп. В такие дни, правда, приходится подраться за котлету пожирнее или нахамить рабочим из Шестого отдела, чтобы не накладывали себе полторы порции, но его стряпня точно того стоит.

Девушка взяла свою колотую тарелку с кашей из жирных рук Таши, прихватила наиболее ровную ложку и отправилась за дальний столик. До него всем лень идти, а еще за него можно сесть спиной ко всему остальному помещению: очевидный плюс для человека, который не любит, когда ему заглядывают в рот.

—Филипп передавал тебе привет, Мадлен.

—Как он? — инженер обернулась.

—Еще один случай этой инфекции. Лежит, лихорадит, но в целом держится.

—Славно.

Таша скрестила на груди руки и демонстративно отвела

взгляд к потолку, словно там вывесили свежий выпуск «Заводских будней».

—Что, мне тебя поблагодарить за переданный привет?

—Было бы неплохо. Могла и не говорить ничего.

—Ну вот фасуй кашу и ничего не говори.

Мадлен нелюдима? Этого нельзя сказать. У нее, как и у всех, есть люди, которыми она дорожит. Всего лишь слишком четкая грань между теми, кто ей близок — и всеми остальными.

Спустя три ложки каши, съеденной Мадлен, на раздачу вернулась новенькая — хрупкая девчонка, которая еле прошла медкомиссию по нижнему порогу. Опять проспала. Таша, отругав ее, тяжелыми шагами резиновых тапочек направилась к выходу.

—Приятно похлебать, милая.

Мадлен ничего не ответила: лишь улыбнулась так широко, что каша полилась изо рта ее обратно в тарелку.

—Мерзкая девчонка, — буркнула Таша, и, с трудом втиснувшись в стенки коридора, зашагала на кухню.

Мадлен закончила завтракать, когда в столовой объявился еще один посетитель. Кем он был — она не потрудилась узнать, лишь сбросила тарелку в специальный отсек, ведущий в чрево посудомоечной машины, и пошла прочь.

Курить на свежем воздухе — привилегия, это понимают те, кто за всю вахту, а то и за целый день, не покидают своего цеха. Но свежим здешний воздух не назвать: полный вред-

ных испарений и химикатов, стелящийся мутной пеленой по всем корпусам подобно тлетворному туману на болотах. Мадлен наблюдала, как сигаретный дым поглощается, растворяется в гадкой мгле, и ей оставалось лишь мечтать о том, чтобы пускать кольца в ясное и чистое небо⁵. У инженеров бывают выходные – те дни, когда ничего не происходит. Однако, выбраться за пределы Завода для них – бюрократическая мука.

Окурочок улетел мимо заплеванной урны прямо вниз, черт знает куда, за осевшие наземь облака. Мадлен шла по скользкому настилу в направлении цеха, временами держась за влажные проржавленные поручни. Скрип-скрип. Скрип-скрип. Однажды кто-нибудь сорвется здесь и отправится в путешествие до земли. Сначала – до ее поверхности. После – глубже. Скрип-скрип.

Третий цех. Совсем скоро в нем запустят производство совершенно удивительного механизма. Но пока что – лишь несколько выпущенных прототипов на перенастроенном оборудовании, которое и требует проверки.

«Лишь бы не мой цех. Только не он».

– Хорошо, предложи иной вариант.

– Какой вариант?

– Иной, тебе говорят.

⁵ В ходе описанных здесь и далее событий еще не действовали никакие ограничения и требования, касающиеся защиты окружающей среды. Или действовали – но ими пренебрегали ввиду нестандартной сертификации предприятия соответствии нормам безопасности.

—Да любой вариант этому варианту — вариант!

—Ну и назови этот самый — любой, назови! Чего ты зубы-то мне заговариваешь?

—Не нужны мне твои зубы. Ведешь себя поутру просто отвратительно, пока не протрезвеешь после вчерашнего, вообще разговаривать с тобой не стану.

—Да ты со мной и говоришь только потому, что весь твой треп больше никто кроме меня не выдерживает.

—Ах, так, значит?!

—Ты что, недоволен тем, что я тебя терплю?

—Да, недоволен!

—Тогда я больше не буду тебя терпеть. Пошел вон!

—Сам пошел вон, это место общего отдыха, а не твое личное!

—Тогда я этот диван себе в коморку отнесу, а вы здесь сидите на чем хотите.

—Совсем охамел?!

—Охамел? Я-то?! А чего тогда я один его тащил через три этажа? Ответишь мне?

—Пошел вон.

—Лучше иди, сделай мне и Мадлен кофе.

—Доброе утро, Мадлен. *Сам пошел вон!* Тебе с сахаром, милая?

—Да, пожалуйста. Утра, Арчи.

Йося переполнялся желчью, которая требовала выплеснуться, высвободиться, но не захотел продолжать диалог, по-

вторяющийся изо дня в день, и ушел в дальнюю часть комнаты отдыха персонала.

Каждое утро Мадлен видела одно и то же. Так рано пробуждались на Заводе из ее цеха лишь двое кроме нее самой: Арчи и Йося. Оба приближались к возрасту пожилых, почти весь путь до него пройдя вместе. Вели себя как два нежно ненавидевших друг друга супруга. Крики, ругань, маты, сплетни – каждое утро в неограниченном объеме.

–Что сегодня нового по ту сторону ворот? – Арчи произнес будто невзначай.

–Безработица лучше, чем работа здесь.

–Согласиться можно, но сложно. Хоть какие-то харчи лучше, чем не иметь их вовсе. Да и на наши места, небось, уже очередь выстроилась под дверями Завода. Ждут, когда произойдет несчастный случай или вон Йося от нервов откатится...

–Ах ты, паршивая девчонка. Держи свой кофе!

Арчи и Мадлен похохотали тихонечко и забрали свои чашки из рук старика.

–Вы на завтрак не ходили?

–Поесть вареного сала? Нет, спасибо. Дождемся обеда.

–Да, она совсем не справляется со своими обязанностями.

–А ты справляешься, лентяй? Целыми днями сидишь на своем диване, скоро он совсем ортопедический станет, под форму твоей старой костлявой задницы.

–А ты чего так переживаешь? Боишься, что не поме-

стишься в лунку? Ну это, ничего страшного, мы тебя вон, сороковкой смажем, да как по голове кувалдой ударим, вмиг поместишься весь.

–Кувалдой? По голове? А если я умру, старый ты шут?

–Значит, будем хоронить. Хоронить будем весело, ведь тебя даже похоронить не получится нормально, точно либо одеться забудешь, либо опоздаешь. Придется тогда хоронить на бис.

–Арчи, найдешь для меня чертеж в разрезе червячной передачи для ремонта одиннадцатого Станка⁶?

–Конечно, Мадлен, не вопрос. К обеду будет.

–Йося, выпилишь новый вал для образца №74⁷? Вторая тысяча часов наработки прошла, нужно его заменить, пока Арчи тебя еще не похоронил.

–Мерзкая, мерзкая девчонка! – Йося выдохнул шумно. – Принесу тебе его через час с небольшим.

–Отлично.

Все трое отпили кофе из своих кружек.

–Я все больше переживаю за Филиппа.

–За кого?

–Филипп, повар в столовой. У него подтвердили новую

⁶ Станок №11 – один из кривоногнутых станков, поставляемый во все цеха Завода. Используется для гнутья кривых.

⁷ Образец №74 – принятая стандартизированная классификация приборов внутреннего пользования и некоторых ограниченно поставляемых товаров, производимых на Заводе. Образец №74 служит контрольно-измерительным прибором в составе Станка №11.

инфекцию.

–Какой такой Филипп, дорогая? Ты что-то путаешь.

–У нас отродясь на Заводе не было мужика на кухне.

Мадлен отодвинулась подальше от Арчи и Йоси. Шутят? Да разве про такое шутят? Не похоже. Может, запомняли? Как-то слишком синхронно. Перед глазами Мадлен вновь замаячил металлический шарик. Вверх – вниз. Вверх – вниз. Вверх – замер. Вниз. Звон, смешивающийся с производственным гулом. Нота *фа*, звенящая в белом шуме.

Громкоговоритель прохрипел.

–Черт с вами. Принесите к станку чертеж и образец, как будут готовы. Хорошего дня. – Она хочет как можно скорее уйти из зоны слышимости речи, что сейчас прозвучит. Невозможно. Они вездесущи. Они неотделимы от Завода и его обитателей. Его голосовые связки. Мадлен встает, не допив кофе, и направляется к выходу из комнаты отдыха.

–«Китовски пройти к Начальнику производственных процессов⁸. Повторяю. Китовски – Начальник производственных процессов», – система громкоговорителей установлена в каждом помещении Завода, в некоторых комнатах на стенах приварены телеграфы для обратной связи. Но не в этой.

Мадлен знает, чувствует, когда *неясность близка*. Плотнo застегнув комбинезон, она бежит рысцой сквозь помещения,

⁸ Отдел производственных процессов – крупное структурное подразделение Завода, обязанностью которого является контроль за всеми технологическими процессами, начиная от получения подготовленного сырья до сборки и монтажа готовых деталей и товаров.

укрепления и склады, сквозь переборки по трапам, почти не касаясь лееров. Механическая память не подводит.

«Когда-нибудь меня подведут мои ощущения. Когда-нибудь».

Кабинет Начальника ПП находится в одном из отдаленных коридоров Завода, что позволяет ему почти не слышать шума механизмов и ругательств рабочих.

–Вызывали?

–Проходи, Китовски.

–Уже тут, шеф.

–Ситуация №3⁹. Аварийная неисправность неясного характера.

–Мой цех, конечно же. Где?

–Примерно на четырнадцатом этаже. Возьми на складе «ПИАН»¹⁰. Ключ есть?

–Мне ваш «ПИАН»...

–Точно. Тогда займись этим как можно раньше. О завершении – доложи лично.

–Договор, шеф.

Мадлен необходимо спуститься на десяток этажей. Самый быстрый способ – грузовой лифт. Главное – чтобы он рабо-

⁹ Ситуация №3 – один из возможных сценариев аварий из-за неясности. Разработаны лично Директором Хроном с учетом всех возможных неблагоприятных сценариев на производствах Завода.

¹⁰ «ПИАН» – прибор индицирования аварийной неясности. Один из широко распространенных контрольно-измерительных приборов на Заводе. Служит – сами понимаете, для чего.

тал.

Грузовой лифт оснащен тремя рядами защитных дверей против различного уровня угроз здоровью. Пожар и задымление, утечки химических реагентов... В некоторых особых случаях в нем более сотни человек могут переждать аварию на производстве или же ... аварию неясного характера.

Каждая кнопка в лифте активируется ключом. Мадлен Китовски на правах старшего инженера производственного цеха выпросила себе копии всех ключей от всех помещений, и теперь эта фантаσμαгоричная связка болтается позади нее, на кожаном пояске.

–Четырнадцатый примерно? С него и начнем.

Створки лифта пускают Мадлен в царство заглушенных станков, дремлющих ламп освещения и необычной тишины. Всех уже эвакуировали в целях безопасности.

На Мадлен накатывает изнутри паника, неподдающаяся объяснению, равно как и нелюбовь к Таше. А это – уже зацепка.

«Долго искать не придется».

Китовски не сбегает от этого ощущения – наоборот, со всем вниманием и пытливостью ищет его источник. Это – единственный способ разрешить поломку, устранить то, что на Заводе принято называть «авария неясного характера». Пред ними бессильны рожковые ключи из закаленной стали. Их не устранить заменой комплектующих. Не спасет от неясного характера подобных аварий ни огнетушитель, ни обес-

точивание, ни остановка работы всего цеха. Руки ее движутся в полутьме по валам, крышкам цилиндров, касаются жирных шестерен, резиновых ремней, но чувство лишь утихает, скрывается от нее. Она ощупывает один за другим устройства и механизмы, включенные в производственные системы, но тщетно. Крышки и клапана, фильтры, болтовые соединения, негерметичность сварных соединений, трещины в литье... Ничего.

—Ладно, черт с тобой.

Мадлен вытирает грязь с рук о комбинезон и уверенным шагом направляется к умывальнику. На каждом этаже есть такой, укомплектованный аптечкой, грязного цвета мылом из дешевого жира и зеркалом, что меньше окна в ее комнате.

Мадлен тщательно вымывает руки и поднимает свой взгляд в зеркало. Она видит свое лицо, затем лишь очертания лица, исчезающие постепенно и оставляющие себя после лишь два мелка глаз, что скоро тоже растворяются в зыбкой темноте.

И вот: Мадлен один на один со своими зрачками.

Нет ничего. Это как посмотреть на мир изнутри. Ошибиться дверью и выйти в пустоту между комнатами, минуя обе, минуя само пространство. Бесконечная темнота и тишина, в которой нет никого нее кроме, а сама она — будто видит остальной мир из точки, которой в мире нет. Мир рефлексировал так долго, что провалился в никуда.

На Заводе кривогнутых изделий давно мечтали о таком

специалисте: чтобы бороться с авариями неясного характера. Ежегодно жертвами подобных происшествий становится не меньше тысячи человек. Число очень серьезное.

Мадлен Китовски решает, что стоит присесть в Нигде, пораскинуть немного, в чем может быть причина, проблема, но чувство паники, почти ушедшее, сменяется неожиданно тоской. Ей не одиноко, но одиноко кому-то.

В этом Нигде помимо Мадлен есть еще кто-то. Кто-то светится ярко-черным светом в общей нерушимой тьме и изда- лека приглядывается к пришедшей.

Мадлен никогда не страшно в Нигде, ведь она до сих пор уверена, что кроме нее никого здесь и быть не может. Но вот, прямое доказательство обратного.

Китовски охватывает ужас пред нарушением так хорошо известных ей правил и принципов. Она так сильно жалеет, что не взяла с собой «ПИАН», но уже поздно, невероятно поздно. Мадлен захлебывается в океане собственного тела, язык проваливается в пищевод, пока она видит лишь темноту, нерушимый мрак пред глазами. Сколько не маши руками – его не рассеять.

И в момент, когда Китовски оказывается один на один с тем, что вне жизни и смерти, вне того, от чего можно бежать, с чем не договориться, она пытается произнести в удуш- ающем вакууме небытия лишь одно слово.

«Мама!»

Но язык уже проглочен, зрачки налились чернотой, все

тело – тонет в океане самого себя.

Авария неясного характера ее обманула.

И теперь с этим уже ничего не сделаешь.

Кофе на столике возле Йоси и Арчи скис¹¹.

В лучах солнца, проникающего сквозь толщу дыма и облаков в крохотное окошко жилого отсека, лежит, поблескивая металлом, небольшой шарик.

1- ЛЕВ НОВОТНЫЙ -1-

¹¹ Скорая порча продуктов, сонливость и ряд других неприятных, но неопасных факторов являются последствиями возникновения и последующего устранения неясности.

-Так, и какие новости с Завода?

-Завода Хрона¹²?

-Именно.

-Да какие там новости. Еще один специалист по разрешению аварий неясного характера пропал. Его поисками заняты остальные работники. Впрочем, вряд ли эти поиски будут успешными. Как и все предыдущие. Производственные помещения на этажах четырнадцать и семнадцать встали. Станок так и не отремонтировали. Пропавший специалист должен был привести его в порядок и полную эксплуатационную готовность. Пройдет не меньше пары дней, пока найдется хоть один инженер, что/который решится взяться за эту задачу. Никаких *хороших* новостей с Завода нет. Только плохие.

-Ты ведь в курсе, что так дела не делаются? Должен же ты ради сохранения наших профессиональных отношений приберечь что-то радостное на конец диалога?

– Вот именно. Ради сохранения наших отношений я не собираюсь вас обманывать тем, что все якобы хорошо. Все конкретно паршиво, господин мэр.

Всего неделю назад прошла инаугурация у Льва Новотного. Осознание произошедшего приближалось к нему, однако, все еще оставалось незримо. Он родился здесь. Здесь же

¹² Вы ведь не полагали, что Завод кривогнутых изделий – единственное предприятие во всем Городе?

вырос, окончил школу и получил образование. Много раз он уезжал отсюда, но всякий раз возвращался, не в силах преодолеть притяжения, гравитации, что методично направляла его обратно. Так было и так есть. И теперь черед самых естественных, но таких необычных событий привела его на пост руководителя. Теперь, спустя часы и дни раздумий, произошедшее казалось ему чем-то закономерным, однако, еще год назад он, наверно, не смог бы и отдаленно предсказать то, как пойдут его личные дела.

Город пришел в состояние небывалого упадка: проспекты напоминают заброшенные технические трассы, здания и сооружения хаотично настраиваются одно на другое подобно тому, как звери топят друг друга, пытаясь по чужим головам выбраться из колодца, но главное – люди. Снуют потерянно, не замечая друг друга, не находят сил обратить взгляды к небу. Боялся Лев, что в виде не лучшем передаст город в руки следующего преемника через пару-тройку лет. Город, в котором время замирает пред тем, как совершить рывок длиною в человеческий век. Город, из которого никто не уезжает. Город, в котором все одинаково паршиво, но каждый раз – на новый лад.

Его личный помощник, Карл, был молод, ответственен и до смешного честен, что и стало причиной уверенности Новотного в том, что среди прочих коллег он, этот пессимист, победивший синдром отличника, останется с ним наверняка. Что-то происходит с миром: миновали те дни, ко-

гда все казалось константой, задачи решались на «раз-два», ведь значения уже установлены. Миновали дни, и на смену им пришли иные – скроенные из зависимостей неравенств, хаотичных переменных. Динамика побеждает статику, а Новотный прекрасно понимал, что без свежего взгляда человека, рожденного уже после наступления века неуверенности, ему не справиться. Что наиболее важно – Завод. Завод Директора Хрона.

«Апогей того, что мы заслужили. Рассадник нестабильности во всем его уродстве».

Повисло некоторое обезоруживающее и Льва, и Карла молчание.

– Почему ты все еще стоишь? Присаживайся, – мэр указал на кресло напротив себя. Оно выглядело внешне довольно неудобным, но на деле было сносным и даже мягким.

Утро пробивается сквозь раскрытый тюль кабинета, освещающая легкий слой пыли на бюро и шкафах. Блестящие лакированные поверхности впитывают в себя солнце, его уютное тепло.

Лев достает ежедневник и быстро бежит взглядом по страницам. Несколько раз в течение дня Новотный сверяется с задачами, помечает выполненные, но чаще – зачеркивает их на одном листе, чтобы записать заново на следующем. Причина – невозможность претворить их в жизнь в указанный срок: такой бесконечно долгий и в то же время скоротечный отрезок в двадцать четыре часа. Записи в блокноте: перелом-

жение ответственности личной, ее реинкарнация в формальность и бюрократию.

-Какой у нас план на сегодня?

-Награждение одного из жителей города почетной грамотой. Он самолично произвел благоустройство одного из дворовых комплексов. Довольно неплохо, к слову. Предприниматель. Его конторка занята настройкой и отладкой криво-гнутых изделий. Назначено на 17:00.

Хмыкнув под нос, Лев помечает сказанное.

-В 14:00 будет проходить совещание с «*Союзом*».

Новотный делает очередную пометку в ежедневнике с кожаной обложкой. Кожа на вид твердая, но гибкая, совершенно новая, но состаренная нарочно.

-В 19:00 прибывает директор Завода криво-гнутых изделий. Хочет обсудить текущие проблемы и перспективы производства. На сегодня все.

-Я даже не знаю, много ли это или мало, – Лев усмехается недовольно, исподлюбья смотря/глядя на Карла.

-Боюсь, что мало, господин мэр. Прямо как и времени, которое нам дано, чтобы все наладить.

-Пожалуй, ты прав. Как насчет завтрака? У нас есть на него время? – Лев отбрасывает тело в кресло. Раньше оно было из натуральной кожи. Слишком шикарно: заставляет испытывать дискомфорт того, кто всю жизнь был лишен какой бы то ни было роскоши. В прошлом – лишен. В настоящем – избегал.

-Не откажусь. Как проснулся, только выпил кофе.

-Знаешь что-нибудь поблизости подходящее?

-Да, в квартале есть пара приятных мест.

-2- КАРЛ -2-

-Карл, ты ведь понимаешь, что не обязан поддерживать эту тему, если у тебя нет желания?

-Господин мэр, будьте уверены, что я непременно сообщил бы вам, если бы не захотел беседовать с вами. Я все-таки согласился на завтрак, прекрасно понимая, что мы вряд ли будем сидеть молча.

-Это радует.

Лев и Карл пришли в средних размеров кафетерий недалеко от Мэрии, заняли столик на крошечной веранде и уже успели сделать заказ. Карл вел себя естественно, казалось, что некоторая формальная холодность и отстраненность стали частью его самого. Лев же все время ловил себя на мысли, что всяким движением и словом притирается к своему помощнику. Неуверенность, смятенность человека, который все время сомневается в возможности успеха.

Вдоль всего подоконника за окнами стоят горшки с фиалками, ежеминутно освежающиеся легкой взвесью водяного тумана из разбрызгивателей. Ненавязчиво сладкий запах оседает на коже, доносимый туманом, – и остается на ней в течение всего дня. В заведении была всего пара гостей: два пижона, явно недавно пришедших в себя после томной ноч-

ной попойки, как думал Карл. Рядом с ними со все более тускнеющим лицом стоит официант-стажер.

–Принесите мне *черный* кофе. Вы знаете такой?

–Прошу прощения, – взгляд работника теряется от бесконечно налитых кровью глаз гостя, – в нашем заведении не принято называть кофе так, как назвали его вы. Мы подаем кофе *по-южному*.

–Чем плохо название, напрямую описывающее то, чем продукт является?

–Понимаете, такие времена сейчас... Не всех гостей устраивают старые примитивные наименования. Они отображают некоторые, неподходящие духу времени настроения...

–Какие такие настроения? Что ты хочешь этим сказать, малец? Тебя чем-то не устраивает мой заказ? Может, ты лучше меня знаешь, что я хочу? Может быть, мне поинтересоваться у тебя, как мне с моей женой спать? Есть вариант получше. Он вряд ли мог прийти в твою тупорылую голову. Просто принеси мне черный, как мазут, черный, как сгоревший винил, черный, как бескрайний космос, пустой и беспросветный, как твоя голова, кофе, мать его. И побыстрее!

–Вы... – Второй пижон хотел было что-то сказать, но...

–А ты вообще... – Хруст в кистях. Зрачки наливаются кровью.

–Понял, поговорим позже.

Лев и Карл против своей воли дослушали всю тираду

нервного мужчины в пижонском черном костюме и гадкой расцветки галстукe, и лишь проводили взглядом спешно уходящего официанта-стажера.

– Неужто вопрос стоит действительно настолько остро?

– Обсуждать его – значит давать ему вес.

– Поддерживаю. Мы живем в то время, когда каждый имеет право добиться успеха в пути, который избрал, не так ли? Только вот путь...

– С этим уже не могу согласиться. Я учился на инженера, а по итогу исполняю административные и организационные задачи.

– Почему так вышло?

– Безработица¹³. На тот момент, когда я учился на инженера, они были смерть как нужны. Только и разговоров везде было, что некому проектировать, некому строить, некому даже просто-напросто эксплуатировать. Однако, к концу обучения я не смог устроиться даже на полставки по специальности. Слишком много потоков из разных университетов одновременно заняли всю нишу, оставив последующим выпускам лишь возможность ждать, пока кто-то уйдет на пенсию или когда будут открыты новые предприятия. Но люди

¹³ «Минувшая застойная эпоха, длившаяся почти полвека, погубила практически все производства на континенте. ВВП неминуемо падал, происходила сокрушительная инфляция валют... В двух словах – классический экономический кризис, который, конечно же, имел под собой почву всецело социального характера» – из собрания сочинений профессора Фей-Лей-Лу, «История современной промышленности».

нынче работают до самой старости, а новыми предприятиями не разбрасываются. Поэтому я тут, с вами. Проблема коммуникации и обратной связи.

–Обратной связи государства, образовательной системы и тех, кто предоставляет рабочие места, да... Прозвучало чертовски грустно и даже немного оскорбительно. Про то, что ты тут, со мной.

–Я не хотел сказать ничего дурного о вас. Любая работа лучше, чем никакая. За исключением Завода, конечно. Однако, сказанное мной передает скорее общее настроение, нежели мою несчастливую частность.

Дверь из внутреннего зала на веранду раскрывается, и из нее выходит молодая девушка-официантка. Белая сорочка, отороченный передник, коротко стриженные ногти, убранные волосы, все – как полагается тому быть. Девушка несет на подносе две чашки кофе с сахаром, две бутылки минеральной воды и круассаны с разными начинками.

Лев засмотрелся на нее, она это заметила краем глаза. На бейдже, висящем на ее сорочке, значится: «*старший официант НИКА*».

–Ника, простите меня за такой грубый вопрос, но почему вы работаете официанткой?

Вопрос Льва, прозвучавший дабы отвлечь ее от того факта, что он на нее засмотрелся, ситуацию лучше не делал.

–Простите? – девушка нахмурила брови.

–Вы учитесь или уже отучились?

—Я закончила школу и собиралась поступать в Университет. Я долго изучала программы обучения различных направлений и специальностей, рассматривала возможность переезда в другие города и регионы, но... так и не смогла выбрать прежде, чем сформируют списки поступивших.

Этот Город не отпускает никого.

—Стало быть, вы поступаете в этом году? Уже решили куда?

—Уже три года не могу решить. Как мне узнать, что будет востребовано? Не отберут ли лицензию у моего университета прямо во время обучения? Я читала, и такое случается. А что, если я выберу профессию, которая вовсе окажется забытой через пять лет специалитета? Что тогда? Идти работать официанткой? — свой монолог Ника закончила пылко, пожалуй, даже слишком, но весь накопившийся груз размышлений смог найти выход. Ее спросили о том, что действительно важно для нее, что ее действительно волнует, и реакция оказалась незамедлительна. Человеку очень мало нужно для того, чтобы существовать — лишь другой человек, которого он может любить, другой человек, который будет его слушать, другой человек, который один-единственный не осудит его помимо прочих.

—Можете идти, спасибо вам большое, Ника.

Девушка улыбнулась так, как учат улыбаться всех работников общепита: вынужденно, но почти натурально. Она удалилась вновь через двери, ведущие во внутренний зал.

–Приятного аппетита, – Карл был сух и официален.

–Приятного, – у мэра осталось странное послевкусие от неожиданно произошедших для него открытий о совершенно новом и незнакомом мире. – Наглядный тому пример, не так ли?

–Именно так.

–Запиши это в ежедневник. Обсудим с начальниками управлений и «Союзом».

Пижонам принесли *черный* кофе.

День в мире, лишенном ясности, продолжался безоблачно, и наступал теплый южный вечер.

-3- БОЛЬ -3-

–Господи...

–В чем дело?

–Мигрень... Опять...

Новотный держится за голову, взгляд его плывет следом за сквозняками, бушующими в холле Администрации.

–Где ваши таблетки?

–Письменный стол, ящики слева, тот, что посередине...

Белая упаковка, таблетки округлые...

–Я сейчас, я мигом, только держите себя в руках!

У Льва часто случаются мигрени. Такие отвратительные неконтролируемые боли, разрывающие череп и все его содержимое на мельчайшие осколки обмана и лжи, оставляя лишь пыль правды, что сверкает яркими звездными вспышками, ослепляет, лишает чувства собственного существования, возможности трезво мыслить, уничтожает на корню всякую сознательность. Эти приливы фантомного самоуничтожения продолжаются не первый год, но единственное спасение от них – обычные обезболивающие, продающиеся без рецепта в каждой аптеке, потому что никакого действующего вещества на самом деле в них нет и никогда не было. Однако, слепая надежда на то, что эти таблетки помогают, время от времени по-настоящему выручают и дают шанс пережить очередной приступ.

Время – белая таблетка, утратившая вкус сливочного мороженого и клубники после того, как рассосалась ее оболочка.

ка. Время – безвкусная белая таблетка, которая уже прекрасно разжевывается, хорошо знакомая с особенностями прикуса хозяина. Время – надоевшая белая таблетка – но в пустой упаковке, лежащей в кармане. Она была последней. Возникает желание отказаться от всего, отречься от собственного тела, прогнать самого себя из того места, что может являться обителью сознания.

– Это они, верно?

Голос Карла раздается неожиданно близко. В руках у него упаковка таблеток округлой формы и бумажный стаканчик воды на два полных глотка.

– Да, они. Дай две.

Лев выпивает последнюю таблетку в упаковке и медленно скатывается спиной по зеркальной стене.

– Вы точно сможете присутствовать на собрании «Союза»?

– Точно, дай мне пару минут, – Лев прячет саднящий лоб в коленях. Костюмные брюки сильно натягиваются и вот-вот разойдутся по шву. Дурманящая слабость, тошнотворная кислинка во рту плещется в пересохшей гортани. Глаза не хотят видеть света, надрывающего края век. Свет режет острой болью сам ход мысли. В мыслях Льва лишь бесформенное желание, сродни мании – пережить один наплыв боли тягучей, словно воздух у пистолетного дула в момент выстрела, чтобы в кратком миге ретроградного спокойствия подготовиться к следующей атаке. Атака, которая кажется вечной.

Карл присаживается рядом.

Проходит с десяток минут, когда Лев поднимает свои глаза на холодный свет ламп освещения.

—«Союз» прибывает в конференц-зал?

—Именно так.

—Проводи меня и отправляйся проверять готовность торжественного мероприятия.

—Будет сделано, господин мэр.

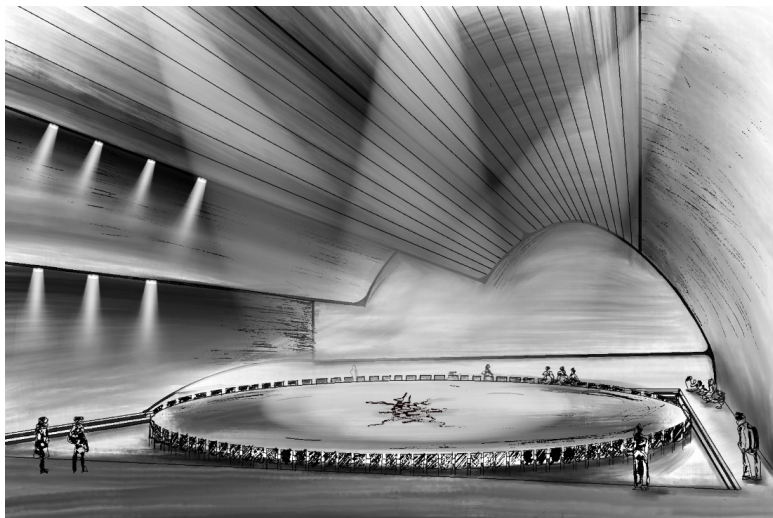
—Называй меня Лев. Встретимся на месте.

Новотный мигом встает с пола и, отряхнувшись, четким и уверенным шагом направляется по холлу в сторону конференц-зала.

—Вы же просили вас проводить.

—Тогда не отставай. — Говорит мэр, потирая на ходу виски.

-4- МАРИ ФИШ -4-

–Таким образом, я могу закрепить как тезис следующие слова: «Мы провозглашаем *союз разных равных*».

–Что вы хотите этим сказать?

Председателем от лица «Союза» выступала Мари Фиш, высокая блондинка с удивительно грубым, почти мужским голосом, совершенно не подходящим к ее внешности.

–Мы хотим сказать, что наступило время, когда стоит отринуть любые различия между людьми ради того, чтобы совместными усилиями обозначить цель, назначить к ней вектор и двигаться к осуществлению сообща, в *союзе*.

–Мари, вы коммунист¹⁴?

¹⁴ На данный момент на Континенте основной политической идеологией явля-

—Нет, никакого политического подтекста в наших словах нет.

—В таком случае, вы заново изобретаете велосипед, разве не так? Объединять людей, несмотря на различия в методах разрешения проблем — удел прошедших лет, причем, как оказалось, не самый удачный. Возможно, я вас неверно понимаю?

—Возможно, что и так, господин мэр.

—В таком случае, объясните мне еще раз вашу позицию.

—Позиция заключена во взаимодействии не подобных людей, а...

(-...а бесподобных. — Гадкий смешок от одного из глав управлений.)

(-А-аха-ха-ха!)

—...а отличных между собой.

—Все, теперь мне понятно. Иными словами, вы хотите, чтобы дома строили не архитекторы, а специалисты по продаже этих домов? Вы хотите, чтобы люди, не имеющие никакого отношения к искусству, были допущены к оценке бесценных произведений изящного? Вы хотите, чтобы образование и специальность человека не были необходимы и не определяли его ракурса и сферы деятельности? Или может быть, вы хотите, чтобы в каждой конторе находился человек, не разбирающийся в производстве товара или услуги, но навязывающий свое мнение хозяину этого самого производ-

ства? Кому это будет выгодно, кроме как человеку, вторгшемуся в чужой монастырь? В чем на самом деле идея «*Союза*»?

Лев подкармливал свою неуверенность сомнениями ежедневно, но всякий раз, оказываясь на публике, а она, к слову, была довольно многочисленна (на данный момент *Союз* включал в себя уже почти сотню представителей, каждый из которых присутствовал сегодня в конференц-зале Администрации), Новотный превращался в ужасающее по кровожадности своей орудие ораторских расправ, остановить которое было практически невозможно, если механизм вдруг запускался.

—Разве работа Завода кривогнувших изделий не является достойным примером того, как человек, попавший не в свою среду, может преобразить обычное производство металлического профиля в нечто... *большее*?

—Уважаемая госпожа Фиш, прошу обратить ваше внимание на тот факт, что вы уже судите о вещах без должного профессионализма и понимания вопроса, чем сводите на нет жизнеспособность вашей теории на корню. Несмотря на особую специфику работы Завода кривогнувших изделий, там продолжают трудиться обычные инженеры. Да, они получают дополнительную квалификацию для проведения работ по авариям, связанным с неясными обстоятельствами, однако, они в первую очередь были, есть и будут — инженеры.

Лев выждал небольшую паузу, чтобы дать защититься Ма-

ри, однако, она совсем растерялась и не знала, с какого края теперь лучше подступиться. Она нервно перебирала в руках бумаги, на которых были набросаны различные планы проведения диалога, с учетом самых разных обстоятельств и вариантов развития, однако, так ничего подходящего не нашла. Мэр продолжил.

—Я не могу разрешить вашему объединению полноправно и полномасштабно действовать, как бы благи не были ваши намерения. Однако, чтобы удовлетворить ваше желание иметь влияние на внутренние городские процессы, могу предложить компромисс. Я мог бы взять на должность специального советника мэра по метавопросам вас, госпожа Мари Фиш. Но только вас. Союз останется в состоянии заморозки, пока мы не сможем полностью сформулировать область применения его человеческих ресурсов. Ваш ответ?

Мари, только успевшая присесть в кресло и спрятаться за ближайшим плечом одного из представителей *Союза*, окончательно потеряла контроль над ситуацией.

—Я знаю, что вы сейчас не ощущаете почвы под ногами, но это есть целиком и полностью ваша ошибка и ваша неподготовленность, на которые я готов закрыть глаза на этот раз. Итак, ваш ответ?

По залу разносится мышинная возня из смеси легкого гомона, неясного говора с акцентом и без, перешептываний, недовольных прищелкиваний языком, хруста пальцев, закатывания глаз, безмолвной горечи, зависти, ненависти и до-

сады.

—Если вы в дальнейшем все сделаете верно, у вас будут все шансы и возможности к тому, чтобы организовать то предприятие, которое было обсуждено сегодня. Однако, всему свое время. Ваш ответ, госпожа Фиш?

—Город, который никому не дает набраться сил. Город, лишенный что прошлого, что будущего, и не имеющий никаких целей в настоящем. — Неожиданно Фиш вновь поднялась и продолжила говорить, отбросив блокнот с заготовленными паттернами беседы на коллегу, сидящего на соседнем кресле, скрюченного от неудобства подлокотников. — Мы — представители разных сфер деятельности, некоторые из нас состоят на государственной службе, некоторые трудятся на собственных предприятиях, иные — на чужих, но видим мы все одно и то же. Отсутствие понимания. Каждый может объяснить, что происходит и происходило, каждый может построить тренды и прогнозы дальнейшего развития того или иного процесса, но царящая неуверенность приводит все в состояние тоски и застоя. Каждый может объяснить, как жить, но понять этого не может. Понять — и осуществить. Деятельность «Союза» направлена на то, чтобы понять, куда мы все движемся и почему, решить, верный это путь или нет, а после совершить уверенный шаг в будущее. — Фиш качнула головой в сторону горстки сидящих подле Льва людей. — Каждый тянет благо на себя, в свою сферу, производства делают то, что не имеет практической ценно-

сти, духовное лишено души, а люди стремятся к пустому и пустыми остаются, потому что никто не знает, как жить, а порой и зачем жить в этом кризисе бессмысленности. Да. Да, господин мэ́р, я принимаю ваше предложение.

—Секретарь, когда будет готов протокол? — Лев невозмутим, но в душе у него великая радость. Мари — та, кого он искал.

—Сегодня вечером.

—Направьте его в вечерние газеты. Проведем голосование. Кто за принятие Мари Фиш на пост советника по метавопросам? Кто против? Единогласно. Мари, вас будут ждать в отделе кадров завтра. Заседание окончено.

-5- МАЙСКАЯ МУХА -5-

–Я помню, как в школе еще победила в международном конкурсе по математике.

Совещание в конференц-зале продолжалось чуть больше часа.

–Результаты сообщили при всем классе. Награды вручали мне директор, весь преподавательский состав точных наук. Разрешение теоремы Кисброда¹⁵ было совершенно невоз-

¹⁵ Теорема Кисброда – одно из ранних уравнений, описывающих нелинейные зависимости условий возникновения неясности. Вопрос активно изучался в ранние годы становления Завода кривоогнутых изделий. Решение уравнения позволило составить более точное представление о структуре неясности.

можным, но иногда мир позволяет случиться чуду даже в областях, лишенных такого права. Но что чудо? Маловероятное событие. Всего-то.

Фиш и Новотный стояли у высоких панорамных окон одного из верхних этажей. Солнце резало края зданий, делая их меньше и тоньше, придавая им неосвязаемости.

—Затем до конца обучения меня считали почти что ученым. Все ребята из моей школы шутили надо мной, но так, понимаете, не со зла. Все преподаватели знали мое имя, когда у меня день рождения, знали, за что я знаменита, и очень ценили, что после таких успехов я осталась их ученицей, а не перевелась в престижный лицей.

Новотный скрестил руки за спиной и слушал рассказ Мари покровительственно после учиненной над ней словесной расправы и с уважением — после данного ею волевого отпора.

—Даже приходя/когда я приходила в школу после выпуска, меня узнавали. Чего не скажешь обо всех других выпускниках. Чего не скажешь о сотнях и тысячах людей, которые всю жизнь делали все правильно, но так и остались неслышанными, неувиденными, неизвестными. Однако, и меня забыли. А те, кто еще помнит — рано или поздно забудет, оставит в прошедшем.

—Почему же после такого прорыва вы не отправились работать к Директору Хрону? Ваши достижения сыграли бы большую роль в возможном трудоустройстве.

—Я не знаю. Наверно, потому и задалась вопросом, кото-

рый показался мне важнее. Почему «я не знаю». Прежде чем двигать науку вперед, нужно решить ряд чисто этических и философских вопросов. Так или иначе, чувство грядущей утраты не оставляет меня.

—Никому из нас, Мари, не увидеть новой жизни, не начать всего сначала, слишком велик тот груз, что мы несем. Но и слишком много создается нового ежедневно. Жизнь пресыщена и пуста.

Фиш не почувствовала облегчения от этих слов, но ощутила нечто куда более важное: Лев *мог* ее понять. И понимал.

—Пройдемте в мой кабинет. Скоро там начнется торжественное мероприятие.

—В чем суть этого мероприятия?

—Поощрение одного энтузиаста.

—И как вы думаете, это ваше поощрение сыграет какую-то роль?

—Я полагаю, оно просто *необходимо*. Необходимо ему. Необходимо нам.

—И что он будет с ним делать? Нам необходима стабильность. Нам необходимо буквально составлять новые инструкции к этой жизни, чтобы понимать, как ее жить. Что нам даст эта формальность?

—Есть вещи, истинно несущие благополучие. Вы сами говорите, нам нужна стабильность. Не поощряя благотворное и не осуждая дурное, мы не сможем определить эту самую стабильность.

—Большая часть моего недовольства строится вокруг вашего решения праздновать его успех. Это бессмысленно. Сегодня — он, а завтра другой. Послезавтра на его месте будет вовсе человек, который решит устроить велосипедный заезд голышом, чем переполюшит все новостные сводки. Это — всего лишь кроткая и краткая попытка отсрочить его забвение, что сделает ему лишь больнее. Лучше бы не говорить о нем вовсе.

—Вы себе противоречите. Слишком открыто противоречите.

—Я и не говорила, что я вступила в *Союз*, чтобы целиком и полностью продвигать его идеи. Я не верю в достижимость целей крупных объединений людей, а вот в личный успех — верю. Это меня и гнетет. Всех не сделать счастливыми и уверенными в будущем, я это понимаю, но не прикладывать к этому силы — почти преступно.

—Однако, это не отменяет того факта, что ваша работа теперь имеет за собой некоторые обязательства, о выполнении которых вы прилюдно согласились. Они могут позабыть, но копию вечерней газеты я лично себе на память сохраняю. Сохраню, чтобы понять спустя годы, правы ли мы были, считая, что можем придать жизни благополучной статике взамен ее хаосу, несущему горе и радости в случайных частях.

—Я принимаю это. Прошлого никуда не деть.

—Да, — погружаясь в свои мысли, сказал Лев, — Да, никуда.

-6- ДИРЕКТОР ХРОН -6-

—Как прошло награждение, Лев?

—Прекрасно. Фанфары, достойная обстановка, достойный ее человек. Однако, встреча с *Союзом* свой отпечаток оставила.

—Понимаю, они *такие*.

—Вы общались с ними?

—Сотрудничаю со многими из них. С некоторыми даже веду постоянную переписку. Думают, что я могу взять все в свои руки и преобразить весь мир. К лучшему или к худшему, — Директор рассмеялся беззаботно громко, — они не уточняют.

—А вы можете?

—Я? Конечно, нет. Успех — он всегда коллективный. Когда-нибудь мы сможем предсказывать его с точностью до сотых долей, но пока что вынуждены блуждать в пробах, пробирках и ошибках. Но! Станет это возможным только тогда, когда мы сможем планировать каждое действие любого из живущих. А я... Я против такой деспотии.

—Вы не желаете ужинать?

—Знаете, отказываться не стану.

—У вас есть какие-то предпочтения?

—Признаться честно, я привык есть на Заводе. Или вообще не есть. Не умею отвлекаться от работы. Могу забывать спать, заводить часы, умываться. Не слишком ли откровенно

так просто признаваться в своей неряшливости и невнимательности? – Он смеялся, смеялся вновь и снова.

–Нет, что вы. Все мы обладаем своими изъянами. Я, например, страдаю от мигреней. Должно быть, метеозависимость.

–И когда вам плохо, Лев? На пасмурную погоду или на солнечную? Может быть, на их смену?

–А черт его знает. Ужин, не так ли? Я поведу.

Директор поправил грязно-зеленый костюм из шерсти и двинулся следом за Львом. Мэр слегка прихрамывал, словно усталость налила его ноги каленым металлом. Директор Хрон имел привычку замечать малейшие изменения в людях и проследивать за причинами и возможными следствиями их. Можно сказать, издержки работы.

Вечер встречает двух руководителей воздухом, прогретым за день солнцем, крепленным выхлопными газами производств и автомобилей, воздухом, который с каждым вздохом забирает сил больше, чем дает. Все мысли направлены на одно: сорвать горячий полиэтилен с лица – и набрать полную грудь обжигающего свежестю кислорода.

–Вы нашли вашего рабочего?

–Китовски? Нет. Думаю, что и не найдем. Такова специфика. Однако, спустя сутки после инцидента работа и вправду наладилась. Ни аварий, ни поломок, ни затруднений при настройке станков. Неясность терроризирует производство, пока ее не устранят или же – пока она не устранил кого-то.

–Какие силы будут приложены к ее поискам?

–Никаких. Она была героем своей *аварии*. Теперь же все, что мы обязаны сделать – так это душевно поблагодарить ее за самоотверженность и ждать назначения следующего инженера.

–Стоят ли такие жертвы перспектив?

–У нас наконец-то появилась цель. Раскрытие потенциала деталей машин с измененной энтропией и энтальпией . Да буквально все производство, любые технологические процессы, что могут быть минимально автоматизированы, стали кривогнутыми! Любые товары, имеющие определенные требования к заданным свойствам, производятся на Заводе. Они сохраняют свой вид и эксплуатационные качества, но кроме того обладают и совершенно удивительными свойствами. Это то, чего не смогли достичь в прошлом веке. Это то – на чем поставили крест в начале этого. Однако, вот он! План, которого были лишены уже несколько поколений. Возможность вывести производства на новый уровень, представить предприятиям, связанным сферам и структурам использовать механизмы на совершенно новом уровне. Прогресс не будет остановлен! Разве не это нужно нам сейчас? Новые рабочие места, новые горизонты, свежая порция будущего – для всех и каждого!

У Льва снова разыгралась мигрень, однако, вечер, экономия на городском освещении и близость завершения рабочего дня вяло, но уверенно отгоняли от него мысль о том,

чтобы принять еще несколько таблеток.

«Несколько таблеток из пустой уже пачки. Глупец».

—И все же, меня не отпускают мысли о Китовски.

—Китовски?

—Да, о вашем инженере. Пропавшем инженере.

—Ах, да. Точно. Китовски. А что с ней не так?

—Разве допустимо так легко потерять ее?

—На ее место есть сотни и сотни желающих. Размер оплаты и состав трудового договора гарантирует полное отсутствие жалоб на возможные риски.

—Но ведь этот человек стоит куда больше всех успехов, что могут быть достигнуты.

—Это верно. Однако, я более чем уверен: завтра произойдет очередная авария *неясного* характера, и еще один инженер отправится разрешать инцидент, после чего может аналогично Китовски не вернуться обратно. Вспышка героизма, подобная одной из тысяч, что происходят в дизельных двигателях каждую сотую секунды. Мы сами привели мир к такому укладу. Теперь остается лишь пользоваться возможностями, что он открывает нам.

—Равно как и не пользоваться. Выбор принятия или отказа никто не отменял, равно как и попытки воздержания от выбора.

—Лев, поймите. Мы приняли такое огромное количество инвестиций, что даже разговора не может идти о закрытии Завода или даже временном прекращении его функциони-

рования. В свою очередь, инвестиции в Завод самым благополучным образом скажутся на развитии *Города* – да и всего континента. Так что вы видите дурного?

– Полную деградацию. Как часто еще будут меняться правила игры? Сколько еще Китовски пропадет при *неясных обстоятельствах*? Как долго еще мы сможем использовать негатив во благо? Если это приведет к неотвратимым последствиям... Еще более необратимым, чем пропажа без вести инженеров... Даже думать гадко... Средства массовой информации...

– Мне жаль, но здесь я вас перебыю. СМИ ничего не смогут сделать. Какими бы ужасными не были последствия работы *Завода*, уже спустя сутки произойдет утечка одного из топливных трубопроводов в порту. Затем какая-нибудь женщина родит троих и откажется от всех. После – поймают преступников, совершивших хищение бюджетных средств. Мы живем в мире однодневных героев и злодеев. Наши успехи и наши ошибки живут вечно с нами, но в масштабах целого города, региона, страны, мира – всего сутки. Сутки до выхода следующего выпуска новостей.

– Кажется, я совершенно ничего не понимаю о мире, в котором живу.

– Очень искреннее признание, господин мэр. Однако, спешу вас утешить: все могут объяснить, что происходит, но никто не способен понять.

– Директор Хрон, мы пришли.

–Какие чудесные фиалки! Вы хотите присесть на веранде или же здесь есть другой зал?

–Я бы присел на веранде. Внутри скоро начнется концерт, а у меня чертовски болит голова.

–В таком случае, пожалею вас, господин мэр. Присядем на веранде.

–Если правительственные органы решат сотрудничать с вами, я направлю от себя человека. Ее фамилия – Фиш.

–Я благодарен, что могу получать поддержку от вас. Будьте уверены, что моя благодарность окажется превосходящей ожидания.

–Я слабо верю в вас и в ваш успех, но кто-то же должен задавать направление, вектор, обозначать цель.

–Боюсь только, что наше направление будет иметь не поступательный характер, а вращательный. – Директор улыбнулся. Он всегда улыбался – что бы ни происходило. При любых обстоятельствах – даже самых неуместных. – Вы тоже способны на это, Лев. Может быть не тогда и не сейчас. Но – способны.

Мимо окон с шумом пронесся автомобиль. Так быстро, что даже нельзя было разглядеть его форм, лишь очертания. За ним еще один и еще. Около десятка яростных моторов, облаченных в металлические одеяния корпусов, с визгом шин миновали проспект¹⁶.

¹⁶ Ввиду широкого распространения кривоногнутых автомобильных двигателей, обладающих невероятным превосходством в своих тактико-технических харак-

–Ваше достижение?

Директор, резко обернувшись, уронил салфетницу и теперь спешно возвращал белые полупрозрачные листочки обратно в держатель.

–Простите?

–Эти гонщики. Рев просто оглушительный. И это ведь не модификация выхлопного тракта. Этот рев – именно двигательный.

–Ах, да. Впрочем, странно было бы закладывать в автомобили мощности такой, что ими можно было бы буксировать лайнер, и надеяться, что на них не будут с таким удовольствием рассекать по улицам.

–А как же нарушение скоростного режима? Они должны это делать в специально отведенных местах, может быть, на гонках.

–Так учредите их. Они вас отблагодарят. Однако, не надейтесь, что тот, кому позволено летать, будет довольствоваться неспешной возней на земле...

–А у вас есть автомобиль?

–Нет, больше люблю пешие прогулки, но заверяю, что у вас он точно скоро появится.

–О чем вы?

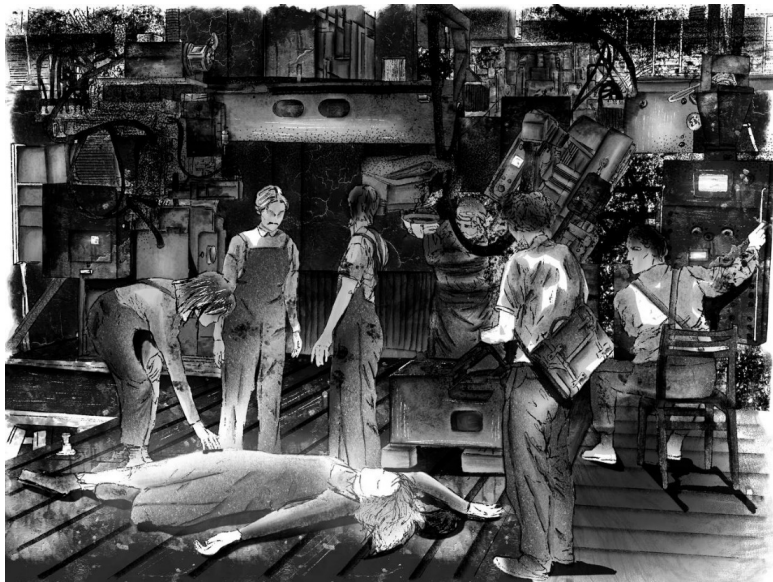
–Скоро мы закончим настройку станков и запустим но-

теристиках, в народных массах стали популярны уличные гонки. Однако, множество изменений, вводимых в кривогнутое двигатели, производились нелегальными мастерами, что часто приводило к несчастным случаям.

вую линейку автомобилей. «ЭИ». Так они будут называться. Мощи не меньше, чем комфорта. Считайте это подарком от благодарного и уважающего вас коллеги.

После ужина с Хроном Лев не один еще час будет обдумывать его слова, но не об автомобиле, гонках или пеших прогулках. Он будет думать о том, продолжать ли великое вращение шестерен, смазывающихся чужой кровью – или со всей силы вдарить по стоп-крану? А может быть, Льву стоит решиться потворствовать не только другому, но и себе?

-7- ПРОГУЛ -7-

Каково это, находиться в точке, из которой видно весь мир, но точка эта находится вне самого мира?

Каково это, изучать объекты в их динамической во всех измерениях структуре, когда жизнь и смерть становятся переменными, классические физические законы – лишь извращенные попытки понять мир сознанием, приборы и средства чьи слишком далеки от того, чтобы прикоснуться на самом деле к объективному миру?

Китовски находится в черной жиже, не пропускающей энергии, света, никогда не рожденная, никогда не почившая.

Застывшее мгновение в треугольнике «жизнь» – «смерть» – «бессмертие».

Единственное, что ей действительно дано – то, чего на самом деле нельзя оценить, ощутить, пощупать, привести к каким-либо единицам измерения, благодаря которым стало бы возможным построить установку, отображающую численную разницу между *душой* одного человека и другого. Уместно ли существование некоего эталона? Стал бы мир тогда тоталитарным зверинцем, антиутопией, где людей делят на полноценных и неполноценных согласно соответствия нерушимой истине, которую уже не уничтожить, не забыть? Если мы познаем совершенство, не уничтожит ли оно нас?

С другой стороны, говорить об этом рано. Мы по-прежнему слишком далеки даже от того, чтобы увидеть по-настоящему мир, в котором появились, зародились, эволюционировали, выживали, рождались, рождали и умирали, затем прогрессировали, резали друг друга, истребляли, чтобы снова и снова идти на мировую. Все это делали люди, будучи ведомы лишь своими *галлюцинациями*, своими суждениями, настолько несовершенными, что можно приравнять куб к шару, звук к букве, ничто – ко всему. Мы до сих пор не способны увидеть полноценную картину мира, а все лезем и лезем в дебри, далекие от того, чтобы быть не просто увиденными, но и осознанными.

Нами не может быть понято то, что нам дано, однако, мы

во всю стремимся обладать тем, до чего еще не доросли. И не дорастем, возможно, никогда.

Мир, полный химер и иллюзий, в котором мы выстроили сложную игру, чтобы на том кратком для вселенной миге нашей жизни не сойти с ума от постоянных мыслей о смерти, приближающейся неумолимо.

Китовски столкнулась с гранью небытия лицом к лицу, но она оказалась иной, совершенно иной от тех представлений, коими обладает наука, религия, эзотерика.

Однако, Бездна не принимает ее.

Китовски чувствует отторжение, *ничего* всеми возможными способами стремится изгнать ее, существующую, в мир, который все еще существует. *Бытию не место в небытии.*

Полная несуществования точка в мире из существующих приближается с той скоростью, с которой происходит пробуждение человека от ужасного сна, полного прекрасных кошмаров.

Бездна выплевывает Китовски в рабочем цеху четырнадцатого этажа, в котором всюду кипит работа.

Мир давит на нее гравитацией, обрушивает все биологические и психические процессы, что оказались игнорируемы долгие дни в неизмеримости исчисления мира Бездны.

Голод, желание выспаться или же наоборот – проснуться, неведомая никогда ранее усталость, ощущение давления со стороны сил притяжения, давление атмосферного воздуха, проникающий сквозь ее тело свет производственных ламп.

Ей удивительно, что она *есть*, ее изумляет сам факт существования, необходимость дышать, стиснутые в синапсы и нейроны тысячи тонн информации, чего мозг был лишен почти вечность, невыносимая тяжесть бытия, от которой удалось сбежать, но в которую нельзя не вернуться.

Китовски не приняла по ту сторону, но как это было прекрасно! Ее сознание отказывается заново жевать эту нудную кашу экзистенциализма, полностью лишенную той чарующей благодати отсутствия.

–Эй, посмотрите!

–Что там?

–Кто это?

Теперь во что бы то ни стало ей необходимо вновь оказаться там. Вновь испытать это неопишное блаженство пребывания материи вне всякой другой материи, погрузить свое бытие в полное *небытие*. Ощутить космос внутри себя. Почувствовать себя частью *ничего*.

–Это же пропавший инженер!

–Китовски! Мадлен, ты слышишь меня?

–Срочно позовите врача!

–Где на этаже телеграф?

Все это совершенно ничего не стоит, в противовес – *ничего* оказалось удивительно ценным, уникально незаменимым, влекущим за собой, сила Танатоса обрекает на влюбленность, любовь, зависимость. Вновь испытать давно забытые ощущения, какие испытывает неродившийся еще на свет

человек в утробе матери...

–Возле энтропийных станков! Четырнадцатый этаж!

–Мадлен! Мадлен, не теряй сознания! Слушай мой голос!

Какое волшебство! Какое чудо! Мадлен пытается воспроизвести в памяти своей те чувства и переживания, скорее – их полное отсутствие, но сейчас, когда вокруг толпятся и кричат рабочие, на предельных оборотах падают станки, натягиваются тросы лифтов, гремят настилы цехов под оцинкованными сапогами, Директор Хрон покровительственно посмеивается, объясняя, почему *Заводу* необходимо еще больше инвестиций – это невозможно, просто нереально.

Попытки избежать бытие навлекают за собой его полную власть над беглецом.

Мадлен закрывает глаза и видит *ничто*.

–Господи, она мертва!

На весь цех раздается оглушительный храп Мадлен.

–Нет, просто заснула.

–Где чертов врач?!

Арчи и Йося берут ее под руки и уносят к лифту.

-8- ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОИЗВОДСТВА -8-

-Доброго утра, Мадлен. Как ваше? самочувствие?

-Чуть лучше, чем у двигателя, пережившего гидроудар.

Мадлен отправили отлеживаться в заводской лазарет. Ее палата имела при себе всего одно-единственное окно, скорее – прорезь с люком, который закрывался с наружной стороны помещения, Рассчитана на двух человек. Вторая койка пустовала, затянутая полиэтиленом. Вечные железные коробы, вечные муки заточенного человека: заточенного в зданиях, в комнатах, в собственном теле, в сознании, разбитом на мелкие осколки, в каждом из которых противоестествен-

ные бодрствованию видения. Воодушевляющие и отталкивающие видения.

—Разрешите, я присяду к вам на койку? — Директор Хрон не просто улыбался. Он сиял улыбкой.

—Ноги устали? Ну-да. До лазарета с вашего кабинета спустаться на лифте долго. Пожалуйста. Присаживайтесь. Только не испачкайтесь.

Он опустился на край больничной тахты и обернулся полубоком к Мадлен.

—Исходя из вашего бойкого настроения, в скором времени вы совсем поправитесь и будете готовы вернуться к исполнению своих обязанностей, я правильно рассуждаю?

—Об этом я и хотела говорить с вами, Директор.

—Я слушаю вас.

—То, чем мы занимаемся здесь, абсолютно удивительно...

—Да... — мечтательно произнес Директор. — Да, я рад, что вы разделяете со мной эту точку зрения.

—...абсолютно удивительно и чрезвычайно опасно.

—Что вы имеете в виду?

—Во время разрешения крайней *аварии неясного характера*, я...

—Вы пропали почти на неделю. Вашими поисками занималась специальная группа, но «ПИАНЫ», как назло, не индизировали никаких изменений внутренней энергии пространства.

—Меня искали? Не шутите и не перебивайте, пожалуйста.

Это очень важно, Директор.

—Я слушаю вас.

Мадлен уперлась локтями и нелепо подтянулась за прутья койки, чтобы присесть. Директор повел рукой, чтобы помочь ей, но оборвал свое движение: это будет излишне, она бы все равно не приняла его сочувствия.

—Я была *нигде*. Там было совершенно *никого и ничего*. Время искажается, пространство — всего лишь черносливовая каша, в которой только и делать, что тонуть, тонуть, тонуть... И слышать тишину. Это словно обратная сторона *всего*. Нечто, лишённое физических свойств и отношения к *бытию*. Это — *Бездна*.

—Очень интересно.

—Что вы думаете об этом?

—Я думаю, что, учитывая наш прогресс в изучении гнутья кривых термодинамических процессов¹⁷, мы могли бы очень здорово обернуть обратную энергию, которой пронизано это пространство.

—Я бы хотела заняться этим вопросом. Этим проектом.

—Конечно! Само собой! Вы одна из самых перспективных сотрудниц. Тем более вы — первая, кто смог почти благополучно вернуться оттуда.

¹⁷ Одна из запатентованных технологий, применяемых на производстве деталей и товаров Завода, от которого и произошло его название. В специальных станках происходит корректировка кривых различных физических, химических и других свойств материалов и уже готовых деталей и товаров, что позволяет придавать им свойства, ранее недоступные.

«Да, остальные попросту не возвращались», – подумала Мадлен.

«Ничего им не сделается, этим пропавшим», – читалось в ответ в глазах Хрона и его нестираемой с лица улыбке.

Директор Хрон хотел было сказать что-то еще, но осекся, и улыбка, та самая улыбка, знакомая всем сотрудникам, притягательная, но холодная, чуть вздрогнула на его лице. Удержав счастливую и покровительственную мину силой воли, он продолжил:

–А пока что, Мадлен, отдыхайте, восстанавливайте силы. Как будете готовы, приходите ко мне совещаться. Обсудим все, необходимое для вашей деятельности по этому направлению.

–Но не считаете ли вы, что это может обернуться *инцидентами* куда опаснее и грандиознее, чем *авария неясного характера*? Это может обернуться...

–Даже не думайте об этом. Да, миновало время, когда прогресс нес за собой необходимость некоторых... потерь. Гуманизм нынче в цене. Но что в итоге? Прогресс оказался как таковой заброшен, словно излюбленная и истертая игрушка, взамен которой ребенку-человеку дали новую, яркую и красивую – развлечения, мысли о прошлом, тоска по неосуществленному и невозможному. Пора отбросить это и, наконец, начать видеть во всем возможности, каких бы ресурсов они не требовали. Ведь главное, это...

–Наличие вектора к цели, – совсем понуро произнесла

Китовски.

–ДА! Да! Рад, что вы готовы принять мою позицию на-
счет нашего предприятия. Ведь на этих суждениях и держит-
ся вся эта махина, оцениваемая в килотонны человеческого-
го ресурса, миллионы тонн материалов, миллиарды тонн ме-
талла, готового обернуться вспять. – Директор вновь обвел
взглядом Мадлен, но нельзя было сказать, что именно скры-
то за его выструганным пластмассовым образом, что таится
в мыслях, обернутых в зеленый костюм. – Очень жаль, но
мне нужно прервать нашу увлекательную беседу. Увидимся
сразу же, как вы почувствуете себя лучше! – Директор про-
тянул Мадлен руку. Та ее некрепко пожала.

–Прощайте!

Мужчина удалился через массивную дверь, на секунду
впустив свежий, слегка прохладный сквозняк в больничные
покои.

Однако, дверь не успела закрыться окончательно. Ее
вновь раскрыли, и в проеме показались изможденные рабо-
той лица, давно позабывшие, как выглядит солнечный свет.

–Эй, Мадлен! Ты не заразная там?

–Китовски, у тебя насморка нет?

Арчи и Йося одновременно пытались протиснуться в уз-
кий дверной проем.

–Ах вы, подлецы, идите сюда!

Мужчины навалились на Китовски и сжали ее в своих
объятиях. Они принесли с собой запах гари и масла, пере-

жженного металла и застоявшегося пота. Этот запах значил чуть меньше, чем «дом» и чуть больше, чем «уют».

—Как ты, подруга?

—Рассказывай скорее!

Мадлен без запинки поведала пришедшим и о *точке, которой нет*, и о *черносливовой каше*, и о желании незамедлительно вновь побывать в *Бездне*, и о планах Директора на этот счет.

—И чего ты хочешь этим добиться? Что, было так сложно соврать, что ничего не помнишь?!

—Это же может обернуться черт знает чем из-за этого *Хрома*, который ни в чем границ не видит!

—Мадлен, он использует тебя, как болванку, как *образец №74*, и выбросит на свалку, как только получит желаемое! Ты не станешь героем своего времени, если поставишь под угрозу свою жизнь!

—Свою жизнь? Да здесь уже может идти разговор о сотнях жизней, о тысячах! Что, если производство выйдет из-под контроля и весь *Завод* поглотит сам себя?! А если процесс не получится остановить? Что тогда? Черная дыра на месте скалистого побережья?

—Мы ведь совершенно не знаем, о чем идет речь. Давно уже никто ничего не делает по готовым схемам. Это работа первооткрывателем... Она пугает меня. Это как идти в темноте на ощупь. Как заново изобретать дизель... Это *чрезвычайно опасно*.

–Тем более, вспомни: как *Хрум-Хрум* может разобраться во всех этих аспектах? У него даже образования толком нет. Кто он там? Эзотерик? Эпилептик? Эксплуататор? Кто?

–Нельзя совать свой нос в каждую щель, надеясь выскрести оттуда кучу пользы... Никогда не знаешь, что найдешь за плотно закрытой дверью...

–И что, если *Авария, с большой буквы «А»*, случится? Это ведь уже не получится стереть из памяти людей. Все будет запечатлено, задокументировано и распространено... Этого будет не стереть, Мадлен...

В определенный момент этой нескончаемой полемики на тему *расширения производства*, Арчи и Йося начали перебранку уже между собой, но тогда Китовски их уже давно не слушала и не слышала.

–Вы два паникера. Две истерички. Дайте мне проспать, потом поговорим.

С этими словами Мадлен отвернулась от пришедших проведать ее товарищей. Арчи и Йося мгновенно замолчали и не нашли ничего лучше, кроме как молча тихонечко удалиться из больничной палаты лазарета Завода кривогнутых изделий.

Оказавшись на свежем воздухе, они продолжили:

–Кажется, зря мы так сходу на нее налетели.

–Ничего не зря! Беду нужно останавливать на корню! Тем более, ты слышал ее? *«Хочу в Бездну, там так здорово!»*

–Да, пожалуй, она сама вернулась *оттуда* нездоровая...

Оттуда. Они до сих пор не могли понять откуда, и из-за этого по спинам их пробежал жгучий холодок сомнений и тревоги.

-9- КЛИМЕНТ ГРОСС -9-

«Интересно, а звонки будильников специально делают такими противными и настойчивыми, или они становятся таковыми в ходе эксплуатации? Ну, чисто психологический фактор. На самом деле он всего лишь набор вибраций. Про-

тивным и настойчивым его уже сделал я».

Квартира Клима была в одном из многочисленных панельных домов спального района. Десятый этаж открывал прекрасный вид на окна абсолютно идентичного дома напротив. И слева. И справа.

Клим просыпался тягуче: график полностью не соответствовал его внутреннему распорядку, куда проще бы ему было не спать всю ночь и отсыпаться весь день, нежели соответствовать этому тоталитаризму жаворонков, установивших свой порядок и хронологию вещей.

Мужчина отключил будильник, стоящий на тумбочке, и вновь прилег на подушку. Подушка смята ровно под форму его лица, а одеяло излучает родное и знакомое тепло. На мгновение он закрыл глаза.

Сон.

Такое случается довольно часто с ним: достаточно в полудреме прикрыть веки, чтобы очутиться *там*.

Ему *там* комфортно. *Никого* нет. *Ничего* нет. Абсолютная темнота. Абсолютная тишина. Словно главный антагонист всего существующего. Удивительный покой. *Здесь* получается отдохнуть лучше, чем за ночь самого крепко сна, всего за несколько минут.

Там, то есть – *Нигде*, умиротворяюще. По-настоящему. Словно *это* – единственное безопасное место во всем мире. *И вне его – тоже*.

Клим хочет полностью насладиться *этим* прежде, чем его

вновь вытолкнет в ужасающий, полный света, людей, их шума и проблем город. Город, в котором жизни до краев. Такой полный, что льется через край, заливают руки, пол, просачивается через грань воротника и, наконец, топит. Однако, что-то ему мешает. Какое-то новое ощущение.

Мужчина оборачивается в обволакивающей тьме и – видит ли? Чувствует ли? Знает ли? Кроме него есть *кто-то еще*.

Как так? В месте, о котором просвещен только лишь он, в месте, которого нет ни на одной карте и нет инструкции, как в него попасть, есть *кто-то еще*.

Кто-то еще.

«Господи! Этого не может быть! Так не должно происходить! Выброси меня обратно!»

Кто-то еще медленно, но уверенно плывет к нему по вязкой черной жиже, перебирая своими конечностями, неясно подгребая под себя это *море ничего*. Море, не издающее ни блеска, ни плеска.

«Выпусти меня отсюда, черт возьми! Выпусти!»

Кто-то еще словно слышит мысли Клима. Чувствует его так же, как сам Клим чувствует *это*. Оно приближается, становится ощутимо ближе в пространстве, лишенном направлений и координат, *месте*, где каждый поворот может привести себе же за спину.

«Черт! Проснись же! Проснись!»

Клим сидит на своей кровати, вытирая пот со лба. Резким

движением распахнув штору, он проверяет: пот прозрачный и холодный. Не черный и слегка тепловатый. Обычный человеческий пот. Испарина покрыла все его тело так сильно, что на простыне остался довольно заметный влажный отпечаток.

—К черту, к черту...

Клим пощурился от солнечных бликов, посмотрев на часы.

«03:02».

Стрелки часов остановились около трех часов ночи, однако, сигнал все же сработал верно: вон грузовая машина привезла на деревянных поддонах горячий хлеб в круглосуточный магазин. А это происходит всегда четко, всегда по графику. Обыкновенно – около семи утра. С этим все строго. С хлебом – не шутят.

Так же обыкновенно пекари не дают приготовиться буханкам до своего эталонного состояния: в таком виде, слегка недопеченном, хлебные кирпичи и батоны весят куда больше своих изготовленных по инструкции собратьев. Итог: пекарь увозит домой по восемьдесят килограмм муки ежедневно.

«Мука, кстати, хорошая».

Клим выходит из спальни и идет по короткошерстному ковру на кухню. Достает из морозилки булочки. Кладет их на противень и сразу же отправляет в духовку: и оттают, и испекутся, пока он будет заниматься утренней гигиеной.

Мужчина на мгновение останавливается: ему становится

страшно, что он в квартире *не один*, но тут же берет себя в руки.

«Что за глупости? Конечно, один».

Металлический звон.

«Трубы гудят. Просто гудят трубы».

Умывание. Горячая вода распаривает помазок, горячее полотенце – кожу лица. Пар поднимает и уносит с собой остатки дурного ночного и паршивого предрассветного сна. Привычным движением Клим вполоборота разворачивается к полочкам и включает радио.

-Высшее образование на базе девятого, одиннадцатого класса и СПО! Среднее профессиональное образование по направлениям новейших востребованных специальностей: инженер по неясной аварийности и безопасности производства, промышленное и гражданское строительство, снабжение и логистика кривогнутых материалов, эксплуатация транспорта, эксплуатация и ремонт кривогнутых станков!

Климу тяжело вздыхать сквозь полотенце. Он чувствует, как горячая влага снимает напряжение не только с лица, но и почти со всего тела, изможденного таким отталкивающим пробуждением. Бросить все – и лечь обратно. Провести весь день в кровати – чуть дыша, чтобы самого себя не заметить.

–Бюджетные места! На время обучения студентам предоставляется общежитие! Телефоны приемной комиссии...

Щелчок тумблером радиоприемника.

«О работе – послушаем на работе».

–Страхование от аварий неясного характера для вас и ваших близких!

Щелчок.

–Открыто новое нефтяное месторождение...

ЩЕЛЧОК.

–Зависимость от сахара и животных жиров просто огромна...

ЩЕЛЧОК.

–Сообщение от наших слушателей! «Куплю лом металлов...». Приносим свои извинения, это не...

ЩЕЛЧОК.

«Сколько это уже может продолжаться?!»

–Повторяю! Срочно требуются! Обращаться в отдел кадров.

«Черти косорылые...»

-А теперь представляем нашим слушателем отрывок из оперетты «Крадущаяся тишь», акт второй...

Рука Клима замерла на переключателе, когда из динамиков полился чудесный переливчатый сказ о совершенно неудачном браке: ее супруг разочаровался в ней спустя долгие годы совместного счастья. На склоне лет, одинокая и никому не нужная, еще при живом супруге чувствует она себя вдовой. Прекрасно поет, прекрасно...

Клим снял полотенце с лица, взял помазок и выдавил

немного пасты для бритья из тюбика. Быстрыми движениями вспенив ее, размашистыми движениями стал он наносить пену на щеки, подбородок, виски. Лезвие из новой упаковки оказывается вставленным в опасную бритву.

Утреннее бритье начато, Клим приходит в себя, преждевременная вдова скорбит.

Клим смывает остатки пены с лица. Ни разу не порезался. Знак – и хороший, и плохой. Это значит, что удачи ему сегодня не видать. С другой стороны – раз ее не видать, значит, она и не понадобится. Самое время достать булочки из духовки.

Бриться надо с утра, но гладить брюки-рубашки нужно с вечера, чтобы спокойно выпить первый кофе и отправиться на рабочий брифинг.

Булочки сегодня подгорели.

«Отдирать их от противня половину утра. А потом еще и оттирать его полвечера...» – Климент дышит тяжело и глубоко, точно успокаивая себя.

Вдох-выдох.

«Это всего лишь булочки».

Вдох-выдох.

«Мелочи, обычные мелочи. Ничего не стоящие мелочи».

Вдох-выдох.

Кофе из турки вышел неплохой, довольно ароматный. Легко перебивает запах гари.

–Выпуск новостей на Радио «Абиссаль»! Время – восемь

утра ровно! С вами Кейт Морриган...

-И Мэри Морриган!

«Что?»

–Доброго утра, дорогие слушатели Радио «Вестник». Новостную сводку расскажет единственный и неповторимый ведущий новостей Анри Ремо!

«Послышалось? Как-то слишком отчетливо послышалось. Пора. Пора скорее выдвигаться на встречу. К черту это радио... К черту».

Клим, напряженно шевеля челюстью, дожевывал тугую булочку, залил ее остатками кофе и отправился в спальню, к гардеробу. Белая рубашка, четко выглаженные стрелки на брюках, отпаренный пиджак и очень странной расцветки галстук. Ужас человека с дейтераномалией¹⁸.

Дверь закрывается на два ключа.

Лифт.

Выход из подъезда.

В десятке метров от последней из ступенек, ведущих в черво огромного спального муравейника, стоит грузный черный автомобиль, вытянутый, весь из овальных металлических мускулов. Прямоугольные дверные ручки, словно усталые прикрытые веком-капотом фары, радиаторная решетка, похожая на усы почтенного офицера, небольшие фары – под основными. Зеленый диск эмблемы с по-

¹⁸ Нарушение распознавания цвета. Все чаще встречается среди причин отказов продления контракта на следующий год среди работников Завода.

рванной, точно плетеная нить, восьмеркой. Всюду узнаваемый товарный знак автомобилей Завода.

Облокотившись на это чудо техники с передним расположением форсированного мотора объемом на семь литров, стоял молодой совсем парнишка, одетый в однотонный черный костюм, волосы убраны назад. Не выспался сегодня, как и Клим.

—А где же наша *старушка*?

—Дали эту красавицу взамен. Только сегодня утром. Позвонили из Отдела снабжения, сказали, что готовы выдать новый служебный транспорт. Двигатель нового типа, прямиком с *Завода*. Как, впрочем, почти все детали, не считая прикуривателя и сидений.

—А что, было бы неплохо. Поставили бы на Заводе ферму. В нее — кривогнутых коров. Десять тысяч литров молока с одной дойки. Теленок вырастает за сутки. Мировая проблема голода решена. Кожи бы хватило на миллион сидений. Что, до этого еще никто не догадался?

—Надеюсь, и не догадается.

—Доброго утра, Феликс.

—Доброго, Климент.

Мужчины пожали друг другу руки.

—Покажешь, что у нее под капотом?

—С удовольствием. Все утро смотрел — и еще готов, — Феликс открыл водительскую дверь и нажал на рычаг. Крышка капота слегка подпрыгнула и замерла.

Без единого скрипа Климу открылось удивительное видение:

«Шесть внушительных цилиндров, турбокомпрессор ...»

—Сколько клапанов на каждом цилиндре?

—Четыре.

«...материалом станины был выбран алюминиевый сплав с измененной энтропией, что позволяет убрать практически все напряжения, связанные с тепловыми и механическими нагрузками на двигатель, и невероятно увеличить его мощность, сконцентрировавшись лишь на эксплуатационном режиме...»

—Рядный, дизельный. Сколько оборотов максимально?

—Восемь тысяч.

«...поршни также изготовлены из алюминиевого сплава с измененной энтропией, что значительно увеличило их прочность и готовность к тепловым перегрузкам, что могли иметь место: тихо и размеренно водить такое достижение дизелестроения – просто грех...»

—А что с маслом?

—Расход довольно большой в сравнении с прошлой, однако, в следующих моделях, я думаю, они это исправят¹⁹. Чтобы не произошло заклинивания поршня, пришлось установить ряд дополнительных лубрикаторов в цилиндрах.

¹⁹ Завод не прибегнул к полному отказу от использования углеводородных топлив, но, благодаря технологическим процессам, применяемым в отношении конструкционных материалов, потребление удалось снизить на 92% в сравнении с двигателем, в котором не использовались кривоногнутые материалы.

«...турбина создает давление в три бара, что увеличивает мощность на 300% процентов от номинальной, выдавая на выходе...»

—Больше полутора тысяч киловатт! В автомобиле! Это же просто...

—Тысяча семьсот шестьдесят пять, если стремиться к точности.

—Фантастика, да?

—Да, мы мощнее карьерного самосвала теперь.

—А представьте, что будет, когда *Завод* начнет комплектовать новым типом двигателей и карьерные самосвалы! Они же смогут нести нагрузку в сотни раз больше!

Мужчины мечтательно вздохнули в унисон друг другу.

Скоро пойдет дождь. С юга ветер гнал пышные раскидистые тучи.

—Кофе?

—Да, поедemте.

Клим и Феликс сели вовнутрь новенького «ЭИ-7/6»²⁰.

Ключ в зажигании. Запуск. Цилиндры мгновенно приходят в движение.

—Механическая коробка передач.

—Конечно же, механическая. На чем-то ведь нужно сэкономить. Иначе бы цена на нее была еще выше.

—Так она нам, считайте, бесплатно досталась.

²⁰ Марка автомобиля расшифровывается как: «Энтропийно Измененная, с объемом цилиндров 7 литров и количеством цилиндров – 6 штук».

— Думаешь?

Авто трогается с места, выезжает из дворов, оказывается на довольно пустой проезжей части.

— Как дела у Тани?

— Полный порядок. Спасибо, что поинтересовались.

Феликс прокашлялся и, делая вид, что никакой заминки не было, продолжил:

— А как ваши Квентин, Эдгар и Хрупкая?

— Тоже неплохо. Боюсь, правда, что с очередного наступления неожиданных холодов они могут не выдержать. Прошлая зима далась им очень тяжело.

— Да, многие жалуются, что *авокадо* растут довольно капризно. Как вам нравится идея обзавестись лампами? Ну, те, что специальные, для растений.

Светофор.

Несколько старшеклассников, ожидающих зеленого света на пешеходном переходе, стали показывать пальцами на увиденный ими новенький автомобиль.

— У нас нет прав на проезд на красный сигнал светофора?

— Нет, Климент. Думаю, нам еще не дали такой возможности.

Клим покосился на продолжающих восторгаться детишек. Напряженная скула. Жилка на виске.

— Я бы все-таки перечитал последние версии должностных инструкций. Мало ли что там понаписали.

«Нет, дело вовсе не в том, что я только что восторгался

подобно им. Просто не люблю лишнего человеческого внимания и общества. Феликс – отличный коллега и напарник с графиком 5/2, который не имеет привычки звать выпить по выходным и названивать в нерабочее время. Чудесный, просто уникальный коллега».

Красный.

Желтый.

Зеленый.

–Поехали уже скорее.

Дорога к центру города, где находилось место для утреннего брифинга, проходит через обширный частный сектор, в котором сохранились индивидуальные магазинчики и небольшие рынки. Сюда еще не добрались эти вездесущие сетевые супермаркеты. Клим был в восторге от данного района.

–А ты не задумывался о том, чтобы перебраться из квартиры в дом?

–Задумываюсь, довольно часто, но всякий раз прихожу к мнению, что такой необходимости у нас пока нет.

–А я думаю, что такая необходимость есть всегда, у каждого.

–У нас есть небольшая дача. Правда, почти всегда я приезжаю туда, чтобы проверить, сколько заплатить косцу летом и не разобрали ли деревянную хатку по частям за зиму бедаги, которым негде спать и есть – тоже нечего.

–Думаешь, они съедят твою дачу?

—Никак нет. Боюсь, что пожарят на ней себе обед.

Феликс забирает Клима от ступенек его дома каждое утро буднего дня около восьми утра. В сорок минут девятого они прибывают в центр города. Маска благополучия. Жухлая листва не даст соврать.

Клим подтягивает ремень безопасности и включает радио. Машину слегка ведет на поворотах, но ее внушительный вес почти в две с половиной тонны позволяет ей оставаться очень устойчивой даже на такой высокой скорости. Слышно, как со свистом новые шины терзают старый съезжившийся асфальт. Двигатель работает тише предыдущих, так что разразить все параллельные улицы титаническим ревом не получится.

«Полагаю, и амортизаторы на двигатель тоже понадобились улучшенные, иначе вибрацию можно было почувствовать своей...»

Феликс неожиданно бьет по тормозам. Дорогу прямо под колесами авто перебегают черный в лохмотьях шерсти пес.

—Ах ты, поганая шавка!

—Не ругай его. Лучше сбрось скорость чуток. Кажется, мы очень быстро гоним.

—«В этом месяце в силу вступили сразу несколько законодательных новшеств, ранее утвержденных в правительстве страны. Среди них — ...»

—Да, кажется, я совсем забыл о том, как быстро ЭИ берет сотню.

На дороге становится оживленнее: такси, автобусы и троллейбусы, авто скромного достатка и подороже, несколько воодушевленных велосипедистов, полный тротуар пешеходов.

-«Изменено значение суммы заработной платы граждан, которая не может облагаться списаниями по исполнительным документам,...»

—Вы не будете против, если мы сначала заедем на АЗС?

—Авто дали, а заправить забыли?

—Выдали платежную карту. Да, я мог бы сразу заехать, но боялся опоздать к вам...

—Не оправдывайся, давай сделаем то, что нужно.

-«Восьмого числа текущего месяца вступает в силу закон о пожизненном заключении для ряда правонарушителей. Такое наказание грозит за совершенные повторно нерегулируемые государством операции с материалами, имеющими измененную энтропию, либо, если они были сопряжены с совершением другого тяжкого преступления против личности и государства...»

—Что, выходит, мы теперь — палачи?

—Нет, палачами мы не станем. Мы всего лишь продолжим делать нашу работу. Не забывай, что люди, которые решились на подобное преступление, да вообще, черт возьми, на любое преступление, должны прекрасно понимать, что их действия, КАК, ВПРОЧЕМ, ВООБЩЕ ЛЮБЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА, несут за собой ответственность. А ответственность уже определяется...

—Я понял. Да. Глупый вопрос. Меня просто смутил факт того, что наказание теперь такое... жесткое.

—Испытываешь сострадание к преступникам?

—Испытываю сострадание ко всем. А в этом я вижу некоторое некорректное государственное регулирование и попытку *Завода* остаться монополистом в этой области.

—Это не нам решать. Избранные народом люди в правительстве посчитали это важным, разумным и целесообразным. Мы исполняем наши обязанности. После — ход преступников. Далее — снова наш.

Черное и блестящее, словно лакированная туфля, авто ненадолго останавливается на АЗС, цепляя на себе усталые взгляды изможденных работой водителей фургонов, затем сворачивает с центрального городского проспекта на аллею и паркуется недалеко от входа в кафетерий «*Violettes*».

—А для авокадо необходима какая-то особая земля?

—Я уточнял у одной женщины, работающей в специализированном магазине для садоводов. Она сказала, что несмотря на их капризность, ничего особенного делать не нужно. Лишь поддерживать пригодные для их выращивания условия: влажность, температура...

Клим и Феликс раскрывают двери, ведущие на веранду, полную фиалок. Она пуста, лишь несколько негромких голосов и шум радио доносится из внутреннего зала.

Мужчины проходят в самый конец этого коридора из столиков и садятся за тот, на котором стоит табличка «*Резерв*»,

табличка, которая есть на этом столике всегда, за исключением того времени, когда сотрудники Отдела антиплагиата²¹ прибывают в кафетерий.

Клим переставил пластиковую табличку на соседний столик и сел в плетеное из ротанга кресло. Феликс отошел к вешалке, чтобы оставить на ней свой пиджак.

Спустя полминуты из внутреннего зала вышла официантка.

–Доброго утра вам. Как всегда?

–Доброго утра.

–Доброго, Ника. Да, пожалуйста.

Распространив свою еще сияющую в начале дня улыбку по всей веранде, Ника убрала блокнот в кармашек на переднике и стремительно удалилась.

–Принесешь газеты, Феликс?

«К людям всегда нужно обращаться по их именам. Причем тем единственным образом, который им нравится».

–Да, конечно. Заодно зайду за...

–Ты же бросил?

–Я бросаю на неделю каждый месяц. И вот, неделя воздержания окончена.

–Черт с тобой. Иди.

Клим опрокинул голову к потолку и прикрыл глаза. Пру-

²¹ Отдел антиплагиата – подчиняющийся лично Директору Хрону отдел Завода кривогнутых изделий, борющийся с незаконным использованием кривогнутых изделий и технологий Завода за его пределами. Не подчиняется государственным правоохранительным органам. В некотором смысле, не существует официально.

тъя плетеного кресла врезались в кожу шеи, но человеку, чей сон беспокоен, подобные неудобства – мелочь.

Тихо.

Изредка доносится шум особенно мощного двигателя с проспекта. Еще реже – проедет по аллее какая-нибудь служба доставки или почта.

Белые помехи учащаются.

Мостовая покрывается тысячей пока еще отличных друг от друга вкраплений капель.

Дверь на веранду раскрывается. На пороге заведения появляются мэр со своим помощником.

–Доброго утра, господин Новотный!

–Доброго утра, Климент!

Карл лишь приветственно качнул головой, сдержанно, но уважительно.

–Вовремя вы успели.

–Да, пожалуй, что так.

–Как ваша мигрень?

–Спасибо, хорошо. А ваша?

Клим и Лев дружно посмеялись. Спустя несколько недель совместных посещений кафетерия они все же познакомились и признали друг в друге скорее неловких приятелей, чем отчужденных незнакомцев.

Официантка ловким движением оттолкнула двери и вынесла на подносе два *черных* кофе, соленые фисташки и минеральную воду. Оставив их на столике, она сиюминутно

быстрым шагом направилась к Льву и Карлу.

Дождь усиливается.

Феликс в изрядно промокшей рубашке буквально залетает в кафетерий, пряча под мышкой пачку разноцветных газет. В карманах его брюк виднелось несколько прямоугольных картонных упаковок.

—Доброго утра.

—Доброго, Феликс.

Карл вновь лишь уважительно наклонил голову.

На ходу поджигая никотиновый фитиль, Феликс прошел к своему креслу и упал в него.

—Я ведь говорил тебе, что курение вредит здоровью. Того гляди простынешь.

—Я попрошу плед. А дождь действительно удивительно холодный.

—Времени уже десятый час. Она опять опаздывает.

—Разве не будет верно сказать, что Начальник задерживается?

—Да мне плевать, собственно говоря, как это назвать. Но мне уже осточертело, что мы всегда должны находиться здесь абсолютно точно к назначенному времени, пока она *опаздывает*.

—Мы можем и почти должны закрыть на это глаза, разве нет?

—Я не привык закрывать глаза на такое. Да и вообще закрывать глаза. Есть особый шарм в том, чтобы ничего не

скрывать и быть предельно искренним.

—Какой же? — Феликс принялся за свой кофе и стряхнул пепел на блюдечко.

—Абсолютно понятный. Не приходится являться кем-то: человеком приличий, человеком воспитанным, подчиненным или руководителем. Ты — просто тот, кто ты есть с рядом обязательств и прав, возложенных на тебя. Все остальное — пустословие, лишняя трата времени и обман. Если отбросить все эти намученные изрядно словесные вальсы, остается лишь сама суть. Сам ты. Именно тот, который будет любим женщиной или ценен на работе.

—Звучит недурно. Но есть же субординация, есть устоявшиеся обычаи...

—Субординация этому не мешает. Не нужно раболепствовать, чтобы ее соблюдать, — Климент отпил горячего кофе и подцепил свободной рукой несколько орешков в раскрытой скорлупе, — а устоявшиеся обычаи можно соблюдать или можно не соблюдать по своему собственному разумению. Но навязывать это другому — ни за что. Нет, не принимаю.

—Чем-то напомнило мне одну преинтересную статью.

Ника, оббежав кругом веранду, легким движением подменила блюдце под кофейной чашкой Феликса и поставила рядом с ним хрустальную пепельницу.

—Прошу прощения за...

—Ничего страшного, спасибо.

—Так и о чем была эта статья?

—О том, что все хотят обнаружить инструкцию к успеху. Что-то вроде плана, согласно которому можно было бы строить устойчивый экономически бизнес или заводить семью.

—Ничего удивительно в этом не вижу.

—Удивительное в том, что человека до сих пор интересует легкий путь к достижению желаемого. Никого не интересует путь к провалу.

—А в этом уже что-то есть, продолжай.

—Было бы куда логичнее, убрать и вычислить все неправильные варианты, методом исключения вывести и занести в общее собрание все идеи или проекты, начинания либо мысли, обреченные на провал. Абсолютно точно. Тогда бы можно было обратиться в этот том и убедиться, что твоя мысль не находится в ней и спокойно действовать. Что-то вроде «Жениться, когда обоим супругам восемнадцать лет». Посмотрел? Да, есть такое. В архиве указано, что все браки, заключенные в этом возрасте, ведут к скорому разводу. Или же: «Не заводить отношений с женщиной-руководителем».

Климент усмехнулся и сбросил пустую скорлупу на блюдечко.

—А что будет, если написать в этой книге: «Не начинать курить»? Или же так: «Не курить». Кратко, просто и понятно, на мой взгляд.

Феликс осекся.

—Что, люди перестанут курить? Или перестанут начинать пробовать курить? Или многомиллиардные корпорации за-

кроют все свои производства? Или вот ты возьмешь – и бро-
сишь навсегда?

–Черт.

–Вот именно. Хотя было бы просто волшебнo, если бы
все производства и предприятия наподобие табачных фаб-
рик переконструировали свои цехи, например, в...

–Заводы? По выпуску кривогнутых изделий?

–Как вы сегодня рано. Мы даже кофе еще не допили. Пер-
вый.

–У вас он, должно быть, уже второй.

–Доброго утра, Начальник Оттис.

«Лия сегодня пришла в 09:26. Не в десять. И даже не в
полдень. Не нравится мне это».

Женщина средних лет. Высокая и крепкая. Во взгляде
ее зеленых глаз, выглядывающих из-за челки набок, всегда
сохранялось какое-то скрываемое внутреннее беспокойство,
причина чья оставалась неизвестна и с месяцами совместной
работы даже не становилась ближе и понятнее. Так было, на-
пример, с Феликсом. Чего не скажешь о Гроссе.

Оттис взяла стул из-за соседнего столика, хмыкнула до-
вольнo на табличку *резерва* и присела между Феликсом и
Климом. У нее был серебряный портсигар.

–Все здоровы? Никто не болен?

–У меня, кажется, скоро будет кислородное голодание из-
за вас двоих. Но в целом, я в порядке, можете не беспоко-
иться.

–Рада слышать.

–Доброго утра, Лия. Что будете заказывать?

Неожиданнее Лии в этом кафетерии обнаруживалась лишь бесконечно и почти бесшумно перемещающаяся между столиками Ника.

–Чай. Зеленый. С мятой. Спасибо.

Ника кивнула и спешно удалилась. Персонал прекрасно понимал, что гости, хотя профессия их и принадлежность оставались не названы, явно представляли из себя людей Завода. С ними никто не хотел иметь конфликтов или даже намеков на них.

–Итак, начнем. Вчера на выезде из города задержали крупную партию алюминиевых болванок с *измененной энтропией*. Задержали по той самой причине, что у проверяющего дорожного инспектора на посту завизжал «ПИАН» так, что его стажер, сидящий неподалеку и заполнявший документы, чуть не оглох. Нормы и стандарты нарушены. Материалы нестабильны. Их произвели не на *Заводе*. Отследить, откуда была партия, где добыта, кем продана и прочее, не удастся. Алюминий в срочном порядке передали на производство в цех Исправления Браков²², чтобы они... не навредили никому. Задача стоит следующая: обнаружить, где находится нелегальный цех по производству. Процедуру провести согласно *инструкции №11*²³. Вопросы?

²² Цех исправления браков занимается в том числе и утилизацией дефиниц.

²³ Инструкция №11 – один из неблагоприятных сценариев, прописанный лич-

- Сколько обычно уходит времени на изменение энтропии алюминия?
- Процедура не самая сложная. Порядка нескольких дней.
- То есть, не менее трех дней назад груз, еще не обработанный, прибыл в город, верно?
- Да.
- Значит, договоренность о поставке была минимум пять дней назад.
- Верно.
- А что водитель? Какая конечная точка маршрута? Кто *покупатель*?
- На нем уже было обвинение о незаконных операциях с энтропийными *материалами*. Боится, что попадет под новое законодательство, которое говорит о том, что светит ему пожизненное где-то очень далеко, откуда брiza он не почувствует. Молчит. Ждет адвоката. Тянет время. Вряд ли удастся из него получить хоть каплю полезной информации. Им займусь я. Если будут какие-то зацепки, я сообщу.
- Наступило молчание. Клим щелкал фисташки. Феликс потянулся за еще одной папиросой.
- У вас нет спичек? Кажется, я забыла свои в машине.
- Вот, пожалуйста.
- Ника вновь подкралась совершенно никем незамеченной:

но Директором Хроном для служебного пользования отдела антиплагиата, подразумевающий полное устранение любых средств и следов незаконных действий с гнутьем кривых вне помещений Завода. Исполнителю Инструкции разрешено привлекать любое необходимое количество персонала.

–Ваш зеленый чай с мятой.

–Благодарю.

Никто не решался прервать эту тишину.

Дождь становился сильнее.

Всякий раз утренняя встреча с Оттис проходит одинаково: она сообщает о новой задаче, которую решить ничем не проще, чем предыдущую, либо докладывает об очередных осложнениях в уже поставленной. Классическое развитие событий. Самый трудоемкий отдел *Завода* после производственных цехов.

–И что нам, с «ПИАНами» под мышками тщательно и выверенно обходить каждый квартал города?

–Не говори глупостей, Феликс. У меня есть пара идей на этот счет.

–Как всегда, рада это слышать, – Лия улыбнулась со всем благородством в позе и взгляде, какие могла проявить – в мужском мешковатом костюме и армейских сапогах.

«Она всегда рада слышать, что нерешаемая задача может быть решена без какого-либо содействия с ее стороны. Когда уже меня сделают начальником какого-нибудь отдела, чтобы и я нес лишь дурные вести?» – Вздохнул Клим.

Лия задержала свой проницательный взгляд на Клименте. Задержала многим дольше необходимого. Эта парализующая немота, это беспочвенное беспокойство, азартным огоньком сверкающее в ее глазах ежеминутно, пытались выжечь насквозь и посмотреть: что же там у него внутри?

–В таком случае, – Оттис резко перевела свой взгляд на Феликса и потушила окурок о хрустальную пепельницу, – я желаю вам успехов. По любой рабочей необходимости можете связываться со мной в *любое* удобное вам время.

С этими словами Лия поднялась из-за стола, взяла кружку зеленого мятного чая, вдохнула его насыщенный аромат и вернула обратно на стол.

–И это они называют чаем... До свидания, коллеги! – она протянула свою руку.

Клим и Феликс пожали ей руку и опустились в свои плетеные кресла.

Черный приталенный костюм, высокие сапоги с берцами на шнуровке. Начальник Оттис в пару мгновений добралась до выхода из кафетерия «Violettes» и, размашисто открыв дверь, скрылась из виду, уйдя вверх по улице, совершенно не замечая набравшего силу ливня.

–Да уж, – вздохнул Клим.

Мимо веранды, уставленной благоухающими и хрупкими фиалками, пронесся белый и блестящий, словно лакированная туфля, автомобиль «ЭИ-7/6».

–И в чем ваша идея?

–Нет у меня никакой идеи. Но руководству так спокойнее.

Клим силой воздерживался от того, чтобы не разможить чашку о натертый до блеска пол.

С одной стороны – перемены всегда к лучшему. С другой стороны – могут быть болезненны, как если бы у человека была необходимость срывать с себя кожу, чтобы явиться миру в новой красе.

Арчи и Йося вместе сидели на продавленном старом диване. Охоты обсуждать что-то или ругаться не было никакой. Уже прошло больше двух недель с тех пор, как Мадлен покинула лазарет и могла вернуться к работе, к распитию с ними этого отвратительного, но такого уютного сублимирован-

ного кофе в жестяной банке²⁴, однако, этого не произошло.

В первый же день, не успела она обновить запас вещей дома и вернуться на территорию Завода, ее выцепил Директор Хрон прямо из коридора, ведущего в служебную каморку. Ни с кем из своих товарищей она даже поздороваться не успела. Не то чтобы не захотела или возможности не было. Просто не посчитала нужным перебивать Директора с волной его измышлений и идей, что и увлекли ее за собой прямо в его кабинет.

Помещение это мало чем отличалось от самой зачуханной коморки. Кажется, что он выбрал себе самый неподходящий кабинет и совершенно этого не заметил, как подслеповатый старик, путающий маленьких мальчиков и девочек, радиоприемник – с кошкой, газету – со сложенными простынями. Всюду разбросаны бумаги, доска для письма истерта до состояния хлама, а маленькие осколки мела и легкая белая пыль усеяли пол как неприбранная металлическая стружка у токарного станка.

Разговор выдался занятный и чрезвычайно долгий. Итог же был неоднозначный: Директор долго обдумывал возможность эту и решил, что Китовски могла бы возглавить *отдел исследований*, который бы никоим образом не конкурировал

²⁴ Специально поставляется работникам Завода на основании заключенного договора о сотрудничестве, включающего специальные закупочные оптовые цены. Материал упаковки – кривогнутая жесть. Кофе пользуется широкой популярностью на Заводе и в Городе ввиду влияния, как вредного фактора, неясности.

и не был связан с работой, например, того же самого *отдела инженерных разработок* или *отдела производственных вычислений*. В свою очередь Мадлен бы соглашалась на развитие идеи получения перспективно полезных способов установить прямую связь с *местом*, чье рабочее название стало «*Чистая комната*».

—Вряд ли у людей, которые захотят получить больше информации, будет вера в то, что мы организовали целый отдел, чтобы создать кофеварку или шариковую ручку нового типа и вида, но так будет несколько... разумнее. Вам нужна независимость, Мадлен.

Материально-техническая база отдела была богатая: свежие помещения в новом корпусе *Завода*, наседаящем над пятым цехом — как хищная птица в гнезде, новейшее оборудование на заказ, какое только может потребоваться при попытке оказаться не там, где нужно — прототипы образцов, что еще даже номера своего не получили, грамотнейшие молодые специалисты из престижного Кривогнутого Университета, готовые мыслить критически, не опираясь на старый опыт — такого они просто-напросто не имели, а потому подчинялись беспрекословно. При должных успехах, Директору Хрону обещали весомые инвестиции со стороны государства на развитие предприятия, да и предприниматели среднего и крупного достатка все чаще поднимали вопрос о возможностях... взаимовыгодного сотрудничества.

—Само собой, Китовски, — сказал мужчина, стирая твер-

дой от мела тряпкой многочисленные записи на доске, – тебе больше не придется заниматься решением таких мелких неурядиц как *аварии неясного характера*. С ними справятся специалисты, не менее квалифицированные, чем ты, но куда менее...

Хрон так и не нашел достойного слова, что было бы *менее* оскорбительно, чем «ценные». «*Менее ценные*», – именно так хотел он сказать, но посчитал, что это чересчур.

Мадлен понимающе кивнула.

–Простите, у вас рукав испачкан. Левый. Ой. Правый тоже. В общем, у вас пиджак грязный. Весь.

–Что? Ах, да. Он у меня постоянно такой, – Хрон сбивал сильными ударами массивных ладоней мел с рукавов пиджака. – Так каков ваш ответ, Китовски? Никаких больше коллег-пьяниц, никаких грязных комбинезонов, никакого осточертевшего дизельного смрада и *значительно*, повторяю, *значительно* возрастающая оплата за ваш труд.

Мадлен прекрасно знала, что она должна думать и как поступать: сама она из простых, и возможность получить достойное образование – чистый фарс, удача, которая привела ее работать сюда и позволила отсылать деньги то младшей сестре-транжире, то матери. Не то чтобы сестра не разрешила своих вопросов сама или матушка сидит на хлебе с водой, нет, вовсе нет. Она лишь чувствовала необходимость в покровительстве своей *маленькой* сестренке, с которой не могла общаться почти всю юность, и отблагодарить мать за те

старания, которые позволили ей уверенно встать на ноги в двадцать четыре года.

Мадлен знала, что ответ должен быть:... «Нет».

Никакой рискованной работы, отбирающей у нее и без того немногочисленных друзей. Никакой работы, которая поглотит ее целиком – с утра и до утра, пока, наконец, в один день либо она не свалится от переутомления, либо – не будет получен достойный рапорта результат.

Мадлен знала, *знала*, что работа в цеху при пропадающих бесследно тысячах специалистов будет куда безопаснее и стабильнее, нежели эта.

Однако, что-то еще девушка знала, хотя не до конца понимала или осознавала. Знала, что нужно ей взяться за это. И другой никто не имеет подобного права. Никто – нее кроме.

Никто.

–Я согласна, Директор Хрон.

–Рад слышать, рад! – Гавриил, хлопнул ладонью о ладонь, словно пожимает руку, и облачко мела поднялось в воздухе перед ним.

Гавриил – так звали главу предприятия «*Завод кривоногнутых изделий*». Порой даже он сам забывает об этом в веренице следующих одних за другими «*Директор Хрон!*», «*Директор*», «*Господин Хрон!*».

–В таком случае, я могу приступить к работе сегодня?

–Так сразу? Я знал, что ты наш человек, *наш!* – Директор хотел было обнять Китовски за плечи, но отдернул руки: все

еще грязные. – Быстро сейчас в отдел кадров, подписывайте-оформляете необходимые бумаги, затем со спокойной душой отправляешься отдыхать. Успеешь еще. Завтра прибываешь к десяти утра на КПП, ближайшее к лифту, ведущему в новый корпус. Корпус, который под литерой «И». На этом можешь быть свободна. – Директор сам не заметил, как перешел с «Вы» на «ты».

–Слушаюсь, господин Хрон, – Мадлен развернулась на месте и почти уже коснулась дверной ручки, всей перемазанной мелом, когда ее снова окликнули.

–Китовски! Совсем забыл. Если тебе не будет сложно, в течение самого ближайшего времени освободи комнату от своих вещей. Твой новый кабинет будет многим... приличнее. – Гавриил снова потерялся в антонимах к слову. На этот раз исходное слово было: «отвратительный». – Со дня на день тебе на замену должен прибыть молодой человек, тоже – прямиком со студенческой парты. Если выдастся время проконсультировать его, будет здорово. Инженер по технике безопасности и стопка мануалов не могут заменить пары слов, сказанных мастером своего дела. – Директор ободряюще подмигнул.

–Сделаю все в худшем виде, Директор. Можете не сомневаться. – Мадлен выдавила самую гадкую из своих улыбок и покинула кабинет Хрона, плотно закрыв за собой дверь.

–Мерзкая девчонка. – Усмехнулся себе под нос Хрон.

Конец всего сущего и новая эпоха жизни человека были

ближе, чем обеденное время.

Мадлен быстро спускалась по скрипящим лестницам до лифта, еще стремительнее выбежала из него напрямик на жилой этаж, откуда все еще был слышен гул работы механизмов. Но уже тише, он стал гораздо тише с тех самых пор, как *Завод* оказался открыт и принял в свои ворота первые вахтовые автобусы, лишь слегка наполненные рабочими, трудящимися в три смены по восемь часов.

«Черт, скорее вернуться домой, скорее. Запереться там и больше никогда здесь не появляться, никогда не видеть никого, никогда не делать ничего. *Черт черт черт...*»

Мадлен была сама не в себе, когда наспех бросала скромные пожитки в хлопковую сумку, кое-как вмещавшую в себя гигиенические принадлежности, пару свежих комплектов нижнего белья и футболок.

Времени испытывать ностальгию не было.

Впрочем, правильно задаться вопросом: смогла ли бы она вообще?

«Треклятое производство, треклятый прогресс, треклятая работа! К черту это все. Закроюсь, и больше меня никто и никогда не увидит. И я больше – никого».

«*Даже сестру? Мать? Арчи? Йосю?*»

Мадлен расплакалась и упала на давно не менянные простыни, пропитавшиеся ее потом, испачканные тут и там довольно заметными пятнами масла и топлива – словно зако-стенелыми подтеками крови.

Она не могла и предположить, сколько времени проревела в отдаленной по коридору комнатухе жилого отсека, принадлежащего сразу ряду цехов с пятого по пятнадцатый этаж корпуса «Б».

Китовски обнаружила оранжевый свет солнца в окне и замерла.

«Скоро, совсем скоро».

Неожиданно она слышала оглушительную тишину, проступившую вокруг нее, тишину, что была громче любого грохота, любых звуков, тишину, окутывающую и опьяняющую.

Она говорила с Мадлен подобно тому, как вещает отключенное от питания радио.

Девушка все глубже погружалась не в звук, но в *отсутствие* звука, пока оно не овладело ею. По коже ее распространилось некоторое спокойствие и *тепло*.

Мадлен как ни в чем не бывало вышла с вещами из своей комнаты и неспешно направилась к лифту, ведущему с пятого этажа на первый.

Она глубоко дышала, различая каждый аромат, наслаждаясь планами эвакуации, разбросанным сором, проступающей ржавчиной, пылью технической пыли, впитывая в себя падающие лучи заходящего светила. Наслаждаясь всеми непривлекательными красотами, закрытыми для понимания существу невнимательному, коим Мадлен не являлась.

В этот раз она решила, что отправится в свою квартирку пешком.

Завод находился так далеко от района, где проживала Мадлен, что входную дверь она отперла далеко за полночь.

Мадлен легла в кровать, не раздеваясь, и спала долго, крепко, непробудно.

-11- ЧИСТАЯ КОМНАТА \ ГРЯЗНАЯ КОМНАТА -11-

В утро, когда у Климента напрочь пропала вода в сливном бачке унитаза, и он потратил битых два часа, чтобы разрешить эту поломку, Мадлен присутствовала на очередном

еженедельном собрании глав отделов Завода кривогнутых изделий.

Собрание проходило в конференц-зале на одном из последних этажей нового корпуса «И». Помещение это обладало панорамными в пол окнами, за тонкой, но прочной гладью их громоздились один на другой задымленные очертания холмов и гор, почти скрытых производственной гарью. Ну, ничего: меньше будут отвлекаться на роскошный вид, который, впрочем, удалось сохранить лишь на проектах и паспортах здания. Такая современность, такая громада хрустальная – точно ограненный кристалл, брошенный на груды металлолома, сросшийся с рудой, стремящейся очернить его красоту.

Директор Хрон, значительно опоздав, что ему присуще, радостным взглядом обвел всех присутствующих, среди которых были: глава объединения производственных цехов – мужчина, чьи волосы начали крайне рано редеть, глава отдела антиплагиата – молодая женщина в мужском костюме без макияжа, глава отдела производственных процессов – молодой мужчина, на досуге коллекционирующий сигареты и сигары со всего мира, потому что бросил, но отпустить зависимость окончательно не смог, глава отдела закупок, а также начальники отдела кадров, спецпроектов, ремонта и капитального строительства и многие другие...

...включая новоиспеченного главу отдела исследований – Мадлен Китовски.

–Доброго утра, коллеги. Начнем! – Гавриил Хрон ловко занял одно из роскошных кожаных кресел и стал доставать бумаги из своего дипломата с кодовым замком. Вся черная блестящая кожа – в белых отпечатках пальцев.

Утро выдалось довольно безоблачное и теплое, однако, в воздухе начинало скапливаться электричество, говоря о том, что в полчаса все может перемениться, и начнется гроза.

Главы и начальники зашевелились в такт Директору, устроив громогласную переключку шуршанием блокнотов, записей и папок с документами.

–Итак, отдел кадров, – протараторил Хрон, не поднимая взгляда от бумаг.

–Доброе утро всем. – Женщина в годах встала из своего кресла, поскрипывая и кряхтя. – Новых специалистов в производственные помещения для устранения *аварий неясного характера* оформили, приступают к работе уже завтра. Сегодня у них крайний инструктаж по безопасности труда. Подготовили план-график, – тут она немного закашлялась, но вскоре продолжила, – простите, план-график отпусков на летний период времени. Не подали бумаги всего несколько человек и новоприбывшие специалисты. Скоро рабочим цеха этажа одиннадцать будут выданы направления на обновление документов об их квалификации. На этом все, спасибо. – Пожилая женщина вновь заняла свое место.

–Прекрасно-прекрасно. – Хрон делал тонны пометок в своем журнале. Но почерк, его ужасный почерк превращал

эти записи в компиляцию наскальной живописи и каракуль. К слову, до конца собрания он поднимет глаза всего единожды. – Рапорт от главы отдела производственных процессов. Вы здесь? Приступайте, конечно, приступайте. – Цедит сквозь улыбку.

–Здравствуйте,... хм,... все присутствующие. – Начальник производственных процессов никак не мог сконцентрироваться и начать свой доклад: рядом с ним сегодня присела Лия Оттис, от которой разило табаком почти на весь конференц-зал. Это выбивало его из намеченной на борьбу с зависимостью колеи. – Что могу сказать... С последнего инцидента рост количества *аварий неясного характера* сократился на всех этажах *Завода* с 37 случаев в месяц в среднем до трех, что отображает падение *аварийности* на более чем 92 процента. Однако, за последнюю неделю вновь начался рост в алгебраической прогрессии. Стоит участить обходы производства с «ПИАНами» вплоть до ежечасных. Думаю, мы сможем организовать премиальные *специалистам-инженерам*. Сейчас отдел вычислений готовит экспоненциальный прогноз для выведения рекомендаций персоналу.

–Неоднозначно, неоднозначно,... – Хрон продолжал конспектировать каждое слово говорящих, хотя более подробную версию можно было запросить у секретаря, председателя или же взять сам оригинал у докладчика, – А премиальные... Да, конечно, сможем, конечно. В этом нет никаких сомнений. У вас есть еще что добавить? Я всегда рад слушать

от вас о наших успехах.

–Никак нет, Директор. – Как весомая точка в конце предложения: глава производственных процессов вернулся на свое место и весьма недовольно скрестил руки и отвернул лицо от Оттис.

–В таком случае, следующий... Отдел антиплагиата. Оттис, можете приступать. Ваша работа вызывает мой восторг всякий раз! – Сладко, приторно сладко.

–Доброго утра, дорогие коллеги. – Лия поправила челку на лбу и выставила папку перед собой. – Не так давно нами было начато расследование по поводу крупной партии энтропийного алюминия. Задержали водителя, срок задержания не играл значения – человек из *Министерства* смог предъявить ему обвинение следующим утром и надавить на него самым профессиональным образом. В момент его чистосердечного признания о всех совершенных преступлениях и работе схемы в целом, сотрудники отдела Климент Гросс и Феликс Хутава уже находились в непосредственной близости от места производства. Все необходимые для проведения операции бумаги прибыли вместе с подкреплением в отдаленную часть города, где в заброшенном гаражном кооперативе группа несостоявшихся специалистов (*в том числе бывшие работники Завода кривоогнутых изделий*) занимались, нарушая существующее законодательство, производством энтропийного алюминия и других материалов в целях их продажи неизвестному лицу. Обмен должен был произой-

ти около двух недель назад, но, как нам известно, так и не состоялся. Следующая встреча была назначена на вчера, однако, никто на нее не явился. Этим расследованием уже займутся сотрудники *Министерства*. В сопровождении Гросса и Хутавы энтропийные материалы были срочно переданы в отдел исправления браков, а все оборудование конфисковано нашими сотрудниками и утилизировано. В настоящее время материалы опасности не представляют. Новых происшествий не случилось. Имею ряд рекомендаций в отношении увольняемых и отстраняемых от работы сотрудников. Вы их получите вскорости. На этом, господин Директор, у меня все.

–Как оживленно... – Хрон окончательно превратился в пишущее устройство, фиксирующее любые гласные и согласные на расстоянии пятнадцати метров. – Что ж, отдел полностью оправдывает возложенные на него обязательства, а также данные финансирование и поощрения. Я напишу бумагу о назначении вам премиальных за столь успешное расследование. Но самая настоящая награда – это, конечно, вы и ваши подчиненные, Оттис... Вы и ваши подчиненные... Следующий...

Доклады производились еще довольно долго, выслушивались Директором кропотливо и тщательно. Казалось, что данная процедура уже не имела спустя столько повторений никакого значения, но, к всеобщему удивлению, Гавриил Хрон действительно в дальнейшем полагался и ссылался на

многие слова, сказанные на еженедельных встречах руководства, из-за чего отношение к ним было самое наисерьезнейшее.

Спустя несколько часов очередь доклада дошла и до главы отдела исследований...

– Учитывая свойства материалов с измененной энтропией, отдел принял несколько векторов разработок. Одна из них касается сверхпроводимости материалов и того, что это может предоставить в производстве. – Только сейчас Мадлен поняла, что совсем забыла поприветствовать всех. Впрочем, это мало кого волновало. Сменив рабочий комбинезон, перемазанный черт знает чем, на юбку-карандаш и блузку, она мгновенно стала предметом воздыхания практически всех представителей мужского пола *Завода*, открыв себя в совершенно новой для них ипостаси. – Вокруг такого материала образуется очень сильное магнитное поле, которое, теоретически, могло бы стать огромным рывком в развитии электрооборудования и, в частности, генераторов электрического тока. Кроме того, проходящие через сверхпроводник токи создают своё магнитное поле в тонком поверхностном слое вещества. В сверхпроводящем состоянии сила этого поля равна действующему на него внешнему магнитному полю. Иначе говоря, если предмет будет обладать постоянным магнитным полем, он будет...

– Парить в воздухе? – глава производственных процессов озвучил мысль, восхищаясь ею и сомневаясь в правильности

своей догадки одновременно.

–Именно. Парить в воздухе. Без каких-либо огромных затрат. Используя генератор постоянного тока, комплект сверхпроводников и постоянных магнитов. А это – уже нечто на грани фантастических буклетов, ведь применять это можно даже в транспортных средствах. Кроме того, данное исследование поможет улучшению конструкции так называемого циклотрона. А это уже – производство уникальных трековых мембран и много другого на совершенно новом уровне. Параллельно с этим производятся эксперименты в местах возникновения *аварий неясного характера* с целью установ-
ки...

Мадлен не дали закончить мысль. Директор Хрон, глава производственных процессов и еще несколько руководителей стали буквально аплодировать ей.

«Аплодисменты пассажиров состава, отправляющегося в никуда. Летящие автомобили их действительно заворачивают надолго, Мадлен. Ты все сделала правильно».

–Спасибо, благодарю. Не стоило, правда. Я всего лишь делаю то, что не могут сделать другие, наименее паршивым образом.

Директор Хрон смотрел на нее влюбленными глазами, смотрел так, как можно смотреть на обожаемую книгу, пса, который ждал у двери весь день возвращения хозяина, произведение искусства, впечатлившее до глубины души. Именно в этот момент он впервые с начала собрания поднял глаза

от своих записей.

Весь официальный тон, который властвовал над помещением больше двух часов, был свергнут без возможности снова занять свой трон.

Собрание окончилось спустя двадцать пять минут, но последовавших за Китовски докладчиков уже почти никто не слушал...

Хрон начал аплодировать первый – неспроста. Мадлен совсем не глупа, но ее невнимательность могла серьезно подставить Директора: стоило ее прервать, пока она не начала докладывать о «Чистой комнате» в самой грязной из всех на этом Заводе.

-12- НЕСОВЕРШЕНСТВО МОДЕЛИ -12-

У Климента дела не вязались. Как говорится, от слова «со- всем».

Вот уже на протяжении нескольких недель не видел он спокойного сна, просыпался всякий раз около трех часов ночи в испарине с дрожащими кончиками пальцев ног и рук. Ранее – провалиться в *никуда* составляло из себя ежедневную необходимость, для которой требовалось приложить ряд *особенных* усилий. Однако, теперь – достаточно хоть на минуту прикрыть глаза, как *Ничто* брало верх, силой затягивало Климата в себя, обрушивая не безмятежный покой безграничных садов *небытия*, а темно-нефтяную муть, в которой становилось гадко. Чувства извращены и существуют

против правила. В месте, как полагал Клим, известном ему одному, теперь есть *кто-то еще*, и факт этот по-настоящему пугал.

«Еще немного и придется спать с включенным светом. Как маленькому ребенку».

Из-за участвовавшего беспокойства все чаще стал он, не смыкая глаз, проводить всю ночь, изводя себя всякими подручными развлечениями, читая, слушая музыку и просматривая один за другим киноленты, приправляя такую культурную программу кружками кофе, по объему вмещающих в себя пинту жидкости.

–Климент, я отлучусь ненадолго, можете разложить сидения, если... – Хутава не мог не беспокоиться о своем напарнике.

–Да. Спасибо. Этим и займусь, – Гросс мгновенно откинул спинку и занял позу поудобнее, снарядив лицо довольно громоздкими солнцезащитными очками, взятыми из бардачка.

Бессонная ночь давала о себе знать. Работать в таком состоянии – бессловесная мука, преступление против себя, апогей лени. Климент весь день отсыпался на пассажирском сидении «ЭИ».

Но мало бороться с последствиями проблемы, – а это, стоит заметить, действительно стало неприятностью, которую не замечать сложно, – необходимо начать предпринимать какие-либо действия по поиску возможных причин, ведущих

к таким изматывающим следствиям. Нужен...

«...специалист по этим вопросам. Возможно, даже узкой специализации».

Клим встречает очередное утро, высчитывая рассвет по минутно. Неоднозначное чувство, преисполненное сомнений и неуверенности. Такое состояние не дает ни есть, ни пить, ни читать газеты, пока поставленный вопрос не получит ответ.

«Что со мной не так?»

Или даже так:

«Что со мной происходит?»

И происходило ли всегда? Если вдуматься, Клим неоднократно подмечал за собой неопределенные... *отличия* своего мышления от мышления других людей. В его рассуждениях, в его типе мышления всегда оставался свободный столик для одного гостя, имя чье не установить, ведь имен может быть много.

Удача.

Судьба.

Рок.

Фатальность.

Интуиция.

В определенные моменты своей жизни Клим точно начинал ощущать, как ему действовать, когда и где быть, что сказать, в сторону какого решения склониться. *Что-то* брало его за руку, не как ребенка, но как потерявшегося туриста,

отошедшую в слишком опасный лес овцу, как ведет за собою экскурсовод в необычайно огромном зале экспозиции.

Однако, сейчас это чувство ослабело. Если не пропало вообще.

О второй трактовке своего состояния Клим и задумываться не хотел. Слишком страшно было представить себя в этом мире *совершенно* одному.

«А над этим действительно стоит поразмыслить. Насколько нужно быть храбрым или талантливым, чтобы не бояться заплутать в этом мире?

Мире, полном задач, для которых нет и не было никаких готовых решений. Любая попытка к планированию превращается лишь в отложенный на время страх перед импровизацией, час которой наступает в любой постановке.

Мире, где от нас зависит лишь наше благополучие, и то до тех пор, пока нам позволяют благоприятствующие обстоятельства. Если смотреть в упор: от нас, людей, вообще ничего не зависит. Наши жизни – один краткий для Вселенной эксперимент, рождающийся перед ее глазами и меркнувший со скоростью брызг фейерверков или бенгальских огней. Мы не можем повлиять на все или даже на часть факторов, из которых складывается пуск и один день людской.

Мы не можем контролировать выпадение осадков с неба и чугунных сковород из окон, которые вполне способны привести к простуде в первом случае или убить вовсе – во втором.

Мы не можем контролировать ни одного из людей, которых знаем и тем более тех – которых не знаем. Действия лишь одного человека могут привести путем причин и следствий к ужасающим последствиям для индивида, группы лиц, человечества в целом. И отследить первоисточник порой – просто невозможно.

Мы можем просто не проснуться.

О чем речь: мы не можем контролировать даже себя! Мы стоим лишь у подножия совершенства даже тогда, когда проявляем себя на пике своих возможностей. Усилий всего человеческого рода не хватит, чтобы приостановить мысленный диалог посреди ночи, отбросить ощущение наслаждения или боли, сконцентрировать лишь силой мысли всю кровь в максимально необходимый мышце.

Настоящие мы – физический и далекий от того, чтобы понять истину, мозг, всего лишь орган, помещенный в черепную коробку тела-скафандра.

Глаза, уши, язык, неисчислимое количество нервных окончаний на всех внешних покровах – и все лишь для того, чтобы обеспечить достаточным количеством информации несколько килограмм вещества, решившего вдруг, что оно *мыслит* и соответственно *существует*.

Как картинка в телевизоре или фотография, как голос радиоведущего, запись на диктофоне или резиновый муляж курицы являются по сути настоящими, но они всего лишь модель, созданная по проекту иной модели, которую удалось

получить, опираясь на архивы несовершенных глаз, ни к чему не пригодного слуха, субъективного тактильного чувства и довольно странных вкусовых сосочков.

Мы находимся в мире моделей, в котором пытаемся адаптироваться, создавая понятные нам модели. И больше – ничего».

Рабочий день прошел в беспамятстве.

Впереди – еще одна бессонная ночь.

-13- ПРОФЕССИОНАЛ -13-

В то самое утро, когда начальники отделов уже вовсю насытились мечтами о левитирующих над землею автомобилях (к слову, они все гадали, как им придать движения и затем это движение контролировать и изменять по усмотрению водителя), у Гросса дела были по-прежнему ни к черту.

Потеряв концентрацию и в край переутомившись, он все-таки заснул. Следующие три часа его жизни до звонка будильника были самыми мерзкими и оттого самыми запоминающимися в его жизни.

Три часа *в Нигде*, преисполненных дрожи и страха, три часа неостановимой борьбы за свою жизнь в формате отсутствия времени как такового, три необъективных единицы времени в попытках избежать преследования *чем-то*, что стремилось не изгнать Клима и не выказать свое радушие, а сделать так, чтобы его просто не стало.

Климент отгонял от себя липкий страх того, что утро для него теоретически могло и не наступить. Что стало бы с его телом? И, если осталось бы тело, стал ли бы он... лишен разума – как пустой мешок с костями? Безумен? Возможно, просто обрел бы статус человека с ограниченными возможностями, что даже еду проглотить не может.

«Или же – статус человека с возможностями *неограниченными?*»

Клим забрался под холодную воду душа, не поставив печься свежие сдобные булочки. Под окнами его квартиры

шумно закрипела дверь грузового автомобиля, развозящего рано утро хлеб по всем магазинам города и пригорода. Клим чувствовал себя раздавленным и опозоренным. Никогда он раньше не задумывался о своей ошеломляющей беспомощности пред... *Ничем.*

Ледяная вода, текущая упругими струями на его спину, не оказывала своего эффекта. Как и горячая.

Гросс пребывал в состоянии тотального страха, обескураживающего, лишаящего способности анализировать, искать пути решения проблем, да и вообще – думать.

Стук в дверь раздался неожиданно громко, чем вырвал Климент из дебрей угнетающих переживаний и вернул в мир, где он уже второй час киснет в ледяной луже, время на часах – 09.27, а Феликс, насторожившийся отсутствием своего напарника, не смог больше сидеть в автомобиле и вот уже как полчаса стоял под дверью его квартиры. Сначала Хутава зажимал подолгу кнопку звонка, затем стучал по двери, заглядывал в замочную скважину, предусмотрительно закрытую ключом, а после и вовсе начал бездумно колотить кулаками дермантин и кричать.

–И тебе доброго утра. – Клим отпер входную дверь и теперь стоял перед Феликсом насквозь мокрый с полотенцем на бедрах.

–Так у вас все в порядке?

–Как видишь. – Гросс развел руками в стороны и начал чистить ушные раковины ватными палочками.

—Господи. Тогда почему так долго не открывали? Почему не спустились? Вы проспали? Вам не здоровится?

—Тише, тише. Иди да присядь на кухне. Хотя не садись. Сделай нам кофе. Я скоро буду готов.

—Объясните мне, в чем дело? На вас лица нет.

Клим взглянул в зеркало, одной ногой в коридоре, другой — в ванной комнате:

—Лицо у меня есть. Мое любимое, между прочим. Единственное потому что. А вот ты выглядишь как перепуганный зяблик. У тебя все в норме?

—Я ушел делать нам кофе. — Феликс тяжело вздохнул. Клим ему ничего не расскажет, пока не посчитает нужным. Зря он сходу налетел на него с вопросами.

—Уникально верное решение, Хутава. Уникально.

Дверь ванной со свистом закрылась.

Первая чашка кофе за день напарниками была выпита в удручающем и настораживающем молчании, которое оказалось прервано лишь сухо сказанным:

—Мы опаздываем на брифинг. Поспешим.

Клим схватил чашки со стола и вылил кофейную гущу из них в унитаз. Машинально дернул за ручку, но замер: ожидаемого звука плещущейся воды из бачка в «рабочую» полость не было слышно. Гросс подергал ручку еще несколько раз, но услышал лишь глухое постукивание поплавка.

Хозяин квартиры — и этого унитаза в частности — заскри-

пел зубами. Кратко, но очень звонко.

—Все в порядке?

—Да. Спускайся и заводи *красотку*. Скоро буду.

Феликс послушно вышел из квартиры, оставив Клима наедине с его неприятностями.

Гросс поставил кружки в раковину и заглянул в бачок.

Пуст.

Затем проверил все вентили, ведущие воду к бачку.

Открыты.

—Черт бы тебя побрал.

«Керамическое отродье».

Клим часто ругался вслух, но еще чаще он это делал про себя.

«БЕЗДАРНОСТЬ БЕСПОЛЕЗНАЯ. ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ СОЗДАНИЕ. ЧЕРТОВА ПРИБЛУДА».

И еще далее — в том же ключе.

Унитаз на оскорбления не отреагировал никак: ни мысленные, ни произнесенные вслух его, кажется, не задели. Ему ли они были адресованы?

Клим широким шагом прошел в коридор, подцепил пиджак с вешалки гардероба, хлопнул входной дверью и с усилием провернул в ней ключ. Ключ погнулся у самого своего основания.

Голос, направляющий Клима, молчал.

Некоторое время он постоял у створок лифта, держа указательный палец в сантиметре от кнопки вызова, но так ее

и не нажал.

«От греха подальше».

Спускаться по лестнице, конечно, не так утомительно, как подниматься, но ноги его все еще лихорадочно дрожали.

Однако, Хутава этого не заметил.

«Нужно стараться держать себя в руках, глушить эмоции, четко выполнять свою работу несмотря ни на что. Иначе какой из меня профессионал?»

-14- ЛИЯ ОТТИС -14-

Опоздать у Гросса и Хутава не вышло: именно сегодня Директор Хрон собирает еженедельное собрание руководителей, куда, разумеется, приглашена и Оттис.

Клим и Феликс не обнаружили никого знакомого на веранде. Лишь какая-то парочка молча сидела у входа. Мэр и его помощник уже позавтракали и убыли в Администрацию. Проблемы ждать не будут. Лии не было за забронированным столиком. Фиалки на подоконниках цвели как им и полагается. Пешеходы нехотя двигались туда, куда все же им было нужно. Утро у Климента сегодня началось поистине поздно.

На веранде показалась Ника. Быстро зашевелив худыми ногами, девушка...

–ДА. Как обычно, Ника. Доброго дня вам. – Скрипичный костяной скрежет.

Официантка осеклась и замерла на месте. Клим, даже не взглянув на нее, отправился к самому дальнему столику. Феликс что-то шепнул Нике на ухо, пока та еще не отошла от ступора, их взгляды пересеклись с выражением самым понимающим, после чего каждый отправился заниматься тем, для чего находился в этом месте.

–Климент, что с вами...

–У тебя есть с собой писчая бумага?

–Нет, но есть в...

–Тогда сходи нам за сигаретами и принеси бумагу.

–Нам? В смысле...

–Прошу тебя, поторопись.

Феликс согласился со всем сказанным и встал со своего кресла, внимательно наблюдая за тем, как его напарник теряется в своих мыслях, покручивая вокруг своей оси табличку *резерва*. Согласился – потому что знал, как опрометчив Гросс бывает в гневе.

Ничто так не может заставить человека впасть в смятение и беспокойство, оставить на теле и в мыслях налет нервного напряжения, как резко изменяющиеся обстоятельства без какой-либо видимой причины. Неизвестный триггер.

Хутава мог предположить, почему Клим стал постоянно спать днем в авто. Как-никак – совсем не его режим.

Он даже мог предположить, что все странности, все небольшие отличия абсолютно постоянных и неизменных процессов, характерных для Гросса, могут быть обоснованы именно участвовавшими недосыпами.

«Но что могло заставить его проспать?»

Клим оставил в прошлом пристрастие к никотину. Это случилось так давно, что и вспомнить не получится, когда он последний раз чиркал спичкой о коробок или скреб огниво зажигалки.

«И, в конце концов: его всегда раздражала эта пластмассовая табличка, сообщающая о том, что столик забронирован. А теперь он озадаченно крутит ее в руках...»

–Молодой человек, вы покупать будете?

Продавщица в магазине неподалеку от кофейни вырвала

Хутаву из озадаченности уже его собственной.

– Да, конечно. Простите вы мне дали одну. Дайте еще пачку. И газеты. Да. Спасибо.

Феликс возвращался шагом куда более быстрым, чем уходил. Его охватило самое настоящее беспокойство за человека, которого он знал, с которым делил кофе и работу, за которым заезжал каждое утро. Нельзя сказать, что именно эти вещи делают индивида важным, значимым или вовсе – *другом*. Однако, подобный общий быт сближает, и с этим ничего не поделать.

Рядом с Гроссом сидела Лия Оттис. Оба курили ее дамские сигареты с красным фильтром.

– Ну, наконец-то. Тебя только за смертью посылать. Дай бумагу, будь добр. – Клим потянулся во внутренний карман за ручкой.

– Черт. Точно. Бумагу не взял. Простите, сейчас принесу. Феликс совсем забыл о бумаге.

Еще одна вещь, *прозвучавшая* настолько необычно, сказанная таким хмурым тоном, что тоже внесла часть своего настроения и тревожности – в частности.

Руководитель отдела антиплагиата сверлила своего подчиненного взглядом, тот в свою очередь этого даже не замечал. Свободной от папиросы рукой он складывал и разворачивал снова одну и ту же салфетку. Та уже совершенно потеряла свой потребительский вид.

Снова потерявшись в своих мыслях, Клим не заметил, как

скопился невесомый уже пепел. Беззвучно упав на пиджак, выжженный табачный лист распался на гору своих мелких серых осколков.

—Твою-то мать!

Клим буквально зарычал, процеживая каждый слог сквозь плотно стиснутые зубы. Лия мгновенно обернулась. Парочка при входе сидела все так же тихо, не замечая ничего. Официантки на веранде не было. Прохожие были слишком далеко, чтобы услышать хоть звук.

Не вставая с кресла, Гросс стал убирать пепел с пиджака, но лишь испачкал его еще сильнее, оставив мерзкие плешивые разводы на черной ткани.

—Клим, ты пьешь свои таблетки?

—Пошла к черту. Да. Пью. ДА. Ясно?

Гросс ненавидел эту тему. Ненавидел сильнее, чем может ненавидеть весь мир и каждую крупницу его, когда он их не принимает.

После перенесенного тяжелого заболевания, случившегося в тот год, когда он уже поступил на свою первую службу, у Климана произошло истощение нервной системы. Казалось, что это все временно, пара недель или может быть месяцев — и пройдет, однако, за месяцем шел месяц, а напряжение и приступы гнева, ставшие соседом, который оставляет пакет с мусором на общей лестничной площадке, из-за чего весь пролет наполняется дурманом скисших отходов, продолжали изводить молодого человека.

В конце концов, он решился посетить врача. Оказалось, что дело не касается неврологии. Всему причиной – гормональный сбой в небольшой зоне надпочечников. Данная структура отвечает за выбросы адреналина. Вкупе с другими обстоятельствами и веществами, производящимися в человеческом теле при опасных для жизни ситуациях, они помогают организму выжить, преодолеть все трудности и после – прекращают свое действие. Но у Клима был совершенно другой случай. Его организм производил адреналин в количествах столь обширных, что у него либо случалось беспокойство, либо – переутомление, либо же – срыв, в ходе которого, обычно, страдали неодушевленные предметы. Естественно, вне работы. На работе об этом знать никто не должен был.

Время шло. Гросс принял решение сменить деятельность, устроившись на *Завод*. Его резюме мгновенно перенаправили на рассмотрение в отдел антиплагиата, который только-только начинал учиться осуществлять свою деятельность.

–Ты ведь понимаешь, что, пропуская их прием, ты серьезно вредишь себе? А если вдруг кто попадет под горячую руку, то...

–Просто замолчи, Эл.

Во время собеседования Оттис сразу почуяла что-то неладное с направленным к ней мужчиной. Но в чем же дело? Спокойный уверенный взгляд, твердое рукопожатие, говорит четко, ясно, по делу. Хороший специалист, но все

же...

«Кабинет был ярко освещен. Стол пустовал. Новоиспеченный руководитель еще не успела принести сюда даже канцелярских принадлежностей. Голые стены, отороченные лишь старой лепниной.

- Не хотите выпить сегодня вечером со мной?

- Простите, я не... – забубнил Клим.

- У вас проблемы с алкоголем?

- Нет.

- Я вам не нравлюсь?

- Нравитесь.

Лия ощутила на себе теплый взгляд – полная противоположность взгляда внимательного и пронзительного. Обволакивает все тело, как теплая шаль, брошенная на плечи, дрожащие осенним вечером. Такие редко видишь в глазах людей, обращенных на сильных и волевых девушек. В мужских костюмах.

Это не помешало ей закончить мысль.

- Вы, должно быть, принимаете какие-то препараты?

- Да.

- Расскажите мне».

Так запросто Оттис и узнала о тайне Клим, неведомой никому.

- Климент, бумага... Вот...

- Спасибо, Феликс. А сигареты?

- Да, вот.

—Я рассчитаюсь с тобой...

—Не стоит. Потом.

Клим кивнул и тут же подкурил папиросу из принесенной Хутавой пачки о тлеющий еще окурок. Задымив все пространство перед собой, он взялся за бумагу.

«*Рапорт*».

Оттис беспокойно смотрела на окна дома, стоящего напротив кофейни. Тревога разыгралась, и теперь ей казалось, что кто-то наблюдает за каждым ее нарочито серьезным движением и осуждает за лицемерие.

Феликс нервно шоркал спичкой.

«Прошу вас предоставить мне краткосрочный отпуск за свой счет...»

Вскоре документ оказался завершен. Клим, даже не посмотрев на Лию, передал ей листок шершавой писчей бумаги. Женщина взяла его так же, не отводя взгляда от вида за границами веранды.

—Здесь не написана дата выхода.

—Уважаемая начальник Оттис, я ее поставлю по своему возвращению.

—Может быть, тогда вам стоит написать заявление на увольнение, если вы считаете, что работа стала для вас...

—Может быть, я так и поступлю. Когда выйду из своего отпуска, начальник Оттис.

В этот раз она не сверлила его пытливым взглядом. Феликс чувствовал напряжение, окутывающее сегодняшнее

утро и уже наступивший день, кончиками пальцев, мочками ушей, каждой порой на лице. Все происходящее его очень настораживало до крайности: не нравилось и пугало. Хутава просто не понимал происходящего.

—До свидания, *начальник Оттис*. — Клим схватил пачку сигарет со стола, положил их вместе с ручкой во внутренние карманы пиджака и встал с кресла.

—До свидания, Гросс. Удачи вам.

—Климент, вас отвезти куда-нибудь? Вам не здоровится?

—Феликс. — Клим набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул подобно быку на корриде, который все еще сомневается в том, что из него сделают посмешище, затем — стейк. — Я сам. Спасибо. До скорого. — Они пожали друг другу руки, и Клим удалился с веранды кофейни.

Обернувшись, Хутава увидел привычную формальность выражения лица Оттис.

—Итак, начнем брифинг...

Не теряя ни единой лишней минуты, Гросс пересек аллею и, скрывшись за поворотом, наткнулся на таксиста, задержавшегося у обочины.

—Добрый. Третья больница, — резко сказал Клим, присев на заднее пассажирское сиденье, и авто тронулось в путь.

—Проходите.

Больничные коридоры нагоняют тоску и апатию. Это просто отвратительно, что в соседних зданиях сходятся жизнь и смерть, проверка детских ножек на плоскостопие и реанима-

ция человека, у которого перестало биться сердце, исследование снимков рентгена курильщика со стажем в сорок лет и выписка справки о непосещении занятий по физической культуре ученика четвертого «б» класса после перенесенной простуды, которую он заработал, искупавшись в холодной еще воде.

Климент заходит в кабинет своего лечащего врача.

«Начнем по порядку».

–Здравствуйте.

–Здравствуйте, Гросс. Как вы себя чувствуете? Присяжайтесь.

Клим присаживается на стул и довольно подробно рассказывает обо всем. Участвовавшие проблемы со сном в одно и то же время ночи. Ужасные кошмары, наступающие именно в это время суток. Повышенная тревожность и еще...

–Вы продолжаете принимать тот курс препаратов, что я вам назначил?

Врач, немолодой мужчина, очки которого висят на специальной цепочке. Раньше он их прятал за карточками больных. Теперь – они у всех на виду. Видимо, больше скрывать смысла нет. Возраст закрепляет моральные устои и лишает части былого юношеского эго.

–Продолжаю ли я?! ПРО-ДОЛ-ЖА-Ю ЛИ Я?! Конечно, господин врач. КОНЕЧНО.

–Гросс, вы находитесь в помещении больницы. Здесь по коридорам ходят дети. Думаю, вам не стоит так общаться

здесь и *так* общаться *со мной*.

–Простите, вы правы. Так что мне делать? Я все делаю предельно точно, согласно вашим указаниям, но...

–Давайте проведем несколько простых тестов.

И они провели несколько несложных манипуляций. После этого, врач, чья фамилия созвучна с «алоэ», принялся делать записи на небольших листках.

–Прошу вас, повторите анализы. Здесь все стандартно. Можете идти прямо сейчас. Второй этаж, налево по коридору. Кабинет 211, затем...

Гросс молниеносно вышел из кабинета, чтобы оставить практически все виды своих биологических жидкостей в емкостях каждого специально отведенного для этого специалиста.

–Возвращайтесь завтра.

«Еще одна бессонная ночь. Зато можно спокойно выспаться днем. Все как мечтал».

Следующим утром Гросс оказался у ворот больницы так рано, что помогал заспанному сторожу отпирать их. Шел он пешком. Так получилось потратить еще один час времени, текущего невыносимо тягостно, преисполненного одного из самых поганых на свете чувств – ожиданием.

–Странно. Препараты совсем перестали блокировать... Очень странно, Гросс. Вы точно их принимаете?

–Я похож на человека, которому так одиноко, что он готов разнообразить свой досуг посещением врачей? Мне что,

черт бы тебя побрал, делать нечего?!

Мужчина снял очки и укорительно посмотрел на Климента.

—Я пытаюсь вам помочь. Я понимаю ваше состояние, но, пожалуйста, постарайтесь понять и меня. Я не создан для того, чтобы терпеть ваши... всплески.

Врач снова надел очки и принялся сызнова изучать длинные списки характеристик в бланках анализов. Шуршание бумаг навевало тоску и отторжение своей серьезностью.

—Если вы действительно принимаете все выписанные вам лекарства, то дело может быть в ином. У вас случались... какие-либо события в жизни в последнее время, которые могли бы повлиять на ваше... самочувствие?

—Только мои бессонные беспокойные ночи. И тот факт, что мне уже просто страшно ложиться спать.

—Дозировку я повысить не могу. Иначе это негативно скажется на внутренних органах. Лечить, это... как вы помните...

—Да, помню. И что дальше? Какой план?

—К сожалению, я вам больше ничем не могу помочь. Тот курс, что вам назначен, должен полностью исключить возможность...

Врач не стал заканчивать фразу. Клим в кабинете уже не было.

«Тогда я сам. Я сам».

Климент запрыгнул в троллейбус. В мужчине кипели

негодование и беспокойство, которые он пытался скрыть, порождая еще большую взрывоопасность своего поведения.

«РАЗБИТЬ! РАЗБИТЬ БЫ! СЛОМАТЬ К ЧЕРТЯМ СОБАЧЬИМ!»

«Если так продолжится, я могу кому-нибудь навредить. И понести за это наказание. Так мне и надо. Таких, как я, нельзя выпускать в приличное человеческое общество».

-Остановка «Восточный район».

Пройдя несколько кварталов пешком, Гросс выкурил папиросу и потушил ее о мусорное ведро, стоящее при входе в частную медицинскую клинику. Все оно было расстреляно подобными же отпечатками, такими же черно-серыми размазанными точками.

«Все для здоровья и удобства клиентов».

–Здравствуйте, у вас можно сделать МРТ головного мозга? Электроэнцефалограмму?

–Здравствуйте. Да, можно. – Сказала молодая девушка за стойкой, вряд ли обладающая медицинским образованием, зато не обделенная красотой и лстивым взглядом, который должен оставить максимально приятное впечатление об учреждении.

–Это отличные новости. Замечательные. Но у меня есть некоторая просьба. Могу это обговорить с человеком, который непосредственно работает с аппаратом? Врачом?

Просьба прозвучала довольно странно.

Мадлен поначалу показалось, что выполнение исследовательской работы – явно не ее профиль. Вся эта выглаженная одежда, общение с культурными людьми, получившими достойное образование, а не пьяницы с неполным средним, которым хватало их скромных способностей, чтобы справиться с поставленными задачами.

Однако, на деле все оказалось куда проще.

Китовски прибывала в свой кабинет, расположившийся в

новом корпусе, все позже, даже не задумываясь о том, что для того нужно какое-то оправдание. Играл ли свою роль тот факт, что теперь Мадлен занимает пост одного из ведущих руководителей Завода? Вряд ли. Свою гордость она давно уже похоронила под завалами грязной одежды, выкопав могилу им грязными в масле и льялах руками. А потом – просто закрыла дверь, ведущую в ее крохотную комнату. Прошлое – осталось навсегда за этой самой дверью. Гордость – оказалась навсегда ею забыта. Причина опозданий была куда проще: наплеватьство, сменившее собою страх. Страх пред выбором, неизбежность часа, когда решения ее определяют все.

Среди ее подчиненных оказалась почти дюжина человек: молодые юноши, девушки, даже пара академиков на пенсии, что были способны находить удивительные инженерные и технологические решения, пускай и теряли порой очки на собственном лице.

Каждое утро, – если Мадлен прибывала на *Завод* до полудня, а не после, – *Руководитель Китовски* проводила собрание в новеньком кабинете, где объявляла задачи на день. Так работа двигалась куда более четко и быстро, тем более, что поставленные цели были вполне реализуемы за восемь регламентированных часов трудового дня.

–Если вы сделаете то, что от вас требуется – вы получите свои зарплаты. Если не сделаете – получите тоже. Главное – чтобы завтра утром вы вновь пришли сюда. Целые и выспав-

шиеся. Кажется, все просто, не так ли? В таком случае, нечего попусту тратить время, которое можно было бы провести за сигаретой. Все свободны!

В одном Мадлен не менялась: говорить серьезно она не умела, не хотела – и не стремилась даже научиться.

Специалисты покинули кабинет, на котором располагалась скромная табличка, гласившая: «Отдел исследований. М. Китовски». Скромная – оттого, что истинность не требует подтверждений. Скромная – оттого, что сила ощущается вне своих проявлений.

Точка после «М» – как выстрел в лоб, как завершение оды, как *До* контроктавы, сыгранное в одну шестнадцатую.

Когда кабинет оказался пуст, Мадлен прошла от небольшого стола, заваленного доверху пособиями и туго перетянутыми папками с документами, к серванту, вместившему в себя ряд чайных и других принадлежностей. За стеклянными дверцами стоял престарелый проигрыватель для виниловых пластинок. Китовски отнесла его к столу и присела в кресло, оббитое белой кожей. Всякий раз, касаясь этой ошеломляющей белизны, она боялась оставить на такой непривычной для нее мебели обидное несводимое пятно, хоть и привыкла, что руки ее нынче чисты. Чернила, острый край выдвижного ящика, плотная бумага конверта, в котором лежит виниловая пластинка – все ежечасно угрожало навредить такому нежному предмету.

Девушка заглянула в нижний отсек стола и стала переби-

рать пальцами знакомые очертания квадратных бумажных конвертов. Найдя тот, у которого нижний край шершавый, а верхний слегка разошелся по месту склейки, достала конверт и положила пред собой. Наручные часы мешали каждому движению. Да, теперь *руководитель Китовски* позволяла себе носить часы. Она не рискует разбить их при замене шарового клапана или поцарапать железным настилом полов при проверке уровня масла в аварийных дизель-генераторах.

Щеточка снимает пыль и неизбежную крошку. Игла на круговом лабиринте пластинки: полилась музыка. Не сразу, конечно, спустя несколько мгновений, но она обволокла собой весь объем помещения: как шелковая лента, проскальзывающая легко между пальцев, цветочный лепесток, опадающий от единственного вздоха рядом с бутоном. Густая и неуловимая — как дым.

Мадлен чувствовала, как эти звуки погружаются в нее, становятся ее частью, как она сама становится элементом чарующей композиции. С миной довольства и наслаждения она поглаживала рукой края стола. Туфли-лодочки на высоком каблуке оказались сброшены и остались лежать под столом.

Фортепьяно надрывалось, не в силах сдержать собственной энергии. Казалось, что на нем одновременно играют четыре... Нет... Десять, десять пар рук, одновременно ласкающих и хлестко стегающих черно-белую мозаику клавиш. Уникальная пластинка, изданная чрезвычайно ограничен-

ным тиражом – не больше сотни экземпляров.

Мадлен взяла ручку правой рукой и карандаш – левой. Отодвинув чуть в сторону от себя проигрыватель, близкий к тому, чтобы поделиться с ней кульминацией музыкальной истории, девушка кладет перед собой листок писчей бумаги. Безызвестные исполнители не станут держать на нее зла. Слушать музыку, записанную на винил – все равно, что отправлять письма в прошлое, ожидая ответа, который не придет, от давно уже отслуживших своему делу мертвецов.

Мадлен начинает писать ручкой на листе:

«Здравствуй. Жива?»

Спустя секунду на ее вопрос поступает ответ, что пишет-ся витиеватым почерком левой руки, вооруженной точеным карандашом.

«Здравствуй, Мадлен. Да. Я здесь».

«Поболтаем?»

«Можно? Сейчас?»

«Должна же я тебя баловать».

Ручка находится в непрерывной погоне за карандашом, скорость письма все повышается, бумага быстро оказывается заполненной короткими фразами почти на четверть.

«Ты мой друг? Или это что-то иное?»

«Быстро смекаешь. Скоро небось попросишь себе отдельную комнату».

«В таком случае, и я буду твоим другом».

«Поговорим о музыке?»

«Колебания материалов, что передают свою энергию окружающему воздуху, создавая вибрации, что, чередуясь особым образом, являются приятными человеческому слуху?»

«Как умно. Пятерка по физике?»

«Мне это... доставляет удовольствие? Так, правильно?»

«Я познакомлю тебя со всеми удовольствиями мира».

Лист писчей бумаги подходит к концу.

Мадлен незамедлительно сменяет его другим, чистым.

Диалог между левой и правой руками продолжается почти до обеда.

Время на часах: «11:11». На расстоянии более сорока километров от Завода административное здание города отбрасывает жидкую тень на пешеходные аллеи со специально выделенными дорожками для велосипедистов. Около недели назад Новотный разорвал контракт с компанией, занимавшейся вместо благоустройства города высасыванием бюджетных средств в собственный карман. Теперь сочные бутоны цветов на клумбах буквально готовы взорваться, извергая на прохожих пыльцу собственного великолепия. Раскрыть мошенническую схему было довольно трудно, однако, некоторые люди смогли донести до преступников правильные мысли, не отчитавшись об этом мэру. Ему обещали поддержку, но не обещали держать о ней в курсе. Где-то в коридорах, освещенных холодным светом ламп, находится кабинет мэра, который вновь исходит холодной испариной.

Головные боли не прекращаются, дыхание отдается гулками разрывами сознания в беснующихся висках.

Карл сидит подле него и тихим голосом зачитывает документы, принесенные на подпись. Лев отказался их читать: от мигрени буквально двоится в глазах, отчего он их закрыл вовсе. Руководитель административного аппарата все надеялся, что с опущенными веками его одолеет сонливость, и он провалится в сон. Карл не стал бы его будить, а шанс прекратить хоть на время муку так заманчив, так притягателен.

Спать Льву хотелось меньше всего.

Разве к этому он стремился? Разве этого хотел?

Он уже не способен вспомнить, стремился ли он когда-то к чему-то вообще или нет, как и не способен сформулировать простого посыла: чего он в конце концов хочет? Хочет ли он быть тем, кем его считают? Может ли он быть им? Или же в конце концов он просто тот, кто он есть. Но кто? Погрязший в себе и самокопаниях, критикующий нещадно и требующий изменений, но не способный их ни выдумать, ни утвердить, ни принять. Его грандиозная мечта оказалась забыта с тех самых времен, как он оказался частью города. Того самого города, который превращает движение в бездействие, жизнь в лень, радость на его улицах становится скукой, а все столь хорошо знакомое вмиг теряет всякую определенность. Вот и он, подобно болезни, с которой хотел бороться, как этого хочет и Фиш, оказался ею заражен.

«Это не стало бы предметом моих грез, если бы не могло

хоть на один люмен сделать мир ярче, чем он есть...»

Чего нельзя сказать о Феликсе.

Молодого человека глава отдела Оттис назначила временно исполняющим обязанности старшего специалиста. Его исключительно будоражила и волновала мысль о том, что к нему теперь иначе обращаются его коллеги, добавляя: «командир Хутава» или же так: «уважаемый господин Хутава». Ему доверили руководство рядом подчиненных, гадавших меж тем: не подцепил ли Гросс распространившуюся в последнее время инфекцию? В таком случае, они его не увидят больше месяца, это точно.

Феликс чувствовал себя великолепно, поглядывая после рабочего дня на совершенный по своим возможностям блестящий лакированный авто, выкуривая на балконе своей квартиры папиросу. Его воодушевленное настроение передалось и его дорогой супруге, что вовсю суежилась неподалеку, пересыпая рыхлую, будто жирную от своей черноты землю из полиэтиленового мешка в разные горшки. Семена из плодов *авокадо* дали ростки корешков и теперь были вполне готовы к тому, чтобы оказаться посаженными.

Молодой девушке казалось, что напарник Феликса слишком нелюдим и хотела сделать их отношения чуть более теплыми, дружескими, добавив новую тему к их разговорам, ведь о хобби Климента она была наслышана уже давно. Феликс же думал об этом как о необходимости: он не сможет подсидеть Гросса, если не станет ему по-настоящему близок.

День стремился к закату.

Лия, движимая непонятными ей силами и переживаниями, вновь сидела за столиком кафетерия. Название его дословно переводится как «Фиалки». Окруженная горшками с этими самыми цветами, обильно увлажняемыми из разбрызгивателей, сеявших легкий водяной туман на мостовую под окнами, Оттис поглядывала на чашку зеленого чая с мятой, из которой не сделала ни глотка.

Ника спотыкалась о собственные ноги от усталости. Приближалось лето. Среди официантов это время принято называть «периодом полных посадок». Ни одного свободного столика, заказы сыплются на кухню один за другим, повар материт все, на чем кафетерий стоит, администратор грозит увольнениями, бармен путает капучино и латте – совсем пьян.

Пепельница – цветок из окурков. Оттис попросила Нику даже не подходить к столику. Пожалела ее из-за количества работы или просто желает побыть одна?

Сигарета тушится. Женщина оставляет под полной кружкой зеленого чая с мятой, остывшего до уличной температуры, несколько банкнот, не забыв выделить чаевые, и выходит прочь из заведения.

Мостовая.

Аллея.

Хромированная ручка дверцы.

Ключ зажигания проворачивается с мягкостью разрывае-

мого руками свежего круассана.

Белое авто марки «ЭИ-7/6» заводится на противоположной стороне аллеи и, издав легкий визг холодной резины, движется по улицам города.

Поначалу Лия решила, что сегодня стоит лечь спать раньше, многим раньше, чем ей этого бы хотелось. Не получится заснуть – стоит объесться тем, что готовят с доставкой.

«Пицца на тонком тесте с молодым сыром?»

«Салат с говядиной, горячая плоть на подушке ледяных овощей?»

«Стейк с кровью, обжаренный с каждой стороны по две или две с половиной минуты, слегка сочащийся розовой кровью?»

«Паста с морепродуктами и соусом песто, мелкими каплями украшающий края тарелки?»

Красный свет. Пешеходы заполняют собой черные и белые клавиши перехода улицы, ведущей в район, где боятся слишком близко парковаться к чужим машинам. Богатые на товары торговые ряды, несколько универмагов с дорогой посудой, отреставрированный театр – как искусственное дыхание для утопленника, жилищный комплекс на десяток домов, из окон которых виден весь город. Жилищный комплекс, скрытый перспективой и холмистой местностью, невидный никем, наблюдающий за всеми. Жилищный комплекс, четвертый его дом, квартира 67. Квартира Лии.

Оттис может приготовить что-нибудь и сама. Климку очень

нравилось то, как она печет вишневые пироги, булочки со сливочным кремом и корицей.

Чаще, конечно, Гроссу нравилось видеть на обеденном столе саму Лию.

—К черту.

Желтый.

Зеленый.

Оттис резко перестраивает грузное по габаритам авто в крайнюю левую полосу, чуть не задев при этом ограждение и проезжавший перед ней небольшой грузовик с рекламой дешевых полуфабрикатов, размазанных яркими картинками, далеких от истины, по всему кузову.

Центральная улица. Один за другим следующие баннеры.

Завод кривогнутых изделий.

Сами кривогнутые изделия.

Приглашение работать на Заводе.

Образовательные программы Завода.

Страхование работников Завода.

Кофеварки, пылесосы, тостеры, ножи, зонты, часы, лампы, дверные петли производства Завода.

Затем – снова и по кругу.

Белое авто, каких Завод выпустил меньше дюжины, стрелой проносится по перекрестку в направлении кольца, где разворачивается так резко, что почти уходит в занос, и сменяет свой вектор движения на противоположный: мимо центра города.

Тара для пищевой промышленности, автомобили и запасные части к ним, инструменты, токарные станки, оправы для очков.

Сквозь парки, минуя автомастерские и гаражные кооперативы.

Уголки для полочек, основания для кроватей, стальные профили, смесители для ванн, фляжки, детские игрушки, подставки под горячее.

Финиш: спальный район.

Квартира на одном из последних этажей, напротив – ряды абсолютно одинаковых панельных домов и круглосуточный магазин, в который каждое утро около семи привозят свежий недопеченный хлеб.

Лия не могла знать, где Гросс.

Гросс абсолютно точно был уверен: у него хватит средств уговорить частную клинику нарушить режим работы.

Само собой, на ресепшене нет симпатичной дурочки, ровно, как и почти всех специалистов. Однако, группа лиц, обслуживавших работу аппарата, выдающего анализ мозговой активности исследуемого, присутствует в полном составе. Медработник, его помощник, пара лаборантов. За окнами клиники глубокая ночь. Время стремится перешагнуть границу одного календарного дня и начать следующий. Климент оставляет пиджак на вешалке и всю собираается с храбростью, которая необходима ему, как человеку перед сдачей крови, вида которой он не переносит. Несколько про-

стых тестов. Затем – сон. Заснуть и показать одну из самых удивительных электроэнцефалограмм опытному и квалифицированному врачу, написавшему в свое время в медицинском институте диссертацию на тему анализа фаз сна у людей с физическими и психологическими отклонениями от нормы.

Мадлен вновь возвращается домой пешком.

Новотный всюду исписывает блокнот заметками о *новом проекте*, преодолевая адскую мигрень.

Мари, удобно устроившись на домашней софе, ведет диалог с Директором Хроном. Как-никак, она помощник мэра и один из двух заместителей. Хрон не расстроен отсутствием Льва. Ему безразлично и то, кто на месте Фиш, однако, знаменитая улыбка не сходит с его лица. Знаменитая – хотя ни на одном из рекламных баннеров нет его лица.

«Люди между собой почти ничем не различны», – думает он и привычно держит на лице эталонное дружелюбие.

Самый ближайший к кровати горшок с *авокадо* падает на пол, и влажные комки земли рассыпаются по ковру: Феликс с женой занимаются любовью перед тем, как крепко уснуть в конце рабочего дня. Уснуть без тревог и переживаний.

Оттис не обнаруживает Климента дома и решает, что дождется его возвращения. Без разницы – когда и с кем он появится у входа в подъезд.

Бездна смотрит в теплую ночь последних часов весны.

Завод кривоогнутых изделий.

Огромное сооружение на одном из морских побережий, чьи воды спустя короткое время своего волнения соединяются с океаном.

Титаническое сооружение: количество корпусов Завода обрело власть над всеми буквами алфавита, несколькими цифрами и парой нечитаемых вслух знаков, чтобы разобрать их на собственные литеры. Почти каждый из них связан с несколькими другими сетью наружных переходов, трапов, лестниц, обнаруживая в общей задумке лабиринт неразличимых человеческим глазом паутин, связывающих индустриальное производство с понятиями философии, естественных и точных наук – и даже эзотерикой.

Каждое отдельное сооружение имеет высоту от пятидесяти до двухсот пятидесяти метров. Коридоры и залы простираются так далеко, что открытая дверь становится новой точкой отсчета горизонта. Лаборатории, требующие тысячи киловатт энергии для работы тонко настроенных устройств, называемых здесь «Образцы». Плавильные печи, штамповочные прессы, котельные установки, станки, совершенно засекреченные служебные помещения, каптерки для отдыха рабочих, кабинеты – для личного времяпрепровождения руководителей сего величественного места.

Завод жил, впуская в себя пищу материалов, топлива и людей, и изрыгая их из себя точно по графику: люди влачили

утомленные конечности по жилым отсекам, заготовки внушительного размера на конвейерах и лифтах, талях и кранах кочевали между огромными цехами ежечасно, чтобы обратиться в станины двигателей, стаканы цилиндров, поршни, впускные и выпускные клапана, блестящие ложки, игрушечные машинки, пряжки ремней, крючки бюстгалтеров. После – изменить свою энтропию.

Завод дышал парами горюче-смазочных материалов, выдыхая чадящими установками огромные клубы смрадных газов – точно несвежее дыхание с перепоя. Отравленные дожди. Яды, что делают черный пиджак далматинцем. Яды, что заставляют вечнозеленую хвою опадать наземь. Яды, что дурманят человека и сбивают его с пути правильного.

Завод улучшает собственные механизмы новыми элементами, что сам и воспроизводит. Такой аналог трансгуманизма в масштабах многих десятков квадратных километров, скрытых холмами и горами как древний замок, таящий в себе забытые всеми или неизвестные никому проклятья.

Завод процветал. Директор Хрон со своей нисходящей улыбкой наблюдает день за днем за тем, как небольшое предприятие, брошенное на растерзание миру и конкурентам, за чуть больше, чем дюжину лет стало частью тела мира, пожирающим само себя, сохраняющим свою уникальность тем, что никто боле не способен согласиться добровольно или принудительно принять подобную вселенскую кару. Завод этот – единственный в своем роде, но рассылает он на

весь мир, объятый с высоты его, кривоогнутые изделия, чтобы каждый желающий мог стать частью неминуемого прогресса.

Почти ничего из выше сказанного не интересовало школьника, учащегося восьмого класса по имени Андрей. Он находился в том самом возрасте, когда человеку становится особенно важно, как к нему относятся, отчего он просил всех обращаться к нему никак иначе кроме как *Андрё*.

Не может он вспомнить, сколько ему было тогда лет: семь или восемь? Но помнит он иное: в возрасте не таком уж далеко Андрей ощутил на себе некоторое... состояние.

Его родители, работающие на Заводе кривоогнутых изделий и занимающие должности одного из инженеров третьего цеха и бухгалтера (отец и мать, соответственно), в тот день были выходные и решили, что пора бы уже выбраться из дому и искупаться в море.

Был необычайно жаркий июльский день, близкий к тому, чтобы обозначить негласную середину календарного года, когда дорогой автомобиль, сверкающий полированным после автомойки кузовом, заехал на безлюдный и малоизвестный отдаленный пляж. Мелкая галька смешивалась у полоски берега с крупными булыжниками, на которых переводили свой дух отъевшиеся крабы, так и манящие своим блестящим хитином вечно голодных чаек. Невдалеке виднелся хвойный лес: бриз свободно гулял в обширных пространствах между стволов деревьев, стоящих как вонзенные в землю спички с головками пышной растительности.

Родители Андре достали зонты: белые лица, забывшие вид солнца могли моментально сгореть. Несколько складных кресел оказались расставлены на покато́м берегу. На лбах их выступил соленый, как морские воды перед ними, пот. Бу-тылки, с час назад вынутые из морозилки, мгновенно вспоте-ли на жаре и теперь приятно скользили в руках, легкие закуски уже раскисли от тепла и теперь скорее отталкива-ли, чем вызывали аппетит. Но вырваться из душных коридо-ров в летний зной – разве не счастье? Мужчина и женщина, утомленные рабочим графиком, были счастливы даже про-сто присесть у легко плещущегося моря.

За мальчиком Клара и Максим не следили в принципе: ребенок рос возмутительно послушным и вдумчивым, отче-го даже было несколько неловко, ведь они так долго откла-дывали идею о том, чтобы завести детей, полагая по расска-зам своих женатых и *обремененных* детьми коллег, что вос-питание им будет совершенно не под силу.

Выходит, они оказались серьезно обмануты. Сами собою обмануты.

Андре, не теряя ни минуты, как получил разрешение от родителей, сбросил с себя хлопковые футболку и бриджи и в плавках ринулся прямо в соленые брызги. Море слегка вол-новалось: плавающая на поверхности недалеко от берега ве-точка вяза то подавалась немного вперед, то отбрасывалась назад, слоняясь как юноша, переживающий, что возлюблен-ная его беспричинно опаздывает. С юга приближался цик-

лон, но сейчас он намекал о себе лишь заметными, но легкими дуновениями, отгонявшими застоявшийся знойный воздух.

Мальчишка во всю веселился: набирал полный рот воды и струйкой выпускал ее вверх, прыгал с выступающих над зеркалом соленой глади глыб в хорошо различимые омуты, где вряд ли можно было бы задеть хоть какой-то камень с его небольшим весом и ростом.

Максим и Клара и на этот счет не переживали: приемы у доктора, проводимые ими для мальчика раз в полгода, не выявляли никаких отклонений от норм, и потому они ждали часа, когда внутренняя установка, данная природой, сработает, и он станет плечистым и высоким сильным юношей. Они взяли из тени зонта по бутылке прохладной газировки, выскальзывающей из рук, с хлопком свинтили им крышки и стали наслаждаться влагой, текущей из стеклянных горлышек. Пузырьки щекотали нёбо. Сбросив с себя одежду и оставшись в купальных костюмах, они даже не верили, что выходной возможен, и он – не просто красная цифра в матрице календаря.

В тот день все могло кончиться иначе: под вечер семейство сложило бы зонт и кресла, погрузили бы все пожитки в багажник и отправились домой счастливые, отдохнувшие, обновленные бризом и горячими прикосновениями солнца, иссушающими соль на коже. Однако, все решилось иначе.

–Мама, папа!

– Да, любимый?

– Я прогуляюсь по пляжу к лесу? Хочу посмотреть на море сверху.

Будь он невнимательным или взбалмошным, были б в этих лесах животные, опаснее сурков и ежей, были б у них хоть малейшие подозрения, что с таким золотым ребенком может что-то произойти, они бы ни за что его не отпустили от себя ни на шаг.

Но опасностей здесь никаких не было: к небольшой поляне, которую было видно даже с их кресел, вела тонкая, но четкая тропинка, путь по которой составил бы не больше пяти минут детским неспешным шагом, и они ему разрешили.

Андре (на тот момент все еще – Андрей) двинулся по раскаленным камням в сторону от воды. Пологий склон из песчаника, обсыпаящийся под ногами, переходил в узкую тропинку с реденькой зеленой травой по краю. Мальчик надел бриджи и футболку, но от сандалий отказался: пошел босиком. Спустя какое-то время родительский зонтик скрылся за поворотом, и он шагнул в начинающийся сосновый лес. Под ногами шуршали и кололись сброшенные иглы, уложенные настолько толстым слоем, что другие растения просто не могли пробить себе дорогу к жизни через подобный железному куполу заслон. Шум моря становился все тише, пока вовсе не смолк. Где-то защebetали птицы. Мальчик слышал, как спугнул их своим появлением, и те шумно хлопали крыльями, удаляясь от незваного гостя. В какой-то момент

в стороне от тропинки показалась свободная площадка. Ни листьев, ни игл. Ни следов человека, ни – зверя. Черная, будто приправленная смолой земля. Гладкая и сверкающая жиром – как телефонная трубка. Лишь в самом центре ее расположилось старое кострище, обложенное булыжниками и битыми кирпичами. Нести их сюда специально – слишком глупо. Ближайший дом – многими километрами дальше. Мушка пролетает в воздухе прямо над странным кострищем – и прекращает свой полет, замирает на месте, замирает – словно в прозрачном дегте.

Мальчишка замешкался на секунду. Зачем ему туда идти? Отсюда и так все прекрасно видно. Крупные холодные головешки углей, посыпанные сахарной пудрой пепла. Но все же что-то его туда манило: неясное влечение, совершенно непонятное и неосязаемое.

Андрей свернул с тропинки и, отодвинув пару размашистых веток кустарника, оказался буквально окружен громадой сосновых стволов в совершенной пустоте, необъятной толще воздуха, простирающейся до вершин деревьев и выше, погруженной в молчание и беспмятство места забытого и стертого с карт.

Солнечный зайчик пробежал по его глазам. Что это? Стекло? Разбитая бутылка? Оставленный кем-то стакан?

Ребенок разворошил аккуратно угли и достал из них небольшой металлический шар. Он был куда крупнее самой крупной дроби, однако, заметно меньше даже обычного ре-

зинового *попрыгунчика*.

Не особо задумываясь над этим, он сунул его в карман и прислушался: птицы замолкли совсем. Ни щебетанья, ни цокота цикад, ни шелеста веток. Полная глушь. И моря не слышно совсем. На весь лес оказался натянут целлофановый пакет, из которого *что-то стремительно вдыхало весь воздух, оставляя лишь безвкусный противоречащий самой жизни вакуум*. Дыхание оказалось спертым – словно мальчика заставляют дышать через пластилиновую маску, плотно приложенную к его лицу.

На Андрея накатил страх, но он еще этого не понимал. Чего ему здесь бояться? Никаких опасностей...

Слух его вместе с плотным воздухом прорезали сразу два протяжных звука, заполнив собою все пространство. Первым звуком была – сирена, зазвучавшая с размахом церковного колокола и турбины вкупе. Вторым – вой. Андрей никогда не слышал, как воют волки, но догадался, что собакам такое не под силу: одомашненная гортань уже не способна издавать поистине дурманивший ужасом клич.

Не отдавая себе отчета, мальчик выбросил шарик из кармана обратно в очаг и, вновь увидев блик среди углей, бросился прочь из бивака.

Куда будет ближе: до родителей или до опушки? С опушки можно будет спуститься к морю и бежать уже по пляжу. Вой доносился отовсюду и ниоткуда. А что, если волки шли за ним?

Времени принимать решение не было совсем, и ноги сами понесли Андрея из леса в направлении холма, выступающего над морем. Он бежал, не чувствуя ничего, кроме оцепенения, готового взять верх над телом каждую секунду, отчего шаг за шагом казалось все нереальнее продолжать бегство.

Его лицо озарило сияние солнца. Андрей выбежал из пучины хвойных столбов и оказался на большом открытом пространстве, откуда... не было видно зонта его родителей. Ни их самих, ни их машины.

—ПАПА!

Разве так должна закончиться история Андре? Сейчас из леса выбежит стая волков и разорвет его в такие мелкие клочки, что никто не сможет составить даже примерного портрета такого маленького еще человечка по обглоданным костям?

Но, неожиданно, Андрею перестало быть страшно. Что-то внутри него говорило о том, что все будет совершенно хорошо.

Измощенный бегом и испугом, он упал на колени, почувствовав под собой траву, от земли исходило тепло, копившееся среди корней с самого раннего утра. Солнце в течение часа зайдет за мыс. Разве был так близок вечер, когда он и его родители приехали на пляж? Отдышавшись, он стал озираться: никакой опасности действительно нет. Мальчишка спустился к морю.

Волны успокаивающе лизали гладенькие камни, сверху

доносилось мяуканье чаек. Еще немного – и закат.

Вернувшись туда, где еще полчаса назад были его, Андрей, родители, он не обнаружил никого, ему не показалось. Как так, они уехали без него?

Вопросы без ответов, смятение и *понимание чего-то нового* роились в голове с беспокойством, которое мог бы вызвать радиоприемник, сам переключающий станции вещания.

Думать было не о чем. Надо было действовать.

Андрей босиком двинулся прочь с пляжа, минуя довольно долгий подъем по бездорожью, пока не оказался в частном секторе.

Мальчик продолжил свой путь вдоль обочины: за несколько поездок сюда он вряд ли бы хорошо запомнил дорогу, но какое-то внутреннее убеждение, уверенность, лишенная какой-либо почвы, вели его за собой.

Впереди показалась автобусная остановка.

Проезжая часть была пуста. Мелкий мусор в канавах лежал недвижимый. Ни криков детей. Ни ругани взрослых. Изредка доносился гул далекого трансформатора. Теплый летний воздух пропитался запахом ягод и фруктов, трескающихся по шкуркам своим от обилия соков и опадающим на землю. Андрей присел на каменную пыльную скамью, венчавшую собой предел высоты архитектурного вкуса пригорода, и задумался о том, что произошло с ним за последние несколько часов. Страх уже давно покинул его, но тонны странностей повисли позади него, и он двигал за собою этот

состав.

Из раздумий его вырвал гудок автобуса, подъехавшего к остановке.

— Мальчик, все хорошо?

Водитель автобуса пригородного сообщения в почти насквозь мокрой от пота рубашке распахнул створки дверей.

— Я не знаю. Куда вы едете?

— До городского автовокзала.

Квартира родителей Андре располагалась в небольшом отдалении от центра города, на одной из улиц которого стояло здание, увенчанное красными буквами, светящимися по ночам ярким светом: «Автовокзал».

— Можно я поеду с вами, но у меня...

Водитель зацепился взглядом за босые грязные ноги мальчика. Несколько человек, пассажиров автобуса, направили любопытные физиономии в окна. Кто-то зашептался.

— Тебя зовут Андрей, малыш?

С обратной стороны остановки, куда не дошел мальчик, висело распечатанное на бумаге объявление о пропавшем без вести Андрее Петерссоне, которому семь лет, последний раз видели его три дня назад на пляже, одет в бриджи и футболку светлых тонов, за любую информацию вознаграждение.

Естественно, Андре не отправился пешим ходом домой. На автовокзале сразу же позвонили его родителям, вызвали сотрудников медпункта и дежурный наряд органов правопо-

рядка.

Врачи недоумевали: за три дня, что он пробыл черт знает где пропавшим без вести, ребенок не был истощен, переутомлен или обезвожен жарким летним солнцем.

Родители долго плакали, обнимая его.

Само собой, случилась попытка поднять шум да гам, лишить их родительских прав, но семья не числилась среди неблагополучных, была на хорошем счету на рабочем месте... Остальное разрешилось не без помощи друзей Максима и Клары и друзей любого человека – денег. В общем, дело замяли, и все вернулось к прежнему распорядку. Почти.

Никто так и не смог получить от мальчика признание, куда он запропастился, что делал эти несколько дней: Андрей утверждал все время одно и то же.

Кострище.

Сирена.

Волки.

В итоге, данный рассказ списали на шоковое состояние малыша и готовы были забыть в самый короткий период времени, торжествуя от того, что все обошлось.

Однако, некоторые изменения ощущались слишком явно и их списать на дурной фон, плохую декорацию прекрасной постановки не получалось никак.

Андрей, и без того внимательный и вдумчивый, стал еще чаще и еще глубже погружаться в свои мысли, порою выпадая на целые часы из жизни. Повторные медицинские осви-

детельствования не выявили ничего такого: здоров – и физически, и психически.

Мальчик неожиданно заинтересовался чтением. Максим целый вечер ломал голову, чем же порадовать сына: фантастические романы о космосе, приключенческие повести о пиратах, поучительные рассказы, стихотворения поэтов прошлого столетия – из тех, что попроще? В таком возрасте у человека происходит заложение фундамента всех уже взрослых мнений, интересов и вкусов, а взгляды бросаются зачастую на вещи самые противоположные, отчего выбор был так сложен.

Что бы ни приносил Максим, сын его отвергал спустя страниц десять прочитанными. Отвергал – совсем по-взрослому.

–Бред.

–Глупость.

–Бессмыслица.

–Я что, по-твоему, совсем малыш?

Последнее было сказано им на издание толстой энциклопедии про экзотических животных и насекомых.

–Слишком просто.

–Возмутительно поверхностно.

–Удручающе тривиально.

Некоторые успехи в развлечении сына имела Клара: тот полюбил бывать на свежем воздухе, где стоит предельно достижимая тишина. Парки, леса, пляжи – там, где безлюдно.

За такие променады он одаривал мать полным любви взглядом спустя пару часов наблюдений за кувшинкой в пруду или каким-нибудь камнем, лежащим среди сотен одинаково схожих.

Спустя несколько недель началась учеба. Родители позаботились о том, чтобы каждое утро они имели возможность лично отвезти свое чадо прямо к школьным дверям. Из школы же домой его отводила старушка Гипси, крепкая пожилая женщина с очень яркой улыбкой, которая приходила за своей внучкой Шери. Обе жили в соседнем доме от того, где жила семья Петерссонов. К слову, довольно богатый район, совсем недавно застроили, и квадратный метр площади стоил ощутимо больше в сравнении со старыми *панельками* и даже соревновался в дороговизне с частным сектором.

В один из дней трио, состоящее из старушки Гипси, семилетнего Андрея и восьмилетней Шери (день рождения у нее был парой месяцев раньше, чем у ее навязанного друга), решили сделать небольшой крюк в книжный магазин, прежде чем отправиться домой: у девочки были серьезные проблемы с математикой, потому классный руководитель назначила ее бабушке купить специальное пособие как раз для детей, ... отстающих в вопросах математики.

Старушка Гипси, невероятной доброты женщина, улыбнулась ей своей очаровательной улыбкой, согласившись с каждым словом, ведь ее обожаемая *вишенка* действительно была не так способна, как многие ее сверстники, совсем не умела концентрировать внимание и в целом была довольно мечтательна. Согласилась с каждым словом, а про себя добавила: «*Ах ты, мерзкая гнилая падаль, еще раз скажешь, что*

моя Шери отсталая, я тебе твой карандашик любимый в одно ухо вставляю и из другого вытаскиваю, дешевка».

Итак, все трое зашли в книжный магазин, расположенный в подвальном помещении недалеко от кофейни, на веранде которой было полно горшков с фиалками.

–Пока я выбираю методичку для Шери, можете тоже пойти посмотреть себе какие-нибудь книжки. Вдруг вам что-то понравится, – пожилая женщина потрепала по волосам детишек своей доброй рукой, на которой сквозь кожу просвечивались фиолетовые вены, и отвернулась, заведя разговор с продавщицей.

Шери мгновенно ринулась изучать книжки, содержание которых было в разы хуже их красивых глянцевых обложек.

Андрей тем временем, сам того не замечая, выглядел обиженным: нахмурил брови, надул губы. Нетерпение бушевало в нем, желание как можно скорее уйти из чертового книжного магазина вылилось в то, что он, насупившись, пинал неровно лежащую на полу плитку.

«Книги. Подумаешь, книги. Все чушь да глупость. Ничего стоящего. Ничего интересного...»

Оставшись в проходе, он стал осматривать полки в полной уверенности, что не сможет задержать свое внимание хотя бы на одной из них дольше, чем на несколько секунд.

«Энциклопедия чудес света».

«Атлас дорожных карт западного побережья».

«Какие-то рыцари с принцессами».

«Почти те же самые рыцари – но уже сражаются против оборотней».

«Позор, разве это стоит труда быть прочитанным?».

И тут...

... внутри Андрея что-то колыхнулось, затрепетало, подвальный сквозняк прошел его насквозь и обдал холодком маленькое сердечко, выступила испарина.

На книге, полностью затмившей взор мальчика, значился символ, полностью его загипнотизировавший: золотые вензеля, колесо в обрамлении больших колес, неправильной формы звезды, искривленные противоестественно согласно прихоти законов математических функций и никому неизвестного в наши дни знания. Обложка была красного цвета, будто слегка покрытого тенью, которая явно не могла на нее падать: весь магазин был ярко и хорошо освещен. Этот рисунок... Самовоспроизводимый, самопорожденный, созданный из ничего и сохранивший в себе это ничто, преисполнившись такого количества смыслов, что ни один из них не мог быть упущен из виду. Всеобъемлющая вечность в кривых линиях.

Андрей Петерссон потянулся к ней и с первого раза даже не смог коснуться: слишком высоко. Слегка подпрыгнув и брякнув всеми учебниками и ручками в большом портфеле с нарисованными на нем жабами, закрывшими от удовольствия глаза, мальчик смог подцепить корешок, и увесистый том полетел прямо на него.

Мальчик поймал книгу и обернулся: каждый посетитель магазина был занят своим делом, старушка Гипси увлеченно о чем-то беседовала с продавцом-консультантом.

*«Куам-Нум»*²⁵.

«А что, если это опять окажутся какие-то сказки для детей или чего еще хуже – сказки для взрослых?»

«Нет, это хорошая книга, очень хорошая, Андрей».

Мысль эта в голове его возникла сама собою, и он доверился ей.

– Ты точно хочешь эту книгу, Андрей?

Старушка Гипси, до замужества – Антуанетта Левит, не переживала за стоимость книги: родители мальчика честные и порядочные люди, которые всегда оставляли ей определенную сумму на расходы, если вдруг их сын что-то захочет. Однако, она была обескуражена выбором второклашки настолько, что даже скрыть своих эмоций не смогла.

– Да, точно-точно! – Голос его звучал так радостно и предвещал такую благодарность в глазах его, какую никогда раньше старушка не видела, потому отказать была просто не в силах.

Шери с небывалой радостью рассматривала найденную раскраску, полную волшебниц и их верных фантастических

²⁵ В переводе с одного из забытых языков континента: «Никогда и Всегда». Другие исследователи-лингвисты склоняются к мнению, что данное выражение произошло от имени древнего правителя, которому приписывается ряд афоризмов, закрепленных на глиняных табличках, на данный момент хранящихся в краеведческом музее Долины.

питомцев: единороги, драконы с улыбкой воспитателя в детском саду, смазливые пони, на которых, кажется, тестировали в свое время косметические штучки наподобие тонального крема и помады. В общем, довольно слащавая гадость.

Покупка увесистого красного тома для Андрея и стала, пожалуй, вторым за полгода переломным моментом его жизни, только стремящейся к тому, чтобы осознать саму себя. В этот книжный магазин Андре вернется и еще не раз.

Старушка Гипси проводила мальчика до квартиры, где и оставила его ждать вечера и возвращения родителей, а сама отправилась восвояси – доказывать всему миру, что ее любимая внучка просто неряшлива да невнимательна, как, впрочем, все дети, но что уж точно – математика ей более чем по силам.

Сделав на скорую руку уроки и пообедав тем, что ожидало его, накрытое пищевой пленкой в холодильнике, Андрей принялся за изучение своей находки.

Автор, как таковой, не был указан, несмотря на огромное количество самых различных литературных источников. Мальчик слегка боялся, что том его разочарует своим содержанием: например, начнется повествование о возможности превратить собачьи сопли – в золото, изготовлении кукол для наведения порчи или о фундаментальных понятиях точных наук, что было для него еще более отталкивающим, но ничего подобного не встретил.

«...внутренних механизмов человека, объясняемых биоло-

гией, но имеющих за собой куда более глубокие измышления, до которых ученому нет дела, а человеку необразованному – просто непонятных. Механизм должен действовать. Действия обозначают некоторый алгоритм из процессов. Можно ли эти процессы взять под свой личный контроль? Процессы систематизируются и объединяются по группам. Подобная структурированная система позволит путем наблюдений и экспериментов выявить, какие действия или бездействие губительно сказывается на тех или иных сферах человека, какие – положительно.

Путем выведения правил становится возможно оспаривать тоталитарную власть чего-то, что существует с человеком в тесной и нерушимой связи.

Менять внутренние процессы по своему усмотрению и необходимости – значит полностью управлять своим телом, оставив биохимию в конце длинной очереди тех, чье мнение спросят, когда нужно будет использовать свой потенциал максимально».

«...уйти в себя так глубоко, что даже раскаты громового фронта не смогут отвлечь медитирующего от концентрации на внутреннем Я».

Однако, вся вышеуказанная фабула, встречающая читателя, была подробно расписана далее на более чем тысяче листов, посему, «...если объект соответствует общим правилам, то стоит начать с подготовки, разделенной в четыре простых этапа».

От перевозбуждения у Андрея заметно пересохло в горле. Он отправился на кухню, чтобы утолить жажду. Разлив воду из графина мимо стакана, он впервые в жизни разозлился, по-настоящему разозлился.

«Если бы я мог идеально контролировать свои руки, то смог бы наливать воду даже подвешенным на дереве за ноги».

Забрав с собой стакан, полный воды, оживляющей и успокаивающей, он вернулся к чтению.

Тайное знание оказалось, к удивлению Андрея, не таким уж и тайным: вот оно, продается в книжном магазине, где не просят лицензии заслуженного оккультиста для приобретения такой литературы, однако, полсвета еще не стали просвещенными.

Мальчик не совсем еще все понимал, но чувствовал, что краткие по описанию четыре пункта займут уйму времени и сил.

- «1. Не делать то, что любишь делать.*
- 2. Делать то, что не любишь делать.*
- 3. Добровольно согласиться на страдание.*
- 4. Очиститься и осознанно совершать действия».*

Андрей встретил родителей взбудораженным и безумно веселым. Он шутил, смеялся и вился вокруг них, пока Клара и Макс волокли по коридору уставшие за день ноги и лишь грезили о приближающихся выходных. Они с опаской изучили книгу (мальчик сам принес ее и похвастался приобре-

тением), но при беглом прочтении они не обнаружили в ней ничего, что могло бы плохо повлиять на ребенка. Да и написана она была таким сложным языком, что оба полагали: малыш еще совсем ничего не может разобрать и осознать, потому просто дивится ее необычности, внушительной толщине и редким, но впечатляюще красочным картинкам.

Ага, как же.

Странности начались со следующего дня.

Пункт первый пришел в исполнение со всей фанатичностью и решительностью, какая может быть у ребенка.

Шоколадное мороженое, его любимое из всех возможных, предложенное старушкой Гипси, оказалось отвергнуто с несвойственным второкласснику напором, но, чтобы не обидеть ее, он предложил отдать свой рожок Шери. Та, проявив чувство, похожее на смесь удивления и злорадства, мгновенно вырвала сладость из рук Андрея и спрятала в наружный карман портфельчика с феями и бабочками.

Дома пред Петерссоном младшим встал вопрос: если ему нравится читать эту самую книгу, согласно которой он решил жить, что ж теперь ему ее не читать? Не брать в руки, не изучать обложку? Раз ему это действительно нравится, то так. Час за часом пред глазами его всплывал тот самый замысловатый и невоспроизводимый рисунок, повторяющий сам себя, продуцирующий собственное существование, рождающий сам в себя и сам в себя заключенный.

День выдался для него скучным и трудным, но куда хуже

был вечер.

Андрей все раздумывал, поймет ли он, когда настанет время для пробы *второго пункта*. Дверь квартиры распахнулась, сопровождаемая усталыми голосами Клары и Максима.

Самое важное и ожидаемое время: встреча родителей с работы, которых он видел с каждым днем все меньше и меньше, Завод забирал все силы и устремления из их тел и сознаний, загружая утомительно однотипной работой. Да и возраст начинал брать свое. Именно в этот час, час возвращения, родители больше всего ждали объятий сына, выбегающего из своей комнатки. Этого ждал всею душой и мальчик, однако, возникла дилемма.

Если он любит встречать родителей, что ж, ему и родителей не обнять теперь?

Почти заплакав, он принял для себя решение остаться на софе.

Случился диалог: кто обидел, что случилось, почему ты такой расстроенный?

Затем случилась перепалка.

—Я же говорила тебе, что ему еще рано в такое лезть!

—А еще ты говорила, что ничего дурного он оттуда не вычитает. Успокойся, мы оба хороши...

Андрея успокоили, а книгу «Куам-Нум» бросили среди бесчисленного множества коробок с обувью в гардеробном шкафу и строго-настрого запретили малышу ее искать.

Очень скоро все окончательно вернулось на свои места.

Родители забыли про случившуюся пропажу своего чада на трое суток, забыли про то, какие мерзкие звуки издал «ПИАН» возле кострища, когда Максим, случайно вынеся устройство в кармане рабочей куртки, в которой блуждал с другими поисковиками по лесу и побережью в попытках отыскать мальчика, прошел мимо злополучного места, забылось и про том в красной обложке на добрую тысячу страниц мелким шрифтом.

Все забылось.

Почти на одиннадцать лет.

-17- КУАМ-НУМ -17-

Андре Петерссону скоро исполнится восемнадцать лет.

Совсем скоро он окончит школу и, если не завалит экзамены, то поступит на бюджетные места в какой-нибудь институт или университет. На какую специальность? Да плевать, почти ничего его не интересовало. Податься в гуманитарные науки? Глупо. Это было ему совершенно незначем, как если бы известному писателю или редактору газеты вдруг бы подарили букварь – ну, так, вдруг там появились новые буквы, о которых он не в курсе.

Роста он прибавил значительно, как и ширины плеч, слегка выющиеся каштановые волосы убраны со лба, прямой и подернутый скукой взгляд чистых глаз.

Он не сомневался в том, что сдаст любые тесты и проверки на «отлично», равно как и в школе: с определенного периода жизни Андре везло. Везло так и везло там, где даже не обделенный талантами человек под руку с самой Судьбой споткнулся бы о неровно положенную плитку на набережной.

Как везло? Да самым разным образом.

Автобус подъезжает ровно в ту минуту, когда он страшно необходим.

На полке оказывается последняя бутылка любимой газировки.

Соседка по парте сама предлагает списать у нее контроль-

ную по математике. Шери действительно в ней преуспела. Старушка Гипси однозначно продолжит этим хвастаться даже спустя еще один десяток лет. Она доказала этой гадкой карге за учительским столом, что она глубоко заблуждалась насчет ее *вишенки*.

Когда все его друзья после юношеской попойки оказываются пойманы захмелевшими своими родителями, Клара и Максим неожиданно попадают в ДТП на парковке супермаркета и ведут разборки за царапины на бампере до самого утра, давая возможность спрятать перегар в комнате проветриванием, а во рту – зубной пастой.

Сорвавшаяся с цепи собака на даче у школьного товарища попадает под проезжающий мусоровоз, оставив старшеклассника без верного друга, а Андре – без рваных ран на лодыжках.

Кошельков на земле он, конечно, не находил, но любые мелкие пакости и выходки оказывались незамеченными и сходили с рук. Фортуна оберегала его от всех возможных невзгод, чтобы он мог заниматься всякими глупостями, ухаживанием за девушками и устраиванием заварушек со знакомцами. Как можно догадаться, ни одной драки в его жизни не было: видимо, госпоже Покуте нравилась его улыбка, отчего спасала его от потенциальной возможности лишиться зубов.

Наступает лето.

На все экзамены Андре приходит с перепоя. Задания по

совершенной случайности оказываются ему знакомы, и он справляется с ними играючи. К точным наукам он готовился серьезнее, даже заготовил шпоры, которые забыл под бутылкой игристого вина у подруги, высокой блондинки с тонкими губами и широким разрезом глаз, довольно симпатичной, к слову. Забыл, да не все: в носках шелестела всего пара небольших листочков, ... на которых оказался именно тот десяток формул, который был так необходим.

Выпускной.

—Мам, где мои лаковые туфли?

—В гардеробе, дорогой. Посмотри внимательнее.

Андре нервно ссыпал все коробки с обувью из гардероба, совершенно отчаявшись их найти без посторонней помощи.

«Вот они!»

Одна из коробок раскрылась, и из нее ударил по глазам крохотный солнечный зайчик.

«А это еще что?»

Юноша взял в руки картонный короб с туфлями сорокового размера, а под ними обнаружил увесистую книгу с красной обложкой.

-18- ЧТО МЫ ЛЮБИМ? -18-

Сейчас все имело совершенно иное значение, нежели во втором классе, когда мальчик Андрей впервые взял в руки тяжеленный томик.

Наступила середина лета. Теперь поступление или не поступление – лишь вопрос ожидания. Вовсю процветали ночные прогулки, купания в море, пока бутылки сидра охлаждаются в тени, закопанные у самого берега, и, конечно любовь.

Однако, выдаются и дождливые дни.

Небо обуял марш молний, сплошная вереница туч, непрекращающиеся ливни, сопровождаемые грозовыми раскатами. Синоптики предупреждали, что ухудшение погодных условий продлится еще минимум три-четыре дня. Андре зашелся дома и порядком заскучал, когда вдруг вспомнил о найденной, забытой и вновь обретенной книге.

«Не делать то, что любишь?»

Пожалуй, я действительно все неверно понял. Скорее смысл здесь иной. Сможет ли человек действительно определить то, что он любит? И, если выстроится список, способный вынести хоть какую-то критику, сможет ли он объяснить, в чем причина этой любви?

Иначе говоря, почему мы делаем то, что делаем? В чем причина, если нам известно лишь следствие? Дедукция, никак иначе. Все оказалось довольно прозаично. Книга все-таки детская...»

Но тут Андре задумался. Ведь, действительно, это так: ес-

ли человек совершает какие-либо действия, значит, есть что-то, что влечет его эти самые действия совершать. Что это может быть? Внутренняя установка? Мы ведь едим не потому, что любим это делать, в большинстве случаев, а потому, что у нас в этом есть потребность. Может быть, разговор идет о... зависимостях? О вещах, которые владеют нами больше, чем мы ими?

Андре безумно любил сдобные булочки с вишней. Что, если это связано с... чувствами к *Шери*? Некая игра образов, игра слов, наподобие той, что происходит при театральном представлении? Ведь на сцене – никто не является героем, даже предметы не являют собой себя. Они – всего лишь символы, которые используются в общем нематематическом выражении, в результате рождающих эмоцию или мысль, посыл, который нельзя раскрыть, просто озвучив его в лоб или же еще сложнее – нельзя озвучить вовсе, лишь изобразить действие, его модель. Много, удивительно много работы ради одного единого мига озарения, которое можно почувствовать, понять, осознать, но не пересказать, не зафиксировать никак иначе.

«Любим ли мы то, что любим? Или вся наша любовь – лишь обозначение власти над нами процессов, которые мы не в силах контролировать?»

За окном в абсолютно черном небе сверкали молнии.

«Делать то, что не любишь делать?»

Андре презирал мед. По совершенно неясным причинам

его запах, его вид отторгал от себя, запускал в сознании цикл мыслей о всяких мерзких вещах, повторяющийся раз за разом, пока продукт не уйдет с глаз долой.

Юноша буркнул что-то себе под нос и неслышно отправился на кухню квартиры дремлющей беззвучно многоэтажки.

На одной из полок кухонного гарнитура стояла литровая стеклянная банка, полная золотой прозрачной жижи. Сосуд оказался на обеденном столе, рядом с ним – чайная ложка.

Несколько раз Андре набирал ложкой мед, затем смотрел, как тот тягуче, словно сливаясь сам по себе разными слоями, вновь оказывался в банке. Ком в горле, спазм в гортани и желудке. Еще немного и Андре...

«А черт бы его побрал».

Андре засунул полную ложку меда в рот и зажмурился, прикидывая о том, куда его можно было бы сплюнуть, если тот окажется настолько ужасным и отвратительным, как тот себе представлял, однако, это ему не пригодилось.

«Как же это вкусно!»

Совершенно немыслимая задача: описать все физические параметры пчелиной рвоты, которую люди подают к чаю, поливают ею оладьи и используют еще черт знает в каких блюдах; совершенно ни с чем не сравнимый вкус – как судить о событиях в спортивном матче, будучи полным профаном в этом или вообще – псом, которому никогда не понять, почему одни люди сидят, кричат и жуют всякие вкусности, а

другие – носятся по зеленой траве, лоя на себе сотни и тысячи взглядов.

К утру банка меда опустела на треть, поедаемая ложка за ложкой Андре за чтением *тайной книги*, которая все больше походила не на четкую инструкцию по сборке самого себя в человека, но на готовую картинку, изображенную на коробке пазлов, разрезанную на множество схожих, но на деле совершенно отличных друг от друга деталей.

«Да, пожалуй, так. Точно следовать указаниям – все равно, что не понимать шуток и воспринимать каждое сказанное слово всерьез. Все написанное – лишь набор мыслей, но не оконченных. Мыслей, что должны привести за собой совершенно новые и по сути – уникальные. Уникальные и неповторимые – как человеческие жизни, листья деревьев, снежинки... Да практически все. Однако, при этом люди стремятся прожить жизни согласно четко выверенным планам по достижению конкретных целей, к которым стремится подавляющее число людей. Один человек достиг успеха, затем стал продавать информацию о том, как другим сделать то же самое. Изначально бредовая цель становится модной, и вот первоисточник уже затерян, и масса, воспитанная этой идеей, желая обойти все риски и опасности, максимально благотворно достигнуть иллюзии, за которой якобы скрывается удовлетворение какой-либо потребности или желания, тоже кем-то созданным, выстраивается в очередь из болванок. Все в этом мире стремится

ся к тому, чтобы быть единственным в своем числе. Все – кроме людей. Лишь они стремятся все систематизировать, подвести всех под единое равенство, а затем единообразно возвращать их, рождать и хоронить путем наиболее близким к успеху или успешным. Человек убивает в себе все Вселенское, пытаясь соответствовать стандартам и обнаруживать легкий план действий, согласно которому можно с момента сознательного возраста вплоть до смерти не задумываться ни о чем, не принимать ни одного решения самому, не смотреть в лицо колоссу-Космосу, а спрятать глаза, потупить их в пол, на котором трясутся предающие их, трясущиеся от трусости ноги. Человек отвергает сознательность. Тогда она, как высшая из ступеней прогресса, отвергает самого человека. Никто не хочет принимать ответственность на себя. Здесь кроется не риск голодной смерти или нарушения закона и тюремного заключения. Риск куда более глубокий – бездарно растратить и без того короткий человеческий век. Без страха, без боли, ссылаясь лишь на других. Якобы человечество перестало наступать на одни и те же грабли – и слава Богу. Но почему никто не хочет наступить на место свободное от граблей? Там может быть и глубокая яма, и неизвестная никому дорога, что выведет из темной чащи. Из ямы можно выбраться и пробовать дальше, снова и снова, шагать по всем направлениям, на все пресловутые градусы круга. А вот стоя на месте или того хуже – пытаясь найти или сле-

довать по тропе, превратившей зеленую траву в пыльную речку, можно обнаружить лишь одно – потерянные годы. Вполне безопасные и пригодные, как, например, жизни кроликов, прячущихся по норам... Но именно от того, они до сих пор в норах, а не в домах с электрическим освещением, на подземных парковках которых стоят автомобили, чьи двигатели из материалов с измененной энтропией стали мощнее некоторых аварийных электростанций, питающих микрорайоны. Человек однажды рискнул и решил, что жить по инструкции и выполнять четкие и ясные пункты, ведущие к явному успеху – полное фуфло и дрянь. Действительно ли я люблю то, что я люблю? Действительно ли я ненавижу то, что мне ненавистно? Пункт третий. Я обреку себя на самые удивительные и неповторимые страдания по мнению людей, которым скоро потребуется руководство по применению туалетной бумаги».

Впереди была еще неделя для подачи документов абитуриентами на поступление в высшие учебные заведения.

Кафетерий «Violettes» является привычным местом встреч множества парочек, влюбленно смотрящих друг на друга часами, держась за дрожащие и потеющие от переживаний руки.

Широкий выбор кофейных и чайных напитков, увенчанный тремя стеллажами самых изысканных десертов, а кроме того – и серьезные блюда для тех, кто оказался здесь за ужином или обедом.

Интерьер представлял собою четко выдержанный стиль Бидермейер, отличающийся от иных целостностью задумки, пропорциональностью и простотой, стремлением к передаче естественных цветов, очень близко к буржуазной роскоши, но во многом измененной для понимания и любви среднего класса, совершенно к такому не привыкшему. Так и складывалось ощущение принадлежности к чему-то помпезному, величавому и важному, но в необходимой мере для людей, которым не может быть знаком настоящий шик на грани с безумством, рождающимся в полном отказе от мыслей и переживаний об экономии денежных средств.

Обои в теплых тонах, множество вставок из дерева, паркет, вся мебель стоит на гнутых витиеватых ножках с орнаментом.

Здесь Андре и назначил встречу Шери. Дождь лил, не прекращаясь уже несколько суток, и девушка вполне серьезно задумалась о том, хочет ли она в такую погоду выбираться

не то что из квартиры – вообще из кровати. Однако, юноша ее все-таки уговорил.

Как полагается существам нежным и не превозносящим порядок превыше всего, Шери опоздала почти на полчаса.

Зонт Шери остается в окружении своих собратьев у входной двери.

–Привет, *Болванка*.

–Привет, *потеряшка*.

Друзья крепко друг друга обняли и заняли один из столиков у входа. Шери ненавидела запах табака, потому стремилась быть как можно дальше от основной массы курильщиков, занимающих столики в конце веранды и ближе к середине.

–У меня тут такая мысль созрела!

–Именно с этой фразы начнутся неприятности или со следующей?

Она была одета просто восхитительно: белые босоножки на танкетке, легкое платье пастельного оттенка, собранные в косу волосы.

–Нет, не в этот раз, я так думаю.

–Тебе не надо думать, это не приводит ни к чему хорошему. *Добрый день*, – последние слова были адресованы подошедшей официантке, всего на пару лет старше самой Шери.

–Доброго дня. Что будете заказывать?

–Я буду то же, что и девушка.

–Мне, пожалуйста, медовый раф. – Сколько ехидства бы-

ло в этих словах, скрывааемых легкой улыбкой.

– Да, на этом все. Спасибо.

Шери продолжала смеяться про себя, вспоминая неудержимую неприязнь Андре к меду.

– Так, о чем речь?

– Хотел у тебя узнать, какие документы ты подавала для поступления... в этой свой...

– Технологический Университет при *Заводе кривогнутых изделий*?

– Именно, да. Вот эта самая дребедень. Какие нужны документы, и могу ли я еще их подать?

– Дай-ка подумать. – Вопрос поставил Шери в очевидный ступор.

«Андре? На инженерную специальность? С чего бы это он так? Может быть, родители заставили? Хотя нет, он никогда никого не слушает и вряд ли бы решил начать это делать. Причина совсем в ином. В чем? Какая ему выгода изучать вещи, от которых его воротит?»

– Так что? – Андре нетерпеливо вертел в руках портсигар, полный папирос, силясь не раскрыть его и не начать чадить возле одного из немногих людей, чьи вкусы и взгляды он учитывал, прежде чем что-нибудь такое выкинуть.

– Да, можно. Пакет документов стандартный. Среди проверяемых оценок по экзамену – и технические, и гуманитарные дисциплины. Только нужно будет поторопиться: через неделю приемная закрывается вместе с возможностью стать

абитуриентом.

–Прекрасно. Замечательно. Волшебно.

–Может быть, поделишься со мной, в чем дело? Я считала, ты станешь юристом, лингвистом, учителем – да любым специалистом, который сталкивается с решением инженерных задач чуть чаще, чем с сиренью, цветущей зимой. Или не станешь никем. Тебе бы это было особенно к лицу.

Андре, предвосхищая реакцию, достал припрятанную под столом книгу в красной обложке и стал подробно делиться всеми своими измышлениями с Шери.

–Если я и хочу получить то, что мне нужно получить, что я даже, возможно, должен получить в этой жизни, мне необходимо ринуться прямо в пучины вещей, которые не вызывают у меня симпатии. Только в худших условиях могут раскрыться лучшие черты.

–Звучит очень глубоко. Правда, откуда тебе знать о худших условиях?

Официантка поднесла на металлическом подносе две большие кружки медового рафа, и Андре сделал несколько крупных глотков почти мгновенно после того, как напитки оказались на столе.

–Изумительно. Превосходно. Изысканно.

К концу встречи официантка получила свое заслуженное поощрение чаевыми, а Шери – дозу удивления, смятения и мыслей, которые сама не могла до конца сформулировать и переварить.

Очень скоро Андре и Шери станут жить вместе. Уютно, уединенно и по-своему... нормально.

-20- ЭРВИН СКАРЛЕТТ -20-

Пока Мадлен Китовски училась скрывать всяческие изменения, происходящие в ее жизни, Климент Гросс, разбуженный в аппарате, улавливающем малейшую активность мозга, был искренне благодарен каждому, кого увидел, продрав глаза.

Решаться на такой эксперимент было чревато: с каждой ночью кошмары становились все ближе к дыханию, все ласковее облизывали студенистым черным языком его смердящее страхом лицо.

Врач, у которого была научная степень и сплошь седые волосы, помог Клименту встать с лежанки, мокрой от выпившего холодного пота мужчины, и направил его к столику.

– Можете быть свободны. У вас завтра выходной? Да, хорошо. Думаю, один день клиника обойдется без нас. – Сонным движением руки седовласый доктор отпустил своих подчиненных, чем они незамедлительно воспользовались.

– Теперь мы можем с вами поговорить.

На столике, уставленном красивыми карточками и аккуратно оформленными бумагами (клиника, все-таки, частная и обслуживание в ней довольно дорогостоящее), оказались две чашки кофе, одна из которых была предложена Климу.

– Что можете мне рассказать? – с придыханием сказал он, все еще пытаясь отдышаться.

– Нет-нет, господин Гросс. Что можете рассказать мне *Вы*?

– Например?

—Вы принимаете успокоительные и гормональные, верно?

—Именно так.

—Допустим. — Доктор отодвинул от Климента кофе, взял заготовленную папку и достал из нее распечатку. — В таком случае, в вашем мозгу должен быть минимум активности. Видите, всего эти две зоны размером с миндальный орех. Остальные зоны в разной степени неактивны, скажем так, пассивны. А это результаты нашего... *эксперимента*. Видите это? Полная противоположность. Я неоднократно проверил, вдруг вы симулируете сон. Но нет, вы спали. Абсолютно точно спали, притом — очень беспокойно, полностью игнорируя действие ваших лекарств. — Доктор протянул два листка с красочными рисунками Гроссу. — А есть еще вот *это*. Так выглядит один из сотен примерно схожих результатов сканирования среди наших клиентов. Только вот загвоздка: они-то не спали. Они бодрствовали, проходили разные проверки, решали задачки и тесты. Но не спали.

—Они же почти одинаковые.

—Именно! За небольшим исключением: видите крупные участки теменной и затылочной долей? А мозжечок? В нем проявлялось такое количество процессов, будто вы не спали, а ходили по канату — четко его ощущали, видели и даже запоминали. Черт, это просто необыкновенно! — мужчина в белом халате поверх светло-голубой рубашки всплеснул руками.

—Иначе говоря, я спал без каких-либо признаков человека

спящего, верно?

–Это удивительно, удивительно! Можете мне рассказать, были ли у вас сны?

–Доктор, скорее кошмары. Кошмары, в которых я... Долгая история. Что мне с этим делать?

–Расскажите же мне подробнее! Вы абсолютно уникальный предмет для изучения!

Клим напряг каждый сустав в кулаке и с грохотом уронил его на стол.

–Слушай меня сюда! Я не могу спать ночью уже несколько недель, меня чертовски все это напрягает и пугает, я готов оставить последний свой вздох каждый раз, когда понимаю, что я снова *там*, а ты предлагаешь мне *изучить* меня? Ты дивишься моей болезнью, которая мне жить не дает, черт старый?!

Доктор понял, что крупно сглупил. Однако, признавать этого не хотел. «Гросс, – вспомнил он, – страдает от дефицита адреналина. Не стоит его злить».

Повисла тишина. Климент уселся и стал тереть распухшие вены на висках, в которых бешено стучала кровь.

–Вы расскажете мне, как я могу решить свою проблему?

–Ваше физическое тело полностью здорово, если вы об этом. Я изучил ваши анализы, что вы сдавали недавно. Да, проблема с надпочечниками никуда не делась, но в остальном – вы здоровее любого атлета. Я не могу ответить вам точнее, почему ваш мозг не прекращает свою активность.

Это может быть связано с внешними раздражителями или нервной патологией, которой вы так же лишены. Признаться честно, я действительно не знаю, как вам помочь.

Климент поник лицом, затем встал со стула и осушил залпом чашку кофе, пролив несколько капель, стекших по подбородку на воротник рубашки.

—До свидания.

«Сейчас не лучшее время предлагать ему стать объектом для ряда экспериментов. Какая могла бы быть работа! Ученый свет был бы поражен результатами, а поднятая проблема могла получить широкую огласку, выявив еще больше больных с похожими симптомами. Если случай незафиксированный — можно было бы дать ему прекрасное наименование. Что-то вроде «Синдрома неспящего Гросса...»²⁶

—До свидания, — пробубнил себе под нос седой мужчина, записывая на отдельном листочке данные Климента, чтобы навестить его снова, когда тот придет в более спокойное состояние.

«Однако, вот, что действительно странно: никогда до этого во время работы аппарата не случалось помех».

Доктор Эрвин Скарлетт не мог знать о событиях, что происходили в жизни Климента Гросса в первые годы его службы в отделе антиплагиата. Скрывалось многое. Да почти все.

²⁶ Особый интерес доктора Скарлетт обоснован все чаще возникающими труднодиagnostируемыми эффектами, возникающими у работников Завода и жителей, находящихся в непосредственной близости от Завода. Уже встречались случаи провалов в памяти, неожиданной смены цвета волос или глаз и т.п.

Их подразделение было сродни взводу, что занимается контршпионажем. Бывал случай даже, когда какие-то умники решили делать боеприпасы для стандартного огнестрельного оружия, используя для пуль материалы с измененной энтропией. Процесс был налажен плохо, брака было с излишками, и очень скоро в газетах появилась прелюбопытная заметка о нескольких разорвавшихся травматических пистолетах. Клим наряду с Оттис почуяли в этом что-то неладное и решили проверить зацепки, имеющиеся у Министерства. И оказались правы. Пули, обладающие огромным запасом потенциальной энергии, набирали дважды, если не трижды скорость звука, вылетая из ствола, а вот сам пистолет такого выброса энергии не выдерживал. Стоило бы это предусмотреть.

По улицам поползли первые знамения приближающегося рассвета, застав Гросса проходящим мимо остановки общественного транспорта. Легкий ветерок, сохранивший свежесть ночи и стремящийся постичь теплоту первых утренних часов. К остановке подъехал один из очнувшихся от дремы в депо троллейбусов, к счастью для разгоряченного Климента – и водителя с кондуктором тоже. Троллейбус ехал как раз к пригороду, откуда десять минут пешком до *панелек* спального района. В направлении пригорода – мимо Кривогнутого Университета. Мимо бесконечных рекламных баннеров. Мимо нескончаемых магазинчиков и универмагов, торгующих продукцией Завода.

Лия была готова завести авто и отправиться завтракать, раздосадованная и злая, в равной степени тем, чтобы стоять здесь до тех пор, пока Климент не покажет свое подлое лицо или – пока эти безвкусные дома все к черту не снесут ба-шенные краны, и не разровняют фундамент под свежие застрой-ки экскаваторы.

Однако, около шести утра Климент как раз подходил к пя-тому подъезду, даже не заметив, что подле него стоит един-ственный в городе белый «ЭИ–7/6».

–Клим!

Мужчина, обескураженный возгласом, обернулся.

–Эл? Какого черта?

Оттис активировала стеклоподъемники и вышла из маши-ны, почти на ходу запирая водительскую дверь.

Всю ночь она готовила оправдание своего появления здесь, чтобы не навести на себя никаких подозрений в неж-ности, но, сколько бы хороших, аргументированных и даже едких высказываний не было в ее голове, она все равно ска-зала вслух все, что было у нее на сердце.

–Я переживала. За тебя. Боялась: что-то случилось. Слу-чилось с тобой. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы не за-метить этого...

–Эл, сейчас седьмой час... Ты простояла здесь всю ночь? Мило. Мило так бездарно тратить время. Если ты так хо-рошо меня знаешь, оставь меня в покое и дай мне решить свои... – «проблемы самому» чуть не сорвалось с его языка,

но признавать наличие у него проблем делало ее правой в своих словах и суждениях. А сострадания от нее ему было не нужно.

—«Свои»... что? Проблемы? Как бы у нас все не закончилось, я думаю, ты можешь со мной это обсудить. Хотя бы как подчиненный с руководителем, если тебе так будет угодно.

Климент посмотрел на нее взглядом тяжелым, как чугунная гиря. Известное количество неприятностей случалось с ним и решалось как раз из-за этого взгляда, который так сильно давил на человека, что неосознанно хотелось либо атаковать, либо — защищаться. От чего? Черт его знает. От демонов, что живут в этом человеке?

—Нет-нет-нет, Климент, — Лия расхохоталась так сильно, что смех ее пошел эхом по еще *спящему* району, — ты меня этим не пробьешь. Пойдем пить кофе. У тебя он выходит лучше мятного зеленого чая в той кофейне.

—Эл... Твою м... Пойдем.

Клим признал поражение в этой схватке и потянулся за ключами в карман пиджака, ... оставленного на вешалке в кабинете частной медицинской клиники. Доктор Скарлетт его не заметил тоже — потому претензий к нему нет. Мгновенно вскипев, Клим стал со злостью топтать землю, словно силясь провалиться сквозь асфальт прямо к черту на рога. Когда буря утихла спустя минуту, Оттис произнесла с легкостью утреннего бриза:

—Как понимаю, к тебе мы не попадем. Что ж, поедем ко

мне. *Гера* скучала по тебе. Очень и очень скучала.

Прошло еще несколько мгновений, прежде чем Клим оказался у пассажирской двери, а Лия Оттис, наконец, умиротворенная и спокойная за Гросса, отпирала кривогнутым ключом водительскую.

Глянцевая белая таблетка, какую мог бы проглотить какой-нибудь хтонический чудовищный титан, беззвучно завелась и выехала со двора, загроможденного спящими, как и их хозяева, автомобилями.

-21- РЕТРОСПЕКТИВА? -21-

«Мы с прискорбием сообщаем, что сегодня утром было найдено тело Льва Новотного, мэра города и главы муниципальной администрации. Господин Новотный покончил с собой в своей квартире этой ночью. Близкие и родные столь уважаемого всеми жителями человека принимают соболезнования от его коллег и знакомых. Траурное мероприятие, посвященное прощанию со Львом Новотным, будет проходить в пятницу в 12.00. Лев Новотный заслужил любовь и признание своих граждан, являясь учредителем многих культурных проектов и организаций, он тесно сотрудничал и оказывал всевозможную поддержку Заводу кривоизогнутых изделий и стал культурным символом, человеком, что/который готов видеть в людях лишь хорошее. Льву было 43 года».

Андре проснулся и, недоумевая, потер глаза. Шторы не пропустили бы и лучика света в спальню, даже если бы снаружи были белые ночи. Аккуратным движением, чтобы не разбудить Шери, он взял наручные часы с комода. Подсвеченные специальной краской стрелки показывали три часа и две минуты ночи.

—Когда уже получится нормально выспаться, черт возьми...

Не первую ночь Андре снится всякая нелепица. Радиоэферы, повествующие бессвязно, сбивчиво и пустоголово, звуковые дорожки и голоса накладываются друг на друга, ли-

шаяся смысла, сбиваясь в ком, в котором лишь изредка получается вырвать несколько слов, для понимания которых так не хватает общего контекста.

–Никогда!

–Нигде!

–Всегда!

Несуществующие газеты, тексты которых заслоняют собою взор, оставляя их на сетчатке точно штамп, надписи, подернутые потекшей краской, словно глаза, подведенные тушью, глаза обливающиеся слезами, источающими нестерпимый ужас их хозяйки.

–Я не хочу!

–Я не позволю!

–Я сделаю все, чтобы...!

Странные механизмы и устройства, лишенные какого бы то ни было видимого спектра применения. Обычные коробочки, содержимое коих – мишура из проводов, точно новогодние украшения, спутавшиеся за год хранения в чулане. Начинка – точно вывороченный наизнанку часовой механизм. Они работают, хотя не должны. Они действуют против правил. Они существуют против самой невозможности своего существования.

А еще он, лысый мужчина, под одеждой которого дыбятся мышцы. Мужчина – весь в черном. Он точно пытается что-то сказать ему, но никак не выйдет услышать ни слова. Его глаза... Где он мог видеть эти глаза?

Андре встает с кровати, подходит к окну, на влажной поверхности которого быстро записывает пару слов, чтобы вспомнить хоть один из образов при свете дня.

-22- ПОСТРОИТЬ БУДУЩЕЕ -22-

-Карл, я преисполнен решимости...

-Я вас внимательно слушаю.

«Violettes» неизменно с самого утра принимает гостей и подает один из лучших кофе в городе. Погода случилась куда лучше, чем в предыдущие дни, казавшиеся все как один в пелене морозящего дождя или раскатах грома.

-Итак, мне нужна следующая материально-техническая база: помещение, оформленное как коммерческое или в собственности муниципалитета, площадью не менее сотни квадратных метров, аудио-оборудование, связь с городскими творческими сообществами – Лев зачитывает эти пункты точно по списку, составленному в своем ежедневнике. Карл видит: его начальник сегодня выглядит удивительно счастливым. Может быть, отступила мигрень? – ...и образцы документов для учреждения коммерческой и некоммерческой организаций. В общем, здесь еще достаточно пунктов, но начнем по порядку.

Дверь из внутреннего зала распахивается, из нее выходит Мари Фиш. Мари в цвета слоновой кости костюме с пиджаком, лодочках – в тон, Мари – в серьгах с крупной бирюзой – чтобы подчеркивать цвет глаз. Мари – чьи глаза всегда направлены в море.

-Кажется, официантка не выпалась. Совсем забыла про мой заказ. Я готова продолжать с вами диалог.

Карл положил голову на руку, опершись на подоконник, и

с сомнением глядел то на Льва, то на Мари.

—Я так понимаю, это ваш совместный с госпожой Фиш проект?

—Да, все верно. Я больше не могу воздерживаться от необходимого.

—Необходимого по вашему мнению или это действительно нужно?

—Карл, поймите, что сейчас настали довольно непростые времена. Как можно судить по книгам, газетам, хроникам и памяти еще живых людей, буквально полвека назад жизнь все-таки имела склонность к тому, чтобы делить себя на «хорошее» и «плохое». Однако, в этом вы меня поддержите, в наше время не то чтобы смылась грань, разделяющая эти понятия, скорее — приходит страшная мысль, будто этой грани и не было никогда. В этом, думаю, вы со мной согласитесь?

—Да, Мари. Пожалуй, это так. Мысль, честно говоря, избитая и себя изжившая.

—Я продолжу. Что, если это суждение верно? Что, если именно из этого истекает все происходящее, что мы постоянно наблюдаем, анализируем, пересказываем, но никак не можем осознать? Никогда не было стабильности ни в чем. Наш мир и мнение людей о нем, сами люди — что лист, плывущий в бурной реке. Слишком высокий уровень глобализации и созависимости, слишком сильное взаимодействие между странами, народами, людьми — а столько конфликтов еще не исчерпано, столько точек над *i* не поставлено. Раз-

ве это не признак того, что необходимо возвеличить искренность? Не игру в политику, не попытку заполучить желаемое путем сотен обманных операций, из-за которых страдают, зачастую, совершенно не замешанные в происходящем люди, а обычное человеческое стремление понять и быть понятым, что возможно только тогда, когда оба собеседника не лгут ни себе, ни друг другу.

—Вы ведь не первая, кто излагает подобную точку зрения. В ваших словах есть попытка концептуализации мыслей и изречений многих поколений, однако, люди уже будто знают это, но игнорируют. В чем будет наше преимущество? Зачем нам это вообще?

—Мари, разрешите я скажу? — Фиш резко кивнула на слова Льва. — Спасибо. Карл, дело вот в чем. Да, скорее всего мы не исправим каждого и не укажем путь каждому потерянному человеку. Да, более чем, вероятно, наш вклад, если проект свершится, будет смехотворен. Да, мы хотим взяться за то, чтобы в течение одной своей жизни исправить опыт сотен поколений, что привел нас к вершине прогресса — и полному моральному истощению. Да, идея с самого начала обречена на сокрушительный провал, тотальный разгром! Но разве не стоит нам... надеяться? Надежда в то, что завтра будет лучше, чем вчера, как бы избито это не прозвучало, не покидает даже бездомного пса, не говоря уже о человеке. Даже несколько спасенных жизней будут стоить того, чтобы потратить на это силы и время.

–Кроме того, мы лично ничего не теряем. Я обсудила с членами Союза возможное финансирование – и они дали добро. Многие из них предприниматели, к слову, – Мари продолжала попытку поймать взглядом официантку, однако, только показавшись на веранде, она мгновенно исчезала.

–Хорошо. Предположим, что все складывается пока благополучно. – Карл нехотя отступил.

–Друг мой, я вас понимаю. Кто-то обязательно должен исполнять вашу роль.

–Роль?

–Да, именно. В любом объединении должен быть человек, обладающий навыками найти недостаток в абсолютном идеале. Если бы не вы и не такие, как вы, наше общество рухнуло бы куда раньше, – Лев неслышно рассмеялся.

Вот уже на протяжении почти полугода Карл работал с Новотным, но таким восторженным видел его впервые.

«Куда пропала хандра, где ваши таблетки, господин мэр?»

–Мари, займитесь, пожалуйста, составлением устава, уточните предельную сумму, которую Союз готов предоставить для реализации нашей деятельности, свяжитесь с достойным дизайнером, чтобы поразмыслить с ним о визуальном оформлении, концепте и интерьере будущего *места*. И, пока не забыл,... – Новотный захлопнул толстый ежедневник.

–Ваш заказ, простите за ожидание!

Напротив Фиш оказалась довольно большая кружка зеле-

ного мятного чая.

–Девушка? Простите, это не мой заказ. – Тон Мари становился все жестче, но это не играло роли: Ника исчезла в дверях внутреннего зала в ту же секунду. – Какого черта?! – Простите меня, я сейчас вернусь, – девушка пролепетала эти слова с видом совершенно заслуженного недовольства и скрылась вслед за Никой.

–Впервые вижу такой инцидент здесь.

–Рассеянность. Нервное переутомление. Скрываемая депрессия. Удивительно, что она вообще еще не свалилась здесь с ног. Вы хоть раз помните, когда Ника была на выходном? Мы ведь здесь завтракаем практически каждый день, и вряд ли имело место быть такое удивительное совпадение, что именно в те немногочисленные наши отсутствия, она и была выходная.

–Да, совпадение было бы действительно удивительное.

–Ника – один из лучших примеров.

–Примеров чего, господин мэр?

–Тех людей, ради которых мы затеяли проект. Сами посудите, Карл: не учится, потому что не знает, на кого учиться. Работает официанткой, потому что здесь можно гарантированно получать стабильный доход каждую смену. Совершенно не имеет планов к дальнейшей деятельности. Она бы и хотела обрести цель, мечту, но на кого ей равняться? На сотни и тысячи однодневных знаменитостей? Ни героев, ни злодеев – сплошная скука, в которой нельзя ощутить почву

под ногами. Нет антагониста, против которого бороться. Нет протагониста – на которого захотелось бы стать похожим, каким бы несбыточным не был его образ. Люди теряют стремления – и мы в силах дать им либо силы, либо – направление, в которое эти силы можно было бы приложить.

– Да, еще одна проблема: тотальная разрозненность. – Фиш неожиданно появилась снова в своем кресле, но уже с чашкой горячего капучино. – Наш вид выжил лишь из-за способности к социализации, взаимопомощи и взаимодействию. Сейчас такой необходимости нет. Необходимости – выживать. У каждого есть в шаговой доступности магазин, поставляющий любые продукты вне зависимости от времени года. У каждого почти есть автомобиль – чтобы оказаться в любом месте в любое время, не напрягая ног. У большинства – крыша над головой, в которой точно получится провести холодную зиму. Человечество выжило – цель достигнута. А что дальше? Ради чего мы выжили? Отсюда и депрессии, и множество других психических расстройств, возросшее число самоубийств и иных инцидентов. Мы не приспособлены к комфортной жизни, слишком быстро мы к ней пришли, достигли ее. Две сотни лет назад, когда ужасные заболевания выкосили почти четверть населения материка, люди и не догадывались, что их потомки будут горевать на пустом месте, сытые и здоровые. Но это не их вина и не вина нас с вами. Нужно лишь заново учиться жить в новом мире. Нужно лишь обрести новую цель...

—Никто вас кроме не скажет лучше, Мари. — Лев отхлебнул крупный глоток заметно остывшего кофе.

—Вы довольно хорошо поладили. Лев, вы не считаете, что Фиш и идеи Союза оказали на вас слишком сильное влияние?

—Может быть, да. А может и нет. Все одинаково возможно. Однако, это произошло, и что-то внутри меня не даст мне покоя, пока я не осуществлю задуманное.

—И что все же будет происходить в стенах вашего места?

—Будущее. В чистом виде. Создать и спрос, и предложение. Подобно тому, как это делают все. Чем смысл хуже, как товар, например автомобиля? Создание его буквально сотворило наш мир. Необходимость логистических решений. Затем — предприятия, на которых трудятся люди. Организации — что обслуживают технику. Добыча полезных ископаемых — благодаря которым моторные сердца продолжают биться и обдаваться маслом. После — открытие Завода кривогнутых изделий, который вывел это и другие производства на совершенно уникальный уровень. Очередной шаг развития индустрии, построенной на проблеме, которую все принимали как должное или не видели вовсе. Мы выделили подобную же проблему. Отсутствие настоящего вектора. Лучшие умы будут денно и нощно всеми доступными им средствами формировать наше будущее, выводить его и познавать. Мы уведем людей с обсыпающейся горной тропы, готовой обрушиться в каждую минуту, но не засыпая их головы

информационным мусором, наоборот – освобождая от него. Мы создадим платформу, где каждый мог бы найти свой личный смысл – точно вещий сон. Претворить свою страну грез. Нам всем нужно во что-то верить, в чем-то быть уверенными, засыпая, представлять картины прекрасного завтра, которое впервые за долгое всегда действительно будет иметь право на существование.

–За сказанное! – Фиш подняла над столом капучино.

Лев посмеялся почти что басом, чем здорово напугал неготового к таким резким переменам Карла.

Впрочем, все ведь к лучшему?

-23- ЭМИЛИЯ АБСЛЕР -23-

Новотный и Фиш действительно подружились. Совместный кофе по утрам. Совместный ужин – в конце рабочего дня. Звонки по телефону – перед самым сном. Это никак не повлияло на его отношения с Карлом – в таком случае, он обязательно бы заявил в открытую о своем недовольстве, это было бы на него похоже.

–Расскажите мне подробнее.

Лев и Мари стояли у перекошенного старого ограждения из кровельных металлических листов, вдоль всей протяженности которого виднелись листки истлевших объявлений и самого разного содержания надписи, раскрывать которые не позволит цензура. За ограждением виднелись несколько последних этажей масштабного сооружения, напоминающего

колоссальные кубические горы с зияющими квадратами пещер. Башня, продолжать строительство которой просто-напросто отказались.

—Когда-то давно это место начали строить для торговли и офисов. Затем вскрылся факт недобросовестности владельца — и стройка приостановилась. После, когда сооружение продали по завершении судебного разбирательства, почти сразу началось новое — о недобросовестности застройщика. В общем, песня долгая. И это — лишь одна из многочисленных версий того, как «Кривая» стала недостроем. Однако, сейчас она принадлежит одному человеку, что находится в тесном контакте с одним из членов Союза. Внутренняя отделка, благоустройство прилегающей территории, замена всех окон, — Фиш пнула туфлей один из крупных осколков стекла, — закупка мебели... Думаю, это в наших возможностях. Конечно, осуществить изначальный план у нас не выйдет. До небес она вряд ли взойдется, однако, вид будет... впечатляющий.

—Прекрасно. Дизайнер?

—Некая Эмилия Абслер. Лично с ней знакома до этого не была. Никак не могла найти себе подходящую работу, потому оказалась несказанно рада нашему предложению. Я оценила несколько ее работ и попросила сделать пару-тройку общих видов будущего законченного здания. Не разочаровала. — Фиш попыталась приподнять колено, чтобы положить на него небольшой чемоданчик, но юбка этому поме-

шала. – Поможете мне?

– Да, конечно. – Лев выставил вперед руки, Мари отперла кодовый замок и достала из раскрытого чрева сумки рисунки.

Лев облегченно вздохнул, даже забыв о тяжести чемодана Фиш.

Бетон и металл, переливы немногочисленных витражей и радужные зеркала панорамных окон, великолепное взаимодополнение хрупкого стекла и массивных столпов стен, витиеватые мощные дорожки под навесами, стоящими на плечах мраморных неизвестных благодетелей, склоненных в полном подчинении необходимости жертв, но взоры их все обращены к небу. Обычный недостроенный короб преобразился совершенно, отращая к небу гибкую ветвь этажей. Единство камня, хрусталя, живой зелени и хитро искривленного металла. Переплетающиеся словно лозы титанические коридоры, выступающие прочь из общего массива недостроенного еще монолита.

– Волшебство. Эмилия Абслер, верно?

– Это – еще не все.

Следующее изображение было посвящено внутренней отделке одного из потенциально важных центральных помещений. И здесь юный дизайнер смогла испещрить изяществом каждый сантиметр проекта. В этом месте хотелось созидать, творить и просто-напросто жить, находиться. Свет и лак, дерево и камень становились целостной структурой, в которой

происходило отождествление эстетичного этичному. Мысль, реализованная в образе.

—И последнее, что она успела сделать к нашей сегодняшней встрече.

Библиотека. Но не совсем обычная.

Помещение составляло в себе баланс рабочей зоны и зоны отдыха, вмещаая в себя книжные ряды и составленную коллекцию виниловых пластинок, прослушать любую из которых можно было на проигрывателях, установленных на каждом из массивных круглых столов в самобытного формата кабинках, похожих на телефонные — только в разы больше.

—Мне неловко. Давайте-ка я заберу свой кейс...

—Ах, да. Конечно!... Я впечатлен. Если ваши коллеги из Союза примут наше с вами мнение, незамедлительно просите госпожу Абслер целиком и полностью взяться за проект. Мы ведь не обидим ее оплатой? Кажется, она вполне заслуживает, чтобы ее труд и талант были высоко оценены. Кроме того — я хочу видеть там галерею и целый коридор творческих студий. Нельзя терять ни единого сантиметра пространства неиспользованным.

—Само собою разумеется, Лев. — Фиш легким движением вернула бумаги в чемоданчик, заперла его и забрала из рук Новотного.

Лев и Мари стояли в тени раскидистого вяза, пытаясь уловить и сохранить миг, в котором уставшая серая рухлядь в их сознании уже полна жизни, красок и стремлений, разбра-

сывая солнечные блики по соседним проспектам и направляя все потерянные души к сияющим в будущем фантазмам вновь обретенных целей.

Фиш была из небогатой семьи, проживавшей в каком-то захолустье, где каждая курица друг другу по вечерам рассказывает накопившиеся за день немногочисленные сплетни.

Однако, с самого детства, с самых юных лет Мари воротило от всего, что ее окружало. Дело не в пренебрежении к ведению хозяйства и даже – не в отсутствии благ современного общества. Скорее – в полном отсутствии стремления человека жить лучше. Каждый, живущий в небольшой деревне, чье название рифмуется с «поминки», не имел за душой больше, чем было нужно, чтобы не оставаться голодным и в нетопленном доме. Однако, маленькую госпожу Фиш это не устраивало. Есть ведь в этом мире нечто большее, чем утоление само собою разумеющихся потребностей? Внутренняя тоска, неутолимая печаль, жажда и голод – иного порядка, которые не насытить ничем съестным. Мари горела жаждой искусства и изящества, символизма простых вещей, раскрывающих понимание сложных, утонченности, что трудно создать – и невероятно легко разрушить. Краткий миг отдохновения. Неуловимый миг восхищения прекрасным, накатывающий на созерцающего и ускользающий так же незаметно, как и пришел.

Лев и Мари переглянулись, преисполненные непонятного никому счастья, что стоит многим дороже, чем все блага ми-

ра. Счастье это – в мечте и надежде.

-24- ЭСТЕТИЧНО – ЗНАЧИТ ЭТИЧНО -24-

«Доброго вечера, дорогие слушатели. Сегодня наша передача посвящена траурному событию на страницах истории города, а именно – скоропостижной утрате любимого и обожаемого жителями города мэра Льва Новотного. В виде вступления мы предлагаем вам прослушать сохранившуюся запись одного из его первых выступлений в стенах реставри-

рованного венца футуристической архитектуры конца прошлого столетия, получившее благодаря стараниям Льва и членов Союза название «Сомния» и ставшее одним из самых известных культурных центров по эту сторону моря.

“Здравствуйте, дорогие друзья и коллеги. В нашем неустойчивом мире, полном самых разнообразных и невероятных стечений обстоятельств и факторов, готовых в мгновение перевернуть совершенно весь порядок вещей и ход событий, есть нечто, что столь тесно сплетено с нашими жизнями, что вполне может являться той ее частью, что обретает бессмертие и игнорирует все, над чем властны время и Судьба. Это – искусство. Что человеческая жизнь, что стремление самого человека творчески преобразить мир – цель обоих не может быть ясна и определена точно, однако, имеющаяся в наших сердцах храбрость и отвага, позволяющая лицом к лицу встретиться с экзистенциальным ужасом и обратить его в красоту и изящество – сила и смысл, достойные своих причин и следствий. Все, что эстетично – этично. И наоборот. Искусство – спаситель человеческих душ. Разве можно причинить зло ближайшему – и после отправиться в библиотеку, чтобы не просрочить дату возврата взятой книги? Разве можно красть – а после наслаждаться волнующими классическими увертюрами? Разве можно человеку губить человека – и затем посещать галерею искусств, оставляя часы жизни за поиском истинного умысла автора? Искусство и зло несовместимы,

и тот, кто причастен к культурной жизни, не в силах поступить против морали, воспитанной в нем им самим...”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.